

Обезумевшие драконы могут уничтожить цивилизацию на всем Фаэруне, но так было не всегда. Были времена, когда люди и драконы бок о бок оберегали жизнь и сражались со злом. Конечно, такое нечасто случалось. Гораздо чаще они пытались убить друг друга и украсть в процессе побольше сокровищ. Это собрание новых историй от создателя Забытых Царств Эда Гринвуда, популярных авторов Элейн Каннингем, Ричарда Бейкера, Лизы Смедман, Роберта Энтони Сальваторе, а так же автора "Года Безумных Драконов" Ричарда Ли Байерса и других, демонстрирующих миллиард граней фаэрунских драконов. Год Безумных Драконов только начался, но история этой расы длинна, пугающа и в то же время - прекрасна.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons **"Forgotten Realms"**. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

1. Оковы Души - Пол С. Кемп - **Йорик**
2. Первый полёт - Эдвард Болм - **Аюна Сынгоева**
3. Дракон Горлиста - Элейн Каннингем - **Sinisstra**
4. Хранительница тайн - Эд Гринвуд - **Аюна Сынгоева**
5. Топазовый дракон - Джесс Лебоу - **Аюна Сынгоева**
6. Свеча без фитиля - Р. А. Сальваторе - **morinago**
7. Серпестрилвит - Ричард Бейкер - **Аюна Сынгоева**
8. Побождённый - Томас Рейд - **Аюна Сынгоева**
9. Стандартная процедура поиска - Лиза Смедман - **Аюна Сынгоева**
10. Ледяное Сердце - Вороника Уитни-Робинсон - **Валерий**
11. Покаянные обряды - Кейт Френсис Стром - **Максим Баранцев**
12. Острее змеиных клыков - Дейв Гросс - **Максим Баранцев**
13. Пиво у толстого дракона - Дон Бэссингтвейт - **Валерий**
14. Узник Халбурга - Ричард Ли Байерс - **Аюна Сынгоева**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

«КОРОЛЕВСТВА ДРАКОНОВ I»

Под редакцией Филипа Этанса

ОКОВЫ ДУШИ

Пол С. Кемп

Год Ложных Надежд (– 646 ЛД)

Айнон Дес Провидец, Первый Демарх конклава Зала Теней, пробудился от видения. Что-то было не так. Во тьме кельи для медитаций он открыл глаза и прислушался.

Тишина. Необычная тишина.

Воздух казался другим. Тени кельи словно сгустились, стали почти липкими. От давления болели уши, а голова казалась тяжёлой.

Айнон, удрученный и сомневающийся, встал с молитвенного коврика и прошёл к узкой деревянной двери кельи, поднял холодный металлический запор и распахнул её.

Снаружи аспидную тьму нарушали лишь две восковые свечи, горевшие на квадратной глыбе алтаря. Казалось, что всё в порядке, но...

Главные двустворчатые двери храма были распахнуты и темны. Уже был полдень, но снаружи не было видно света. И с улиц города не доносилось ни звука.

Что происходит?

Чуть дыша и с нехорошим предчувствием, от тяжести которого опускались плечи, Айнон направился к дверям храма.

Одни из его братьев-демархов выходили из келий для медитации, другие из дверей за алтарём, ведущих в святую святых.

Все они казались сбитыми с толку и смущённо перешептывались.

Они шли к дверям словно призраки. Похоже, демархов устраивало, что их ведёт Айнон, и он первым достиг дверей. Провидец выглянул наружу и онемел от изумления.

За дверями не было города - ни улиц, ни телег, ни лошадей, лишь степь, высокой чёрной травой колышущаяся на тихом ветру.

Сердце колотилось в груди. Братья шли сзади, вокруг, и их вздохи были эхом чувств Деса.

Ноги словно налились свинцом, но Айнон вышел за двери на покрытый чёрными прожилками мраморный портик. Ему было трудно дышать, воздух казался слишком густым. Повсюду были лишь тени, тьма и мрак.

А в голове Деса голос – его голос – повторял вновь и вновь, - Я не предвидел этого. Я не предвидел этого...

Он посмотрел на небо и не увидел ни солнца, ни звёзд, ни обеих лун – только чёрные кляксы облаков, залитые лишённым источника тошнотворным охряным светом.

☐ Кессон Рел украл небо, - прошептал Айнон.

Кессон Рел, первый Избранный Бога Теней, стоял по колено в воде и ждал, когда же покажется дракон. Защитная магия окутывала его тело, защищая как от физических атак, так и от высасывающего жизнь чёрного дыхания твари. Другой двуимер позволял ему говорить на любом языке, какой только может использовать дракон.

Вечный мрак Глубин Тени не ограничивал его поле зрения. Куда ни глянь, всюду тянулось болото. Воздух кишел мухами и кровососами, а в небесах кружили огромные летучие мыши. Тут и там над прудами поднимались миазмы, от которых разило тленом и разложением. На их берегах ютились ряды деревьев с поникшей листвой.

А над всем нависало чёрное беззвёздное небо Глубин Тени.

Кессон наслаждался мраком этого места. Глубины казались ему домом. Рел знал, что со временем они выпивают жизнь из простых смертных. А скоро этот урок получат и его бывшие товарищи – демархи Зала Теней. Они всё ещё не понимали до конца, что сделал Кессон, что он замыслил.

Или Айнон Дес предвидел свой конец? Мысль вызвала улыбку у Рела. Он...

Насекомые мгновенно исчезли. Болото умолкло. Воцарилась тишина.

Приближался Фурлинастис – теневой дракон.

Кессон глядел на небо, высматривая характерное облако тьмы, окутывающее существо.

И видел лишь тонкие чёрные облака, залитые тусклым охряным светом плана.

Звук и шелест движения за спиной. Он обернулся с заклинанием на губах.

Слишком поздно.

Дракон ринулся на Кессона, встав перед его глазами облаком теней, чешуи и когтей. Избранный успел лишь на миг поразиться тому, что огромное как храм существо может двигаться почти бесшумно.

Задние когти дракона ударили Рела с силой выстрела метательной машины, вцепились и потащили рухнувшего на спину человека под воду. Если бы его не защищала магия, то все рёбра уже треснули бы под сокрушительной тяжестью змия. И даже с ней когти зверя смогли оцарапать его кожу, выдавить воздух из лёгких. Кессон утонет, если не будет действовать быстро.

Мало что было видно сквозь покров тёмных вод, и исполинское тело дракона казалось чёрной стеной.

- Человек, я чую на тебе защитную магию, - заговорил Фурлинастис, чей шёпот был таким громким, что его было слышно даже сквозь мелкую воду, - Посмотрим, наполнит ли она твои лёгкие.

Дракон вдавил его глубже в грязь, глубже под воду.

Кессон поборол инстинктивный порыв паники, которая угрожала его поглотить, и собрался с мыслями. Он, как и всегда, приготовил в уме несколько заклинаний, которые мог выполнить без слов, без компонентов, одной лишь волей.

Задышавшись, Рел мысленно активировал чары, которые за удар сердца перенесут его из одного места в другое. И когда они подействовали, Избранный исчез из-под дракона и, мокрый и грязный появился в тенях деревьев небольшой рощицы примерно на расстоянии броска камня позади рептилии. Усилием воли он притянул тени ближе, окутав себя тьмой, сквозь которую не смог бы увидеть даже дракон.

К своему удивлению Кессон обнаружил, что вид теневого дракона, существа из мифов его родного мира, завораживает. Чёрные и пурпурные чешуйки, некоторые размером с ростовой щит, переливались от движений огромных мускулов и сухожилий. Когти длиной с мечи глубоко погрузились в ил. Распахнув крылья, Фурлинастис мог бы накрыть замок.

Повсюду вокруг огромного тела плясали тени, стекая с существа словно клубы тумана. Даже Кессону, который сам был порождением мрака, очертания дракона казались размытыми. По краям ящер словно сливался с тьмой своего измерения.

Рел знал, что при всём величии дракона именно он – более могущественный слугитель теней.

Всё ещё укрытый деревьями, Избранный начал шептать слова первого из двух принуждений.

Должно быть, дракон почувствовал, что под лапой больше ничего нет. В поисках Рела величественное существо закружилось, покачивая головой на змеиной шее и сверкая глазами.

- Человек, ты близко, - прошипел Фурлинастис. - От тебя пахнет вторгшимся храмом.

Кессон почти улыбнулся. Храм Повелителя Теней не вторгся в глубину, а был изгнан. Кессон перенёс святилище со всеми кандидатами после того, как он выпил из Чаши и правящий совет заклеил его еретиком. Возможно, потом он перенесёт в Глубины Тени весь Элгрин Фау, просто чтобы посмотреть, как Город Серебра умрёт во мраке.

Дракон втягивал воздух, искал, принюхивался. Под огромными ступнями хлюпала вода.

Кессон выступил из-под покрова теней. Дракон уставился на него широко раскрытыми глазами. Существо запрокинуло голову, несомненно, для того, чтобы выдохнуть облако высасывающего жизнь чёрного газа.

☒ Не двигайся, - сказал Рел и поднял руку.

С его длани хлынула энергия, сила воли, которая воплотилась и возросла благодаря мощи заклинания. Она схлестнулась с волей дракона, связала его, подчинила – но еле-еле. Это не продлится долго.

Вынужденный исполнять команду, змий замер перед Кессоном словно статуя. Струйки теневого вещества сочились из ноздрей дракона, пыхтящего как кузнечные мехи.

Рел по воде побрёл к дракону, пока не подошёл на расстояние укуса. Он чувствовал, что ящер продолжает бороться против его заклинания. Если бы

Фурлинастиса оставили в покое, то со временем он бы разорвал волшебные оковы. Но Кессон вовсе не собирался оставить дракона в покое.

- Зверь, я не причиню тебе вреда, - начал Рел, - но тебе придётся исполнить то, что хочу я и мой бог.

Услышав эти слова, дракон ещё сильнее напрягся – без толку.

Кессон улыбнулся, протянул руку и положил её на чешую дракона. Сочащиеся из пор Избранного тени смешались с теми, что окружали Фурлинастиса.

- Это будет несложно, - пообещал Рел и провёл пальцами по чешуйке. На ощупь она казалась холодной и гладкой, словно аметист.

- Ты говорил о вторгшемся храме, поэтому я вижу, что ты уже знаешь о нём. Посмотри на меня. - приказал он.

Медленно, с ощутимым нежеланием под действием колдовства, Фурлинастис склонял голову, пока его тёмные глаза не вперились в Кессона. Рел видел, как в них тлеет злоба и ненависть, и подумал, что никогда ещё не видел существа, сильнее ненавидевшего быть в услужении, чем дракон. И задумался, все ли змии столь же горделивы?

- Некогда я служил храму, - сказал Кессон, - но потом Бог Теней сделал меня своим Избранным и позволил испить из Чаши. Позднее он благословил меня, преобразовав мою плоть, - он поднял руки, чтобы показать дракону темную кожу и окутавшие её тени, - мою душу, и показав мне этот мир. Конклав демархов счёл мою трансформацию знаком прегрешений, а не благословением. Они называли меня еретиком, - Рел облизнулся и сдержал нарастающий гнев, - но я именую их глупцами. И в наказание за глупость я использовал дарованную мне мощь, чтобы переместить храм и всех его обитателей из своего мира в это место, дабы за своё невежество они умерли во мраке. Ты убьёшь их.

На это дракон не сказал ничего.

- Ты хочешь что-то сказать? – спросил Кессон. – Так говори.

Его слова ослабили узы заклинания достаточно, чтобы освободить язык дракона.

- Человек, убей их сам, - прошипел Фурлинастис, и от силы его вздоха плащ избранного прилип к телу. - Я не...

- Умолкни, - повелел Кессон, оборвав дракона на полуслове.

- Я бы сделал это, если мог, Фурлинастис, - Рел покачал головой и улыбнулся абсурду, - но я поклялся никогда прямо не забирать жизни других жрецов – а они в том же поклялись мне. А такие клятвы скрепляют самыми могущественными связывающими заклинаниями, известными моему народу: заклинаниями души. Такие чары нерушимы, их невозможно обойти, если того не желают обе души... - Кессон увидел, что дракон вновь хочет что-то сказать, - Говори.

Фурлинастис сказал:

- Ты говоришь ерунду. Твои заклинания – лишь мелкая магия, которой на сей раз улыбнулась удача. А когда я освобожусь...

- Умолкни, - вновь повелел Рел, и вновь Фурлинастис замолчал. - Дракон, ты никогда не освободишься. Связывающие тебя сейчас чары – это лишь временная мера. А заклинанием души я привяжу тебя к себе... навечно.

Вновь дракон напрягся, пытаясь сбросить заклинание, и злость помогла ему поднять лапу над водой на длину руки. Кессон восхищался силой змия, но знал, что её недостаточно.

Избранный начал творить заклинание души – пример уникального для его мира типа магии, связывания, питаемого силой собственного духа. Истекающие тенями пальцы проделывали в смрадном воздухе замысловатый путь, а с губ срывались слова силы, известные лишь жрецам его народа. И когда Рел произнёс последнее слово, то ощутил, как его душа раздваивается, почувствовал, как заклинание вытягивает часть его сущности и перебрасывает в дракона. Там она растекалась по душе ящера, словно струйка чернил в ведре воды, принуждая существо делать всё, что может приказать Кессон.

Это стоило Избранному части себя и ослабило его так, что, если бы ему пришлось сражаться с драконом сейчас, то он мог бы и не победить.

- Впредь повинуйся мне во всём, - изрёк Рел, зная, что его голос бьёт по разуму зверя словно молот. – Твоя первая обязанность такова: каждые двадцать четыре часа ты будешь приходить ко мне сюда, чтобы я дал тебе имя жреца из храма. А получив имя, полетишь туда, заберёшь названного жреца, не вредя другим, и принесёшь его ко мне.

Кессон представил, как на его глазах вероломные братья будут умирать один за другим. Он хотел, чтобы перед смертью демархи осознали, как плохо они поняли волю своего бога.

- По моему велению ты пожрёшь названного жреца или же выпотрошишь его. Ты будешь делать это, пока все жрецы внутри храма не будут мертвы.

Приказать другому убивать не значит нарушить клятву. Он увидит смерть жрецов, хотя и не сможет сам их убить. Кессон знал, что сейчас в храме находятся сорок четыре жреца Бога Теней: тридцать шесть кандидатов и новообращённых и восемь членов конклава. Он начнёт с кандидатов.

- Веннит Дар.

Избиение началось с Веннита Дара и продолжалось каждые двадцать четыре часа на протяжении... Сколько же оно длилось? – Задумался Фурлинастис. – Слишком долго.

Дракон был не против убийства жрецов. Ему просто было невыносимо осознавать, что человек, Кессон Рел, связал его заклинанием – душевным заклинанием – так, что Фурлинастис умер бы, дабы исполнить любую команду теурга.

Магия душ. Дракон никогда о ней не слышал и надеялся, что никогда не услышит вновь. Он нуждался, отчаянно нуждался в свободе от заклинания. Фурлинастис, как и все его сородичи, был силой природы, грозой во плоти. А бури не могут склониться перед чужой волей, даже волей теурга.

Но он совершенно не представлял, как можно освободиться от заклинания.

Дракон взревел от гнева, изрыгнув в беззвёздное небо порыв испивающего жизнь дыхания. Кипя от негодования, он забил крыльями и воспарил во мраке своего родного плана. Как и всегда, Фурлинастиса окутало облако теней. И имя наполнило его разум, отозвалось в душе, повлекло вперёд: Нелм Дисван.

Следующим умрёт Нелм.

Айнон бродил по Залу Теней. В шёлковой маске, символе веры, он словно задыхался, но Дес боролся с желанием сорвать её с лица. Он знал, что это стремление вызвано не обычными проблемами с дыханием, а кризисом веры. Бог Теней словно бросил их ради Кессона Рела – еретика, осквернителя Чаши.

Нет, подумал Айнон, тряся головой. Видения не показывали божественного неудовольствия, а он и все остальные жрецы – кандидаты, новообращённые и члены конклава – всё ещё могли взывать к Богу Теней о заклетьях. Бог не покидал их.

Не сейчас, подумал провидец, и никогда.

Кессон Рел осмелился испытать из Чаши. В наказание Бог Теней заклеил его отступником, преобразив плоть. Но цели бога Айнон понять не мог. Возможно, божество стремилось испытать веру жрецов храма, некоторое время изображая потакание Кессону. Возможно, что он хотел узнать, кто сильнее: Айнон и ортодоксы или еретик Кессон Рел.

Конечно, Айнон уже знал ответ. Против теурга не смог бы устоять никто из жрецов храма. Кессон был первым среди них, и после его богохульства провидец неохотно влез в сандалии теурга. Дес был обычным жрецом. Рел владел божественной и тайной магией с непревзойдёнными никем мощью и мастерством. Даже вместе весь конклав не смог бы победить теурга. Как и дракона, которого Кессон заставил исполнять свою волю. Каждый день огромная рептилия приходила, чтобы забрать дань плотью, которую Рел собирал в плату за отлучение. Айнон не сомневался, что каждый жрец умер в страшных мучениях под злорадный хохот Кессона Рела.

Как Бог Теней допустил это? – Задумался Айнон. Ответа у него не было. Вера провидца слабела. Умрут ли они все здесь, на пустынных равнинах тенистого ада? Да, похоже на то.

Конклав пытался открыть портал в свой родной мир, но оказалось, что когда теург перенёс сюда храм, он привязал их к Плану Теней. Жрецы также обсуждали возможность побега, чтобы рассеяться и попытать удачи на сумрачных равнинах. Но никто не мог пройти больше двухсот шагов в любом направлении – путь дальше закрыло незримой стеной. Теург надёжно привязал их к единственному миру, к одинокому храму на клочке тёмной земли шириной с расстояние выстрела из длинного тяжёлого арбалета. Жрецам оставалось только ждать своей очереди на бойне. Айнон знал, что теург хотел увидеть, как они умрут, умрут с ужасом и безверием в сердцах.

Сначала Дес и другие демархи пытались остановить натиск дракона силой рук и заклинаний. Но их чары и оружие бессильно отскакивали от чешуи зверя. Змий

старался никого не убивать, но жрецы были бессильны остановить существо. Перед драконом растекалась столь мощная волна ужаса, что при его приближении съезжались даже старшие члены конклава.

Каждый день неостановимый змий покидал храм, зажав в когтях одного жреца, и со временем демархи осознали свою беспомощность. Их вера не слабела, а уже исчезла. Айнон видел это в глазах других. Дес думал, что жрецы могли бы покончить с собой, чтобы не страдать, наблюдая за приближением неминуемой гибели, если бы это не претило их клятвам. Но они наблюдали, все каждый день ждали возвращения дракона и жуткого приговора. Демархи не пытались понять речь рептилии. Всё и так было ясно. Дракон говорил имя Кессона Рела и обречённого.

Тридцать пять уже забрали. На следующий день дракон придёт за тридцать шестым. А после этого останутся только члены конклава.

Кессон припас самые лакомые кусочки напоследок.

Айнон в одиночестве сидел в келье для медитаций. Другие жрецы разбрелись по делам в ожидании кончины. Кто-то спал, кто-то молился, кто-то бесцельно бродил кругами. А Дес, не готовый сдаться и поверить, что Бог Теней бросил их беспомощными на забаву теургу, искал видения. Он был провидцем Конклава Демархов, и его вера не дрогнула даже сейчас. Наверняка Бог Теней даст возможность спасти хоть кого-то из своей паствы.

Айнон направил своё сознание внутрь, ища самую суть, и сделал свой разум открытым сосудом.

И его тело содрогнулось – так внезапно Дес начал видеть.

Крылья били во тьме, на змеиной чешуе выступали усыпанные зубами рты, Кессона Рела окружали тени, души парили над болотом. Айнон чувствовал движение и понимал, что видит, как через него проходят миры и времена. Там, в другом времени, он вновь узрел болото, оно стало больше и мрачнее. В нём стояли два человека – один высокий, лысый, с плотью, подобной плоти Кессона Рела, и истекающим тенями мечом из чёрной стали и второй – пониже, одноглазый и с двумя клинками. Провидец ощутил, что они тоже служат Богу Теней. Вместе эти люди встретились лицом к лицу с драконом – тем самым драконом – но огромную рептилию окутывали не только тени, но и...

Айнон испуганно дёрнулся и вышел из видения. Кожу покрывал липкий пот, а дышать было тяжело. Дес понял цель бога, и она его ужаснула.

Кессон Рел не был еретиком. Как и жрецы Зала Теней. Оба служили одному божеству, и, как и думал Айнон, бог решил выяснить, кто из его слуг сильнее. Но выбор был не между Кессоном Релом и демархами храма, а между теургом и двумя людьми из видения Деса.

Айнон и остальные жрецы должны были сыграть роль в подготовке сцены для соревнования. Они были ещё одним испытанием для Кессона Рела. Союзниками двух людей из видения. Откровение и его подтекст ошеломили провидца. На крошечный миг, лишь на миг, он даже почувствовал себя преданным богом.

И всё же Айнон помнил образ окутанного дракона.

Вздохнув, жрец покорился судьбе. Люди веры всегда должны страдать, а многим выпадала ещё худшая участь, чем ему. К тому же Дес найдёт немного удовлетворения в понимании, что он умрёт на службе замыслу бога. А мог бы

умереть, чтобы жить. Сначала нужно поговорить с другими демархами, убедить их в том, что они должны сделать. Жрецам не понравится то, что он потребует, но они всё равно подчинятся. Он был Первым Демархом конклава, и это был единственный путь.

А после того, как Айнон поговорит с товарищами, ему нужно будет поговорить с драконом.

Внизу Фурлинастис видел храм. Прямоугольник из мраморных плит и покрытых желобками колонн одиноко стоял на пустынных равнинах. Пока дракон проносился в тёмном небе по широкому кругу, немногие люди, бывшие снаружи храма, в ужасе бросились внутрь.

Фурлинастису страх людей доставлял мало удовольствия – даже этого лишил его гнев на принуждение. В тридцать шестой раз он, скрежеща зубами, боролся против поработившего его заклинания души. И в тридцать шестой раз не смог одолеть принуждение. Заразившая душу дракона крохотная частичка души Кессона Рела вынудила его следовать приказу.

Фурлинастис взревел от бессильного гнева, по спирали спускаясь к храму. Продолжая бороться, но продолжая быть в подчинении, он сел и погрузил когти в мраморные ступени, распахнул огромные бронзовые двери и произнёс во тьму приговор.

- Кессон Рел шлёт благодарность и смерть. Я прислан забрать одного из вас. Выведите Лорма Диивара. Пришло его время умирать.

Храм молчал. Фурлинастис ждал, вонзив когти в мрамор лестницы.

Через какое-то время вышли два жреца, а не один. Оба были в чёрных масках, символах своей веры. Фурлинастис чувствовал страх обоих. Они пришли не сражаться. Старший держал младшего за руку и говорил что-то успокаивающее. Бледный и слабый младший жрец глядел на дракона.

Сила оков души Кессона Рела позволила Фурлинастису понять, что Лорм Диивар – младший из жрецов. Он протянул переднюю лапу.

Старший выступил вперёд и сказал:

- Моё имя – Айнон Дес Провидец, Первый Демарх Конклава. Как твоё имя, дракон? Ты связан?

Фурлинастис поднял голову. Жрецы храма ещё не пытались с ним говорить. Дракон попытался было ответить, но ему помешала магия души. Он оттолкнул старшего жреца и поднял Лорма Диивара.

Молодой жрец обмяк в когтях. Возможно, он молился. Фурлинастис не мог понять.

- Храни веру, послушник, - сказал Лорму старший. - Твоя смерть не будет тщетной, как и наше изгнание.

Змий не увидел ответа Лорма. Он приготовился взлетать.

- Дракон, я вижу на тебе душу Кессона Рела, - сказал старший жрец. - Завтра ты должен произнести моё имя, чтобы стать свободным. Ты понял?

Фурлинастис не мог ответить, хотя слова жреца жалили его словно стрелы. Свободным! Он взмыл в воздух и распростёр крылья. Голос старшего жреца преследовал его весь полёт.

- Айнон Дес Провидец! Запомни это. Ты должен прийти за мной завтра или останешься рабом навечно.

Фурлинастис пожирал Лорма Диивара, пока Кессон Рел насмехался и хохотал. Вкус плоти молодого жреца был отвратителен, а крики неприятны. Дракон предпочитал, чтобы ужин сначала протух как следует в его болоте. Да и есть любил по своей воле.

Потом, вычищая языком застрявшие между клыками куски человека, дракон думал о словах старшего жреца. Айнон Дес говорил о свободе от Кессона Рела, от проклятых оков души, делавших его рабом.

Перед ним парил поднятый в воздух силой заклинания и замкнувшийся в своих мыслях Рел. Несмотря на замысловатый план и притворное ликование, в действительности теург получал мало удовольствия от гибели бывших товарищей.

Фурлинастис с ненавистью смотрел на теурга, человека, который сковал его. Внезапно он решил, что ничего не потеряет, сотрудничая с Айноном. Для Кессона Рела дракон был лишь рабом – а эта судьба была для Фурлинастиса хуже смерти.

И он сказал:

- Один из жрецов, не тот, которого назвали, вышел из храма и бросил вызов.

Кессон оторвался от раздумий, нахмурился и сказал:

- Ты же не причинил ему вреда, а?

Фурлинастис знал, что Рел хочет увидеть смерть каждого жреца. Он приказал дракону не убивать никого, кроме как по его приказу.

- Вызов не мне, - ответил змий, - а тебе.

- Да что ты? – Кессон приподнял брови. – Который из жрецов? Опиши его мне.

Даже столь малый приказ активировал магию заклинания души, и слова хлынули из уст Фурлинастиса сами по себе.

- Он был высоким и старым, с седыми у висков чёрными волосами. Худощавый, без растительности на лице. Глаза, как и у всех, были скрыты под маской. Он назвал себя Айноном Десом Провидцем. И похоже, звук твоего имени его не пугал.

Последнее дракон добавил, чтобы задеть гордость Кессона. Человек поджал губы и скрестил руки на груди.

- Айнон... Айнон. Я собирался припасти его напоследок.

- Он назвал тебя еретиком, - добавил Фурлинастис, вспомнив слова Кессона Рела при первой встрече на болоте.

Человек резко поднял глаза и гневно уставился на дракона. И змий понял, что попал в точку.

- Завтра, - процедил Кессон, - отправься в храм и принеси мне Айнона Деса Провидца. Он умрёт перед этим еретиком.

Магия оков души погрузилась в волю Фурлинастиса, но он не противился. Дракон улыбнулся бы, если бы у него были губы.

Спустя двадцать четыре часа Фурлинастис вновь парил над храмом. Он не видел ни бегущих фигур, ни суеты. В храме было тихо, как в могиле. Дракон сел на мраморной лестнице перед открытыми дверями.

Судя по запаху, внутри была кровь. Много крови.

Оковы магии сделали своё дело, и Фурлинастис заговорил:

- Кессон Рел шлёт благодарность. И смерть. Я послан забрать одного из вас. Выведите Айнона Деса Провидца. Пришло его время умирать.

В дверях появился человек. Его ряса была забрызгана кровью, руки блестели алым, а вокруг была странная аура текучей тьмы, не теней, а чего-то... иного. Глаза под маской были усталыми, но полными решимости. Жрец зашагал к змию.

- Дракон, ты хорошо поработал, - глубоким голосом сказал Айнон Дес.

Подчинение не оставляло Фурлинастису времени для вопросов или комментариев. Он подхватил Айнона Деса когтями и взлетел. Странно, но жрец словно извивался в хватке, хотя дракон и видел, что тот неподвижен.

Когда они летели от храма к болоту, хватка чар души ослабела и развязала ящеру язык.

- Ты говорил о моей свободе.

Дракон пытался не выдать голосом спешку и надежду. Он не привык разговаривать с добычей в когтях.

- И ты её получишь, - сквозь порыв ветра донёсся голос человека.

Фурлинастис подумал, что голос Айнона казался другим – более мягким, звучным и молодым.

- От тебя пахнет кровью, - произнёс дракон. – Ты убил других жрецов?

На это человек сказал лишь:

- Мы мыслили схоже, и они были готовы.

- Тьма вокруг тебя, - добавил Фурлинастис. - Что это за магия?

Айнон Дес извернулся в лапе, чтобы посмотреть в глаза змию. И когда он заговорил, то его голос прозвучал как у женщины-человека.

- Особенная. Единственная, которая сможет тебя освободить, - жрец задумчиво посмотрел во мрак. – Прежде, чем всё закончится, я должен увидеть его, поговорить с ним. Он должен получить шанс раскаяться в грехах.

Фурлинастис фыркнул, и струйки тени вылетели из его ноздрей.

- Человек, он не раскается ни в чём.

- Увидим, - ответил жрец, голос вновь был его собственным.

Какое-то время они летели молча. Казалось, что человек продолжает извиваться в хватке Фурлинастиса, и дракон двигал когтями, чтобы его удержать. Уже скоро они достигнут болота... и Кессона Рела.

- Есть ещё кое-что, дракон, - наконец сказал жрец. - Прежде, чем это может закончиться, я должен услышать от тебя клятву, клятву твоей душой.

Фурлинастис зарычал и поднёс человека к лицу – трудное движение в полёте. Он выдохнул крошечный сгусток теней в лицо Айнона и немного сжал когти.

- Жрец, никаких клятв, - сказал дракон. – И никаких упоминаний душ.

Ему уже осточертели клятвы и души. Но Айнон Дес не дрогнул под маской и сказал:

- Поклянись, дракон, или мы не сможем тебя освободить.

- Мы?

- Поклянись, дракон! – потребовал человек, и его голос прозвучал, как множество голосов.

Тени вокруг Фурлинастиса корчились от гнева. И словно в ответ бурлила тьма вокруг жреца.

Дракон оскалил клыки, зарычал на небо, встряхнул человека и наконец сказал:

- Ну хорошо.

Даже сквозь маску было видно, что жрец оживился.

- В далёкое отсюда время в твоё болото войдут два человека. Высокий будет лысым, а его клинок из чёрной стали будет сочиться тенями. У низкого будет лишь один глаз, и он принесёт два клинка. Они – Первый и Второй Бога Теней. Ты позволишь им пройти невредимыми и поможешь всем, чем сможешь. Они исполнят волю Бога Теней и уничтожат Кессона Рела. Дракон, поклянись в этом. Своей душой.

Фурлинастис проглотил гордость и сказал:

- Жрец, я клянусь. Своей душой.

При этих словах заразившая душу Фурлинастиса частичка Кессона Рела задрожала от беспокойства.

Жрец обвис, и дракон передвинул когти и груз в более удобное положение. Болото было близко.

- Но я убью Кессона Рела, когда ты освободишь меня от магии душ, - заявил Фурлинастис.

И вновь Айнон заговорил множеством голосов:

- Не тебе выпадет убить его. И не нам.

- Увидим, – ответил Фурлинастис, по спирали спускаясь к болоту.

Он приземлился на влажной земле позади плоского камня, почти алтаря, который стоял на краю мелкого зловонного пруда. Кровь других жрецов всё ещё пятнала серые камни. От ударов могучих крыльев содрогнулись чёрные деревья болота, а по воде прошла рябь.

Над прудом парил окутанный тенями Кессон Рел и холодно взирал на ношу дракона. Фурлинастис положил Айнона на алтарь и прижал один из когтей к животу человека, как делал с каждым из мертвецов. Он больше не ощущал вокруг плоти жреца неприятного движения, словно оно пыталось быть незаметным.

Кессон Рел начал смеяться – ненавистный звук, к которому дракон привык. Теург проплыл вперёд, опустился на твёрдую землю и склонился над распростёртым провидцем.

- Айнон Дес, - сказал Рел, глядя на пленённого жреца, - Я собирался припасти тебя напоследок, чтобы перед своей кончиной ты увидел, как погибнет храм и всё в нём.

Жрец извивался под лапой Фурлинастиса, пытаясь освободить грудь, чтобы заговорить.

- Ты еретик, Кессон Рел, и вор. Ты испил из Чаши Ночи и сим сделал себя отступником. За это...

Теург рванулся вперёд, сорвал маску с Айнона и сжал челюсть жреца.

- А ты дурак, Первый Демарх, напыщенный дурак. По-твоему Бог Теней сделал бы со мной это, - Кессон Рел отпустил Деса, отошёл и поднял руки, показывая тёмную кожу, жёлтые глаза и танцующие вокруг тени, - если бы не хотел, чтобы я пил из Чаши? А?

Фурлинастис чувствовал, как под его когтями вокруг поверженного жреца извивается тьма. Кессон Рел словно не замечал ничего.

- Покайся, Кессон Рел, - сказал Айнон. – Ещё не слишком поздно. Ты первый Избранный Бога Теней, но ты не его Первый. Покайся или ты умрёшь.

Теург улыбнулся.

- Я так не думаю, - глядя в лицо провидца, он обратился к змию. – Дракон, выпотроши его. Медленно.

Сдержи своё обещание, жрец, подумал Фурлинастис, пока его лапой двигали оковы души. А я сдержу своё.

Дракон погрузил кончик когтя в живот Айнона.

Жрец скривился, но смог начать молиться. Фурлинастис слышал в словах силу, хотя когда в легкие потекла кровь, большую часть их поглотило бульканье. Дракон продолжал терзать жреца, ожидая, что произойдёт что-то, хоть что-то. Дес не кричал, лишь продолжал молиться, пока его вскрывали. И молитва его напоминала Фурлинастису о словах, использованных Кессоном Релом, чтобы сотворить заклинание души и связать его.

Ничего не произошло, когда Айнон наконец-то испустил дух. Ничего.

Фурлинастис чуть не взревел от досады.

Кессон Рел ухмыльнулся и сказал:

- Прощай, Первый Демарх.

И в этот миг словно откуда-то из глубин болота донёсся стон, а чёрная дымка поднялась над свежим трупом жреца. В ней Фурлинастис видел силуэты, лица.

Души, - понял дракон. Души священников из храма. Айнон убил их всех, возможно, принёс в жертву, и притащил к болоту в своём теле.

Кессон Рел сделал шаг назад, широко открыв глаза. Его взор метался между туманом душ и драконом.

- Что ты сделал?

Фурлинастис услышал в голосе теурга страх и понял, что Айнон не солгал.

Кессон Рел начал произносить заклинание.

- Освободил себя, теург, - ответил Фурлинастис, надеясь, что это так.

Связывание душ всё ещё не давало ему причинять вред теургу, и дракон мог лишь сидеть, надеяться и ждать.

От тела жреца протянулось облако душ, протянулось вдоль тела Фурлинастиса и слилось с вечно окружающими его тенями.

И в тот же миг по чешуе прошёл разряд, дрожь силы. Чешуйки начали жечься, ползти по плоти. Мрак забурился вокруг него. Дракону казалось, что под его чешуёй ползут миллионы насекомых, царапают плоть, жалят кожу.

Голос Кессона Рела сорвался, прежде чем он закончил заклинание.

- Дракон, остановись! - завопил теург. - Остановись!

Но Фурлинастис не мог остановиться.

Дракон подпрыгнул в воздух, кружась, корчась и рыча. Души толпились на нём, покрывали Фурлинастиса. Он зашипел от муки, когда жрецы вгрызлись в его сущность. Казалось, что за глазами вонзились кинжалы.

- Айнон Дес, ты предал меня! – закричал сквозь рёв дракон.

А затем он почувствовал это и понял, что ошибся.

Души жрецов, всех восьми, проникли в его душу, избороздили суть, пока не нашли частичку души Кессона Рела, которой теург сковал Фурлинастиса. И внутри началась битва, незримая война, которую дракон ощущал, но не мог видеть.

Они сшиблись, словно враждующие армии. Фурлинастис плохо слышал бой, словно он кипел очень далеко. Разряды духовной энергии вырывались из покрова теней. Далёкие крики звенели в ушах. Фурлинастис чувствовал, как наложенные теургом оковы души слабеют, словно кто-то выдирает из дракона проникшего в самые дальние уголки плоти паразита.

Он ощутил, как цепи его воли треснули, и освободился от связывания души. Битва стихла, хотя Фурлинастис всё ещё чувствовал напряжение.

И разум дракона сразу обратился к мести. Он прекратил заниматься воздушной гимнастикой и обратил глаза на землю, высматривая в болоте Кессона Рела, принохиваясь, чтобы учуять в воздухе запах теурга...

Ничего. Кессон Рел удрал.

Не тебе выпадет убить его, подумал дракон, вспоминая слова Айнона.

Тяжело дыша, Фурлинастис опустился на каменный алтарь и вцепился в него когтями. Забил крыльями, взлетел и бросил жертвенник в болото. Он пропал в тёмных водах.

Дракон сел на сухом участке земли. И задумался.

Провидец принёс в жертву своих братьев и в своём теле принёс их души в болото. Перед смертью жрец сотворил собственные чары, чтобы противостоять наложенным Кессону Релу, и для снятия связывания теурга потребовалась сила восьми душ.

Но почему?

Фурлинастис посмотрел на своё отражение в неподвижном пруду и вгляделся в покров теней. Они кружили вокруг, и в извивах дракон видел лица, тела. Он понял всё и содрогнулся: души жрецов были связаны с ним. Фурлинастис стал их вместилищем.

- Зачем?

В тенях появилось лицо, размытое, но видимое в отражении на поверхности пруда: Айнон Дес.

- Дракон, его душа тоже осталась, - голос был едва слышен. – Мы держим её в узде: мы можем вредить ему прямо не больше, чем он может нам. Мы стали пленниками, чтобы ты мог стать свободным.

Фурлинастис переварил эту новость.

- Помни о своей клятве, - сказал Айнон, - всех нас освободят двое, которые придут.

И с этими словами лицо скрылось в окутавших тело дракона тенях.

Фурлинастис нахмурился. Воля вновь принадлежала ему, но он задолжал её жрецам. Тени вокруг него были полем духовной битвы и останутся такими...

Как долго?

Он узнал ответ, как только задал себе вопрос: до тех пор, пока Первый и Второй Повелителя Теней не найдут Кессона Рела и не убьют его.

Ждать придётся долго.

ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ Эдвард Болм

Год Нетерила 3398 (-461 ЛД)

Серрег опустился на колени, сорвал сухой стебель травы и внимательно осмотрел его. Он был увядшим, но листья еще сохраняли бледно-зеленый цвет, насмехаясь над исчезнувшей жизненной силой. Серрег покрутил его в пальцах и бросил. Он покопался рукой в земле и разрыхлил ком. Безжизненная грязь рассыпалась в пальцах, оставляя за собой бледную пыль на легком ветру.

«Это происходит снова», – подумал он.

Серрег встал, глубоко вздохнул и, уперев руки в бока, оглядел участок вымершей растительности. Шириной в несколько миль, он располагался точно под городом, парившем в полумиле над головой Серрега. Делия была домом Серрега, одним из анклавов, построенных на перевернутых горных вершинах величественно парящего в небесах Нетерила.

Серрег сделал еще один глубокий вдох в тщетной попытке избавиться от тяжести в сердце, а затем применил безупречный телепорт Оберона, чтобы вернуться в свои покои. После многих лет телепортации, мгновенное перемещение больше не дезориентировало архимага. Он материализовался в своих покоях, и уже шел по полу к своему столу. Открыв один из ящиков, он достал оттуда небольшую хрустальную сферу. Он слегка удерживал ее одной рукой, а другой провел перед ней. Она начала светиться внутренним светом.

– Сисквемалин, пожалуйста, доставь это леди Поларис как можно скорее, – сказал он. – Спасибо.

Он дважды провел рукой перед сферой и снова заговорил:

– Леди Поларис, земля под нами тоже отравлена, как будто из почвы высасывают жизнь. Трава увядает на месте. Насекомые и даже мелкие животные лежат мертвыми в тени города. Разложения нет. Цикл жизни и смерти не переходит в возрождение. Я буду держать вас в курсе моих поисков.

Он перевернул руку, державшую кристалл, и предмет выскользнул из руки. Он полетел – легкий, как мыльный пузырь, но целеустремленный – прямо в окно, а затем повернул направо, к Центральной крепости. Серрег вышел за дверь.

Палаты архимага находились в самом внутреннем круге Делии, во дворце, построенном основательницей города, леди Поларис, почти тысячу лет назад. Люди называли его Поляной; изначально там был какой-то сад, и, если не считать Центральной крепости, где жили леди Поларис и два ее помощника, это был самый престижный район в Делии.

Город был построен концентрическими кольцами, и Серрег легко шел по одной из радиальных улиц к северному краю анклава. Маг прожил в Делии более двух столетий, и уже не замечал постепенного ухудшения городского пейзажа по мере того, как он спускался по склону от чистых, элегантных линий Поляны к крестьянским хижинам и фермерским рынкам на окраине.

Вокруг Делии не было перил. Те горожане, которые отваживались приблизиться к краю, либо знали, что нужно оставаться в безопасности, либо покидали город гораздо быстрее, чем намеревались. Но, несмотря на опасность (особенно в ветреные дни), с края открывался великолепный вид. Это было похоже на вид с вершины горы, но без остальной части горы на пути.

Тем не менее, несмотря на всю красоту панорамы, взгляд Серрега устремился на север и немного на восток, где, как он знал, лежал еще один участок мертвой земли, шириной в десять миль. Ему показалось, что он может видеть только часть этого бесплодного участка, как его взгляд заметил кое-что еще. Под его ногами начиналась длинная линия и, слегка изгибаясь, тянулась к бесплодному участку на севере – след из увядающей травы и бледной земли. Какая бы болезнь ни поразила землю под их прекрасным анклавом, она последовала за Делией, когда леди Поларис перенесла город на более зеленые пастбища.

Земля под Делией умирала, а без земли погибнет и Делия.

Весь следующий год Серрег напряженно работал, изучая болезнь. В его распоряжении были ресурсы делийских библиотек, а также его десятилетия учености и магических исследований. Было приятно, что его знания и исследования нашли практическое применение. Столь серьезный кризис заслуживал превосходного ума архимага. Он всегда хотел применить свою силу в серьезном деле, например, разгромив анклав Дублона, уничтожить Лича Буойанса или что-то в этом роде. И хотя разгадка болезни урожая не приносила немедленного удовлетворения, как битва, угроза, по крайней мере, была смертельно опасной.

Алхимический анализ показал, что анклав не был изменен. Никакая коварная чума не затаилась на нижней стороне гранита Делии, и тень города не имела странного нового побочного эффекта. Что касается самих мертвых существ, то их

нельзя было воскресить, а это означало, что искра, дававшая им жизнь, была полностью уничтожена. Та же участь постигла и подопытных животных, размещенных в пределах зоны поражения, несмотря на усилия Серрега и храмовых целителей сохранить их сущность. Как только их удаляли из зоны, подопытные возвращались к нормальной жизни, хотя и несколько ослабленными.

В течение года леди Поларис дважды перемещала Делию по приказу Серрега, и каждый раз мор точно следовал по пути города. Радиус поражения внизу расширялся, пока Делия оставалась неподвижной над этим местом. Аналогичным образом ширина гнилого следа, оставленного Делией, менялась обратно пропорционально скорости, с которой двигался анклав.

На протяжении своего расследования Серрег усердно записывал все мелкие аномалии в отдельный фолиант, предназначенный для этой цели. Все это были незначительные загадки, не заслуживающие внимания, за исключением того, что они сохранялись, пока Серрег продолжал свои исследования.

Затем Серрег начал добавлять в этот журнал несвязанные новости. Квазимагические предметы, которые исправно функционировали десятки лет, периодически выходили из строя. Увеличилась смертность от болезней, особенно среди пожилых людей. Серрег сам видел, как на улицах Роши произошел довольно драматический сбой в работе поля долголетия анклава. Один из наиболее почитаемых наставников магического колледжа постарел с видимых пятидесяти лет до истинного возраста – более четырехсот. В одно мгновение он увял, умер и рассыпался в прах.

Записи в дневнике стали складываться в коварную картину, но Серрег не мог связать воедино магические неудачи со смертью обитающих под землей существ.

Серрег пытался обнаруживать и прорицать, раскрывать и рассеивать, но ни одно заклинание не принесло ответа. Тем не менее все отрицательные результаты указывали на что-то, что скрывало себя. В конце концов он пришел к неизбежному выводу, что Делия пострадала от обширного и могущественного заклинания, слишком тонкого и тщательно сплетенного, чтобы его мог раскрыть даже архимаг. По крайней мере, напрямую.

Вместо того чтобы выяснять цель заклинания, Серрег переключил свое внимание на поиски того, кто его наложил. Он начал с устранения тех, кто не использовал его. Путем тщательного изучения он удалял конкретных людей, а также потенциальных переносчиков, одного за другим. К счастью, это был не Карсус, ибо кто захочет вступать в бой с главным архимагом Нетереза? Не было оно и внепланового происхождения, к счастью, ибо Серрег не имел особого желания сражаться с существами из других измерений. Зараза исходила не из пространства Царств и не от кого-либо из богов. Прорицания Серрега также исключили Лича Буойанса, к его небольшому неудовольствию.

Временами Серрег подходил ближе и чувствовал, как заклинание извивается, пытаясь ускользнуть от его пронизательного взгляда. Он не был уверен, само ли это заклинание направлено на уклонение от определения, или же это маги, стоящие за заклинанием, вносят коррективы, чтобы не допустить его попадания в руки Серрега, но каждый такой случай давал делийскому архимагу возможность лучше понять, что происходит.

И вот, наконец, у него собралось достаточно информации, чтобы провести полевые испытания.

Он снова достал из ящика стола небольшой хрустальный шар и взмахнул рукой, активируя его.

– Леди Поларис, Кандлемас и Сисквемалин. Я, насколько мог, определил источник чумы, и, похоже, он имеет подземное происхождение. Глубоко подземное. Я не сомневаюсь, что гномы невиновны, потому что они не проникают на такие глубины, из которых исходит заклинание. Полагаю, им также не хватило бы тонкости, чтобы сплести заклинание такого рода.

– В любом случае, я не могу продолжить исследование в лаборатории, поэтому я пойду и проверю свою гипотезу в полевых условиях. Возможно, я вернусь с пустыми руками, но я думаю, что гораздо более вероятно, я раскрою источник этой злой магии и покажу им, что значит пересечься с архимагом Нетереза. В любом случае, я вернусь не позже чем через несколько часов и доложу вам о результатах. Приготовьте для меня ужин. Всего доброго.

Он выпустил сферу, и к тому времени, как она достигла окна, кабинет был уже пуст.

Серрег прибыл – разумеется, магическим путем – незадолго до захода солнца в выбранное им место. Он расставил вокруг себя вечно горящие огни на случай, если усилия займут больше часа.

Он закрыл глаза и сцепил руки на несколько минут, чтобы очиститься от волнения и нетерпения, охватившие его разум. Хотя он и страстно желал сорвать последнюю завесу с заклинания, он знал, что должен быть осторожен, иначе его нетерпение насторожит тех, кто стоит за мором, и они снова ускользнут от него.

Расслабившись, он наложил на себя видение Зана и начал копать, используя заклинания Проктива для перемещения земли. Пока он копал, его мысленный взор с помощью заклинания видения осматривал землю, ища любые полые области под землей, в которых могли бы скрываться существа. Обнаружив небольшую трещину, он расширил ее до поверхности. Он взял один из своих фонарей и бросил его в расщелину. Затем, используя заклинание перемещения земли, стал спускаться по расщелине вниз, копая на ходу.

Уже после наступления темноты он наконец нашел то, что искал, или, точнее, то, что он искал, нашло его.

Его раскопки превратились в унылую рутину и заняли гораздо больше времени, чем ожидалось. Постоянный грохот движущейся земли, непрерывная проекция его видения и бесконечное стояние на ногах, когда он творил магию, – все это усыпляло бдительность Серрега и приводило в отрешенное состояние, похожее на долгие часы, проведенные в одной из университетских лабораторий.

Как он уже делал несколько раз до этого, Серрег ненадолго прервал свои усилия, приостановив заклинания, чтобы утолить жажду глотком воды. Однако, когда он снова закупорил свою флягу, то заметил, что что-то изменилось.

Звук движущейся земли не прекращался.

Он быстро взглянул на свой котлован: тот стоял на месте, не тронутый. Звук доносился сзади. Он отступил назад и повернул голову в сторону шума, и вдруг

понял, что его источник не один. Что-то потревожило землю справа от него, и что-то другое сделало то же самое слева.

Ничего не видя, Серрег ненадолго закрыл глаза и сделал глубокий вдох, чтобы избавиться от удивления. Встав лицом к источникам шума, он принял боевую стойку: ноги на ширине плеч, руки перед животом, кончики пальцев слегка соприкасаются – все, как учили на курсах боевого колдовства. Он уставился на пустое пространство между звуками. Он был готов.

И, честно говоря, он был рад, что его прервали. Это избавило его от необходимости выслеживать злоумышленников. Как только его удивление прошло, Серрег даже не подумал испугаться. В конце концов, кого должен бояться архимаг Нетереза, кроме себе подобных? Он просто подготовил свой разум к встрече с любыми существами, которые могли появиться. Убить всех, кроме одного, и поймать последнего в ловушку для подробного допроса. Затем, если он окажется чем-то новым, провести интенсивное вскрытие.

На краю освещения от одного из своих камней Серрег увидел, как поверхность дрожит, трескается и вздымается вверх. Он слегка улыбнулся и стал ждать.

Земля поднималась все выше, подталкиваемая снизу и в то же время осыпаясь в стороны, пока Серрег не увидел само существо, поднимающееся из грязи. Сначала он увидел, как несколько рук, возможно, три или четыре, отбрасывают землю в сторону. Это были мерзкие на вид руки, какой-то ужасающе нечеловеческой формы, с длинными коварными пальцами, которые, судя по всему, заканчивались когтями. Затем из земли высунулась темная, выпуклая плоть – комок мяса шириной в добрую сажень. Когда оно выпрямилось, Серрег увидел, что руки чудовища полностью втянулись в морщинистую ткань.

Существо продолжало подниматься, хотя Серрег не видел никаких очевидных способов передвижения. Оно поднималось из земли, как поднимается из бочки торговца мертвая рыба, вытащенная крючком через рот. По мере того, как в поле зрения оказывалась все большая часть тела существа, оно сужалось к хвосту, дополняя образ мертвой рыбы. Серрег заинтересованно приподнял одну бровь. Длинные тупые шипы, слегка изогнутые, покрывали большую часть бесформенного тела; возможно, это было гротескное украшение, возможно, средство защиты, а возможно, какая-то причудливая система ног.

Существо поднялось еще выше, оставив после себя открытую дыру в земле, почему-то еще более отталкивающую из-за тошнотворного существа, спокойно выплывающего из ямы. Целых восемь футов омерзительного монстра выбралось из полости к тому времени, когда ширина существа уменьшилась до толщины ноги Серрега. Он наблюдал, как из земли появился еще один ярд, оканчивающийся злобным колючим хвостом.

Чудовище развернулось более или менее горизонтально, повиснув в воздухе, медленно покачивая хвостом взад-вперед. Оно повернуло свою округлую переднюю часть к Серрегу, и тот увидел сморщенный рот с бесчисленными крючковатыми зубами, скрежетавшими в центре.

– Очаровательно, – произнес Серрег.

Он обязательно должен захватить это существо. «Подземные тубулоиды Серрега», – назовет он их. Ах, бессмертие открытий!

Он не заметил, как вокруг него начала неестественно меняться скорость ветра.

«Что ж, лучше приступить к работе», – подумал он и наложил на существо трансформацию Аксы.

Он намеревался превратить чудовище в то, что оно ему сначала напомнило: в рыбу. Здесь, на открытой равнине, рыбу можно будет легко поймать и доставить обратно в Делию. Оказавшись в безопасности одной из университетских лабораторий, он мог бы вернуть зверя в его естественное состояние.

Серрег был весьма огорчен, когда трансформация не удалась, и магическая сила рассеялась, мерцая по плоти существа и перескакивая по шипам.

Раздраженный, Серрег наложил на чудовище трансмутацию плоть-камень Мэйвина. Одиннадцатифутовую статую было бы более утомительно транспортировать, требуя телекинеза и прочего, но, с другой стороны, камень был куда менее склизким, чем хлюпающая рыба, и окаменение не давало бы глупому зверю возможности укусить его.

Это заклинание также не работало.

Серрег остановился. Либо спешка от волнения открытия испортила его заклинание, либо гротескная мерзость была очень устойчива к магии. Серрег предпочитал, чтобы причина заключалась в первом. Он начал накладывать на монстра порчу Покелла – заклинание, которым он владел довольно хорошо, поскольку регулярно практиковал его на лабораторных животных. Но пока он собирал энергию и произносил заклинание, существо открыло рот – отвратительную круглую пасть, полную разномастных острых зубов, расположенных по краю без определенного порядка. Серрег изо всех сил старался сосредоточиться на завершении заклинания.

Тварь сделала выпад. Четыре руки вылетели из его тела, вырвавшись из мягкой плоти, в которую они ушли. Пасть раскрылась гораздо шире, чем Серрег мог предположить. Отпрянув, Серрег отменил заклинание, и его сила безвредно рассеялась, а сам он упал на спину под мчащейся массой чудовища.

Тварь пронеслась над ним почти беззвучно. Серрег на мгновение задумался о том, что какой бы тщательной ни была боевая подготовка заклинателя, в боевых условиях всегда очень легко запаниковать. Эта вспышка осознания укрепила его дисциплину, и Серрег обратился к бесчисленным часам повторяющихся упражнений, которые он совершал. Он быстро вскочил на ноги и пока перекатывался, его руки совершали необходимые жесты для снаряда командира Матика. Это была базовая техника, но очень полезная. Как только Серрег закончил заклинание, он поднялся на ноги и нацелил магический удар.

Существо пролетело над одним из его светящихся камней и было неприятно освещено снизу. Когда существо повернулось к Серрегу, он активировал заклинание, и с его пальца в сторону зверя сорвалось множество маленьких красных вспышек. Пролетев по дуге, они врезались в кожу и вспыхнули, когда поразили существо своей смертоносной энергией.

Монстр, казалось, ничего не заметил. Даже лошадь дернет шкурой от укуса слепня, но Серрег не заметил даже такого выражения досады у твари.

С поразительной скоростью, порожденной яростью, Серрег применил другое, более мощное атакующее заклинание: огненный шар Ноанара. Когда существо

повернулось, чтобы снова напасть, он послал пылающий огненный шар прямо в открытую пасть монстра. Он попал точно в цель, и существо отпрянуло назад, издав странный монотонный вопль. Несмотря на чуждый звук, Серрег понял, что нанес сильный удар.

Пламя быстро угасло, и в тусклом свете своих шаров Серрег увидел, как чудовище мотается взад-вперед. Он видел почерневшие зубы, обрамленные обожженной кожей, слюну и ихор, когда существо размахивало своей... головой?... чтобы прогнать боль.

Серрег победоносно улыбнулся. Но инстинкт подсказал ему оглянуться через плечо.

Еще две ужасные твари неподвижно висели в воздухе позади него.

Когда он удивленно моргнул, многочисленные руки двух существ протянулись вперед и начали совершать мистические пассы в воздухе. Серрег оглянулся на раненого зверя и увидел, что тот тоже плетет заклинание.

Они окружили его.

Он бросился прочь, не заботясь о том, в какую сторону бежать. Он двигался зигзагом, пока нечестивые когтистые руки трех подземных слизней запускали магические заклинания. Треск магической силы пронесся мимо него в сторону. Еще одно заклинание неизвестной природы разорвало землю в нескольких ярдах позади него, и как раз в тот момент, когда он решил, что ему повезло, волна магического мороза обрушилась сзади. Она ударила подобно урагану, проникая сквозь одеяния архимага и жаля его плоть. Удар сбил Серрега с ног, а внезапное падение температуры заставило его спину выгнуться.

Слишком замерзший, чтобы дрожать, Серрег стоял. Трое существ изучали его. Когда он шевельнулся, одно из них произнесло еще одно заклинание, слишком быстро, чтобы Серрег успел увернуться или парировать, и он оказался в мерцающем красном свете.

Достаточно, подумал он и вызвал в памяти одно из самых мощных заклинаний, которые знал, – что-то, способное сжечь всех трех мерзких тварей: цепь Вольма.

Глаза Серрега светились необузданной силой, когда он быстро произносил заклинание. Он с мрачным удовлетворением наблюдал, как три существа собрались вместе и приблизились к нему.

Он запустил заклинание. Из его пальцев вырвался толстый разряд электрической энергии – молния, которая ударила в главное существо, а затем по дуге устремилась к двум другим. На мгновение мощь атаки Серрега осветила все вокруг.

В этом свете Серрег ясно увидел, что только одно из существ вздрогнуло. А тот, которого он ранил ранее, смотрел, как искрящаяся молния стирает огненные волдыри, исцеляя чудовище своей магической энергией. Молния так и не заземлилась, как должна была. Существо всосало в себя всю силу, которую Серрег только что потратил, пытаясь убить его.

Цепь Вольма. Одно из лучших заклинаний, которые он знал. А они все равно они приближались. Они не только сопротивлялись магии, но и могли поглощать магическую энергию, чтобы получить больше силы.

Ошеломленный, Серрег понятия не имел, как их победить. Затем один из них сотворил заклинание, до безумия знакомое, но Серрег знал, что никогда не видел его раньше, и световые шары померкли и погасли, оставив его в темноте ночи, с этими тварями... и мерцающим красным ореолом.

Серрегу была знакома паника.

Всю жизнь его силой была магия, и вдруг она стала совершенно бесполезной. Под ним рухнули подмости десятилетий тренировок, оставив его в ужасе неконтролируемого падения во тьму, наполненную этими отвратительными существами.

Он чувствовал, как они приближаются. Серрег знал, что ему не убежать от них, поэтому в отчаянии попытался воспользоваться безупречным телепортом Оберона. На восток, к анклаву, к Делии.

Даже когда он произносил заклинание, Серрег чувствовал, как одна из тварей пытается ему помешать, а другая вцепилась в него когтями. Молясь, чтобы они не помешали слишком сильно, Серрег подчинился своему заклинанию и исчез.

Он вновь появился в нескольких милях, на безопасном расстоянии от земли. Заклинание распалось вокруг него, как только он вышел из-под его действия, но это было неважно. Он сбежал! Он резко выдохнул, освобождаясь от охватившей его паники. Легкость в голове заставила его слегка пошатнуться, и он едва не рассмеялся, почувствовав головокружительное освобождение от напряжения.

Затем мерцающая красная аура, окружающая его, вспыхнула яркой жизнью, точно маяк в ночи. Они сделали это, чтобы найти, куда он ушел. Серрег лихорадочно призвал самое мощное рассеивающее заклинание, какое только смог создать, сотворил его и с облегчением увидел, как мерцающий свет исчез.

Он знал, что у него есть по крайней мере несколько минут, прежде чем подземная нечисть доберется до него. Не похоже, чтобы они двигались так быстро. Он сделал несколько глубоких, судорожных вдохов, чтобы взять под контроль сердце и легкие, затем перебрал в уме заклинания. К своему ужасу, он почувствовал, что его заклинания исчезают, их сила утекает из разума, как жизнь высасывается из почвы под Делией.

«Так вот как они это делают!» – подумал он с тревогой. – Мощное заклинание, высасывающее жизнь и магию из нашего анклава, как вурдалак высасывает костный мозг из костей!».

Все стало ясно. Периодические сбои в работе магических предметов, внезапное прекращение действия заклинания без предупреждения, странные побочные эффекты, когда он пытался продолжить свое расследование с помощью магических средств. Они намеревались лишить Делию всей жизни и магии. Земля со всеми растениями и животными просто оказались на пути.

Наконец-то Серрег узнал, кто стоит за болезнью и как она действует. Но было слишком поздно.

Они охотились за ним. Вероятно, они даже знали, что он знает. Они все это время следили за ним, пытаясь помешать ему найти их, скрывая свои темные чары, мешая его магии. И только что они проникли в его разум и лишили его всех заклинаний, которые он знал.

У него не осталось ничего, кроме себя самого. Он должен был спрятаться. На этой открытой равнине они легко найдут его. В отчаянии он огляделся вокруг и, увидел хребет, едва различимый на фоне звезд, выступающий из равнины примерно в миле к востоку.

Его единственная надежда возлагалась на этот хребет и на то, что он сможет как-то слиться с ним – найти пещеру или большой камень, под который можно было бы заползти, или большой куст, или что-нибудь еще, что можно было бы использовать в качестве укрытия. Он не мог позволить им найти его. Он должен был выжить. Он должен был предупредить остальных.

Он побежал.

Всего через сотню ярдов его легкие вспыхнули в груди. Его ноги протестовали против внезапного появления интенсивного физического труда. Все его тело жаловалось. Он начал спотыкаться с открытым ртом, со свисающей с подбородка слюной, но страх толкал его дальше.

Задышавшись от безумия, он добрался до подножия хребта, который словно хребет дракона, торчал из равнины. Он полез вверх, беспорядочно исследуя те места, до которых было легче всего добраться. После нескольких мучительных минут поисков он добрался до небольшой расщелины, едва заметной в лунном свете. Он втиснулся в расщелину, лихорадочно вглядываясь в залитое звездами небо на западе. Даже с грубыми камнями со всех сторон его руки, ободранные и покрытые синяками, пытались протолкнуть его еще глубже в трещину. Его ребра сопротивлялись напряжению, но он не сдавался, потому что казалось, что сами камни хотят вытолкнуть его обратно в ночь, туда, где его искали.

Он смахнул пот с глаз, соленые слезы испуга уже успели застыть в холодном ночном воздухе. Его сердце тоже похолодело, а душа ощущала, как твари забирают у него жизненные силы. Одно из существ завизжало в темноте ужасным чужеродным звуком.

– Пожалуйста, – выдохнул он, впервые в жизни употребив это слово. – Пожалуйста... кто-нибудь... кто-нибудь... помогите мне!

Половина его мозга отчаянно молила о помощи, любой помощи, в то время как другая половина ругала себя за панику. Тогда нужны были самообладание и разум, а не бессмысленные призывы о помощи. Рядом никого не было. Никого, кроме них. Серрег услышал лязг стали о сталь, звук рукопашного боя совсем рядом, и его сердце упало.

«Они нашли меня! – подумал он. – Но подождите – у них не было оружия...».

Не успело это осознание проникнуть в рациональную половину его мозга, как вспышка света ослепила его глаза. Звездный поток мечей, топоров и копий вспыхнул и заискрился в темноте и, подобно злобному стальному цветку, распустился в одно мгновение, кольцом рассыпаясь ударами и парированиями, а затем исчез, когда из его центра вышел высокий, крепко сложенный мужчина.

Серрег уставился в откровенном шоке, его искривленное тело застыло в расщелине.

Этот человек был гигантом. Его рост достигал девяти футов, и Серрег не мог понять, как ему удалось выйти из маленького кольца движущейся стали, не поранившись, не говоря уже о том, чтобы уклониться. У него была гордая, легкая,

настороженная поза воина. Он искоса взглянул на Серрега, при этом держа одно ухо на чеку, и перенес основное внимание на незадачливого беглеца, застрявшего в скале.

– Ну вот, – сказал великан глубоким и хриплым голосом. Он напомнил Серрегу обутое в сталь сапоги, марширующие по костям, или валуны, катапультирующиеся в каменную кладку крепостных стен. – Беспомощный архимаг. Такое не каждый день увидишь.

Взгляд Серрега пробежался по телу посетителя. Он был небрит, и ему несколько раз ломали нос, но от этого он не стал менее красивым. Его широкая, покрытая боевыми шрамами грудь была обнажена, защищенная лишь плащом, прикрывавшим его широкие плечи. Его руки – все три, нет, четыре... или пять... ну, все, которые Серрег мог видеть... – несли оружие: копье, ятаган, топор, шипастые головки боевого цепы, болтающиеся у головы, и череп, который он держал как дубину, вцепившись пальцами в глазницы и большим пальцем в зубах.

Гигант наклонил голову набок и спросил:

– Ты говоришь, мальчик? Или это тоже была магия?

– По-очему...? – заикался Серрег.

– Ты звал на помощь, – сказал великан, раскинув свои многочисленные руки, – и вот я здесь.

Серрег нахмурил брови. Призвал на помощь? Да, в своем паническом состоянии он, наверное, так и сделал. Но это не имело значения. Помощь пришла.

– Так... что... кто ты?

– Пшшш! – захохотал гигант. – Ты действительно беспомощен, не так ли?

Он отвернулся и стал осматривать пейзаж. Серрегу стало обидно, что он больше не заслуживает внимания великана.

– Но... но я не...

– Я – Таргус.

Надолго воцарилась тишина, нарушаемая лишь тонким журчанием капель, непрерывно стекающих с подола плаща великана.

– Таргус, – сказал наконец Серрег.

Голова Таргуса моталась из стороны в сторону, когда он принюхивался к воздуху.

– Таргус, – повторил Серрег.

Гигант проигнорировал его.

– Повелитель войны, – добавил Серрег.

– Да, – просто ответил Таргус. Он снова повернулся лицом к Серрегу и фыркнул.

– Тебя это устраивает, не так ли?

– Ч-что ты здесь делаешь? – спросил Серрег.

– Ты позвал, – ответил Таргус, пожав плечами.

– Но-но, ты же бог! – выпалил Серрег.

– И что? У меня была прихоть ответить тебе. – Было что-то ужасно пугающее в этом голосе, наполненном смертью и резней, звучащем задорно. Серрег не сомневался, что Таргус может говорить об изнасиловании и резне с одинаковой заносчивостью. – Ты должен быть благодарен, ведь единственная возможная помощь – это три усталых фермера в нескольких десятках лиг отсюда. – Таргус

многозначительно посмотрел на Серрега, который беззвучно кивнул в знак согласия. – Кроме того, – добавил бог, – у тебя есть потенциал.

– Хорошо...

Таргус шагнул вперед, поставил один тяжелый сапог на выступ скалы и склонился над Серрегом в расщелине. Серрегу было непонятно, как ему удалось втиснуть свое массивное тело в эту маленькую трещину, но, опять же, он был богом.

– Итак, – сказал Таргус, заговорщицки подмигнув, – я здесь. Что тебе нужно?

– Что ты имеешь в виду? – спросил Серрег.

Само присутствие бога затмило в этот момент все остальные соображения.

– Ты просил о помощи, – резонно ответил Таргус. – Какого рода помощь ты хотел бы получить?

Серрег на мгновение задумался, и ему в голову пришла идея.

Но прежде чем он заговорил, Таргус, заметив блеск в глазах Серрега, вмешался:

– Пойми, я не буду сражаться вместо тебя. Я – верховный генерал, и, хотя я даю своим войскам наилучшие шансы на победу, сражаться должны пехотинцы вроде тебя.

«Будь проклята удача», – подумал Серрег, эгоистично игнорируя удивительное везение, благодаря которой его неистовая мольба достигла слуха бога.

Он еще немного подумал, тщательно формулируя ответ.

– Чего бы я хотел, – сказал он, – так это оружие. Физическое оружие, потому что заклинания бесполезны. Что-то маленькое и легкое, вроде кинжала или ледоруба, потому что у меня нет военной подготовки. Я хочу, чтобы это оружие наносило большой урон. И я также хочу, чтобы оно дало мне силы.

Таргус понимающе поджал губы и ответил:

– Силы? Во множественном числе? Нет. Если бы я дал их тебе, мы бы просидели здесь всю ночь, слушая, как ты перечисляешь их в своей алчности. Выбери одну, и побыстрее.

– Я хочу, чтобы он полиморфировал меня, превращая из одного существа в другое, так, чтобы эти твари не могли украсть магию.

Таргус широко улыбнулся.

– Как пожелаешь, – сказал он. – Ты получишь свое оружие. Но будь осторожен, потому что оно любит проливать кровь. – Он слегка поклонился. – Доброго вечера и удачи, и я надеюсь, что ты реализуешь свой потенциал.

Гигант рухнул на землю, оставив после себя лишь эхо тысячи криков и боевых кличей, да облако капель, висевшее в пяти футах от земли. Серрег увидел кинжал, висящий в центре тумана. Он схватился за рукоятку, удивленный теплотой сверхъестественного тумана. Когда он поднес кинжал ближе, чтобы осмотреть, его сразу поразили три вещи.

Это был красивый кинжал, искусно выкованный и украшенный.

Его рука была покрыта теплой кровью.

Ночные насекомые снова начали стрекотать.

До этого момента Серрег даже не замечал, что они замолчали. Интуиция подсказывала ему, что весь разговор происходил вне времени, приостановленный по прихоти Таргуса. Это означало, что твари были близко...

Серрег услышал хриплый стон и увидел, как в темноте поднимается темная громада, заслоняя собой звезды. Он повернул лезвие кинжала в руке и крепко сжал его. Существо подошло ближе. Его четыре руки грациозно взмахивали, вычерчивая в ночи полосы магического огня. Оно резко повернулось к нему, давая понять, что заметило его в укрытии. Существо сделало несколько мистических пассов руками, произнося заклинание. Паутина люминофора окутала чудовище, Серрега и расщелину, а затем исчезла.

«Маскировка, – подумал Серрег. – Он хочет один заполучить меня в свои руки».

Существо на мгновение остановилось, покачиваясь взад-вперед, и у Серрега возникло отчетливое ощущение, что оно изучает не его, а кинжал.

Затем без дальнейших предисловий и предостережений оно бросилось прямо на него. Оно схватило туловище Серрега двумя из четырех своих рук и вытащило из расщелины, в то время как две другие схватили его за голову, направляя к зияющей зубастой пасти.

Серрег отчаянно вонзил кинжал в пасть существа, погрузив оружие в мясистую плоть за зубами по самую рукоять. Тварь закричала нечестивым и совершенно чуждым монотонным криком, и вдруг стало в восемь раз больше, заполнив небо, а Серрег выпал из его ослабевшей хватки.

Как он оказался так высоко? Времени на раздумья не было, поэтому он крутанул хвостом, чтобы приземлиться на ноги, и побежал. Хребет казался намного больше, чем раньше. Он прыгнул на выступ скалы, ловко приземлился на передние лапы и оттолкнулся задними, как раз вовремя, чтобы...

«Передние лапы?» – подумал Серрег.

Он быстро забежал за выступ и спрятался. Стонущая тварь лечила свою рану на дальнем конце скалы, и Серрег посмотрел вниз на свои лапы.

Лапы?

У него были две пушистые передние лапы, заканчивающиеся подушечками. Он поднял одну из них, сжал когти и уставился. Его хвост подергивался в раздражении и замешательстве, потому что он... Он оглянулся через плечо, чтобы увидеть поджатые лапы и развевающийся хвост, покрытый мягким полосатым мехом. Он был кошкой.

Кошка? Ну, он не желал быть кошкой, не просил кинжал изменить его облик, но он все равно изменил. Вполне справедливо. Но где кинжал? И, если уж на то пошло, где его одежда? Он снова посмотрел на свои когти, и действительно, один из когтей на правой лапе весело блеснул в лунном свете.

Он улыбнулся. Все, что ему нужно было сделать, так это превратиться в воробья и броситься оттуда. За воробьем было бы очень трудно уследить, и он знал, что сможет перелететь одну из этих тварей. А когда он улетит подальше от непосредственной близости, то сможет стать соколом и набрать скорость.

Он посмотрел на свой коготь и мысленно приказал:

«Преврати меня в воробья».

Ничего не произошло.

«Я приказываю тебе превратить меня в воробья».

Ничего. Неужели это должно быть произнесено вербально?

– Рреоооуф, – сказал он так тихо, как только мог.

Он снова начал паниковать. Как он мог приказывать кинжалу, если он мог только мяукать, как кошка? Но подождите, он никогда не просил быть кошкой, просто...

Огромная холодная рука с двумя оттопыренными большими пальцами оторвала его от земли. Он извивался и корчился, зная, как трудно удержать несговорчивую кошку, но эта штука держала его крепко. Три другие руки произносили над ним заклинания прорицания, пытались определить причину его изменения и, возможно, попытаться его отменить.

Однако, мерзкое существо, к ужасу Серрега, быстро сдалось. Вместо этого пасть широко раскрылась, чтобы проглотить Серрега целиком. В отчаянии полосатый архимаг атаковал толстую кожу существа, используя свое жалкое маленькое оружие из зубов и когтей. Это было все равно что пытаться прокусить стену или поцарапать камень. Он поднял голову, когда пасть приблизилась, заполнив все поле зрения, и посреди нового безумия борьбы почувствовал, как меняется снова.

Мир вокруг него сжался, а мощная рука, державшая его, уменьшилась в размерах и силе, быстро превратившись из железного обруча вокруг его тела в тугую перчатку, пытающуюся оцарапать его ребра. Инстинкты Серрега подсказали ему, что он находится под неудобным углом, тело расположено слишком вертикально и слишком близко к земле, поэтому он быстро забил крыльями, чтобы вернуть себе контроль над центром тяжести.

Злобная мерзость изумленно уставилась на внезапную трансформацию, четыре руки широко раскинулись в шоке, а шипастый рот сформировался в идеальный уродливый круг. Серрег зашипел, вытягивая голову вперед. Он пролетел несколько десятков футов и сел на скалистую вершину. Существо поворачивало свое отвратительное тело, следуя за его движением.

Серрег быстро посмотрел вниз, чтобы провести инвентаризацию. Два когтя рептилии зацепились за выступ, а по обе стороны свисали два кожистых крыла. Виверна?

Отвлечшись таким образом, Серрег не заметил, как зверь подобрался и бросился на него. Его массивная масса врезалась в тело Серрега, а клыки вонзились в открытый бок. Четыре руки вцепились в чешуйчатую шкуру Серрега. Рефлекторно Серрег ударил своим ядовитым хвостом, кости и сухожилия напряглись от удара. Когда отравленный шип пролетел мимо его головы, он уловил краткий металлический отблеск, а затем жало глубоко вонзилось в тело чудовища, накачивая его ядом.

Существо снова увеличилось в размерах, и Серрег выскользнул из его протянутых лап и упал. Посмотрев вниз, он увидел склон хребта и понял, что сейчас произойдет столкновение. Он взмахнул руками, чтобы распрямиться, сильно ударился о землю и, кувыркаясь и скользя, пролетел более тридцати футов, прежде чем резко и болезненно остановился у куста.

Он посмотрел вверх. Адское чудовище корчилось в воздухе, по его боку стекала черная кровь. Оно повернулось к нему и зарычало своим необычным голосом, и Серрег крепче сжал кинжал. К счастью, он не потерял его при падении. Чудовище двинулось к нему, но затем резко лишилось своего намерения и опустилось на

несколько футов к земле. Руки начали втягиваться, затем обмякли. Колючий хвост несколько раз качнулся вперед-назад, затем дрогнул и затих.

Держа кинжал перед собой, Серрег двинулся назад по каменистому склону. Чудовище парило над землей, мертвое, но все еще подвешенное в воздухе на высоте семи футов. Его руки болтались, и кровавая слюна сочилась из гротескного рта, но хвост все еще был поднят.

Серрег осмотрел существо насколько мог, не подходя слишком близко. Он увидел зияющую рану, оставленную его жалом, увидел единственную царапину от когтя на одном из запястий. Кровь из пасти свидетельствовала о его первом ударе кинжалом.

«Странно, что я так хорошо вижу в темноте», – подумал он.

Он посмотрел на свою руку. Конечно, это была рука, но не человеческая – более грубая, более сильная. Одежда была его, немного потрепанная, но все же это были одеяния архимага, но они уже не сидели должным образом.

Его мозолистые пальцы ощупали широкое лицо с низкими скулами и покатым лбом. Из рта под сопливым носом торчали небольшие клыки.

– Орк? – сказал он грязным и грубым голосом. – Ну, по крайней мере, я могу говорить.

Он произнес тонкое заклинание обнаружения и заметил, что скрывающее заклинание злого существа все еще действует. Уверенный, что остальные не знают о гибели чудовища, Серрег захромал обратно вниз по хребту, его кинжал болтался в усталой руке.

Он повернул на запад, повторяя свой первоначальный путь, надеясь, что другие твари будут искать его дальше на востоке. Он увеличил скорость, перейдя с пошатывания на ходьбу, затем до бега трусцой и даже немного быстрее. Перебираясь рысью, он обнаружил, что весьма ценит свое тело орка. Его глаза легко пронзали темноту. Боль в ребрах и запястье мешала ему меньше, чем он ожидал – вероятно, нервная система орка была частично невосприимчива к боли. Он бежал вперед в хорошем темпе, не чувствуя усталости. Его мышцы были неутомимы, а пороссячье рыло с широкими, раздувающимися ноздрями идеально подходило для того, чтобы вдыхать большое количество воздуха. Правда, постоянное подтекание соплей оскорбляло его культурное воспитание, но он с радостью вынес этот позор, лишь бы оказаться подальше от этих кошмарных тварей.

Он двигался в течение всего темного времени суток, все время на запад, найдя хороший ровный темп, который мог поддерживать часами. Идя рысью, он размышлял о кинжале в своей руке и о том, в какое положение он попал, и почему-то винил кинжал в своем бедственном положении больше, чем громадного зверя, которого убил.

То, что клинок был бесценен, было само собой разумеющимся. Это был дар бога – бога! И хотя никто никогда не поверит в эту историю, его сила была неоспорима. Он убил громадного зверя, которого его магия даже не опалила, и изменил его форму уже трижды? Если бы он только мог научиться управлять им, какой бы силой он обладал! Взлететь на крыльях ночного ястреба в анклав Карсуса, прокрасться по улицам города в облике кошки, превратиться в комара, чтобы пролезть в щель любого закрытого окна – вот это идея! Комар с интеллектом и магическими

способностями архимага! Ни один секрет не будет в безопасности. Все другие архимаги, плетущие интриги и заговоры против Делии, пытающиеся уничтожить его анклав и его народ, их секреты будут раскрыты, планы сорваны! Но все зависело от этого проклятого кинжала...

Серрег пытался заставить оружие изменить его форму. Он испробовал все известные ему заклинания и столько религиозных молитв, сколько смог вспомнить или придумать. Он выражал желание как пожелание, приказ и сделку; вербально, мысленно и, насколько это возможно, кинестетически. Он пытался набрать лезвием собственную кровь, чтобы активировать способность, а также плевал на него, обливался потом, целовал и, в конце концов, проклинал его. Ничего не сработало.

К рассвету, после ночного бега и бесконечных часов, потраченных на безрезультатную борьбу своей воли с магическим клинком, Серрег был готов сдаться. Он пережил тех монстров, которых невольно раскопал, так зачем же возиться дальше с этим трижды проклятым неподатливым предметом? Его уставший мозг не мог придумать ни одной причины. Он просто бросил бы клинок, метнул бы его посильнее, убрал бы его подальше от себя и покончил бы с этим. Кинжал, казалось, извивался в его руке. Он крепко сжал кулак, зажал руку, сделал глубокий вдох... И остановился.

Он не мог выбросить его. Он все еще был орком.

Его плечи поникли, и он тяжело сел на землю, опустив голову в знак поражения.

Пока он не придумал, как снова превратиться в человека, он должен был хранить клинок. Пока он был орком, любой человек, которого он встретит, убьет его на месте. Эти две расы враждовали уже три тысячелетия, и они не остановятся только ради него. У него не осталось магии, чтобы телепортироваться в свою лабораторию, а даже если бы он это и сделал, другие маги поджарили бы его заживо. Он был бы ошеломлен. И уж точно он не собирался опускаться так низко, чтобы пытаться жить с племенем орков. Он должен был оставить кинжал у себя, пока не выяснит, как заставить его работать на себя, а не только на него.

Но с этим придется подождать. Он устал, ранен, а солнце светило слишком ярко. Подумав так, он лег на спину, закинул левую руку на глаза и заснул, правой рукой прижимая кинжал к груди.

Он понятия не имел, как долго спал, и почему он почувствовал внезапную потребность резко сдвинуться. Он сделал это только для того, чтобы увидеть, как наконечник копья прочно вонзился в грязь в нескольких дюймах от его глаза.

Он услышал чей-то крик: «Ты придурок! Ты его разбудил!» и чваканье, когда копьё вырвали из земли в слишком яркое небо.

Охотник, ополченец, бродячий крестьянин – Серрег не знал. Он даже не имел четкого представления, где находится в Нетериле.

Но он знал, что его жизнь в смертельной опасности. Секреторные железы орка выбросили в организм невероятное количество адреналина, придав его чувствам такую ясность, что в ушах зазвенело от боли. Боевое безумие было новым ощущением для обычно интеллектуального архимага, к которому он не был готов ни умственно, ни эмоционально. Забыв о своем магическом обучении, он вскочил на ноги, издав могучий боевой клич. Он увидел неподалеку силуэт, темный, на фоне болезненно-голубого неба, с копьем в руке. Серрег бросился в атаку. Инстинкт орка,

а может быть, укоренившаяся тренировка воина, дарованная кинжалом, побудили Серрега броситься под копье. Он нырнул, кувыркнулся вперед, и его ноги снова оказались под ним. Серрег снова сделал выпад вверх, всей тяжестью своего тела и силой ног вонзив кинжал глубоко в живот несчастного человека. Серрег услышал, как тот застонал от боли...

И тут архимаг оказался в совершенно ином мире.

Огромная бесформенная масса медленно двигалась к нему, поэтому Серрег грациозно скользнул в сторону, пропуская ее. Его разум свободно расширился, он видел все вокруг, как будто все его существо стало единственным зрачком, предназначенным для того, чтобы воспринимать весь мир.

«Это интересно», – подумал Серрег, без особых усилий зависая в пространстве на огромном расстоянии над поверхностью мира.

Баритон грома прокатился по воздуху, но Серрег увидел, что небо было безоблачно-голубым, поэтому подлетел поближе к источникам, чтобы исследовать их.

Он был крошечным.

Четверо возвышающихся охотников стояли с копьями, двигаясь медленно, словно по воде. Один из них падал, сложившись пополам, и Серрег видел, как из его живота стекали капли крови, грациозно опускаясь на землю. По какой-то прихоти Серрег пронесся под умирающим охотником, скользя своим узким телом между падающими багровыми шарами.

Серрег взлетел и завис высоко над охотниками, анализируя ситуацию. Он обнаружил, что может осматривать свое тело, не поворачивая головы, и это было хорошо, поскольку, похоже, он вообще не мог поворачивать голову. Тонкая изумрудная грудная клетка вытянулась позади него, а под ней болтались шесть ног. Его четыре крыла издавали ровный звук «швх-швх», когда он рассеянно махал ими. Перспектива была не из легких: он действительно был насекомым, а не изучал его, насаженного на серебряную булавку. И похоже, что он был стрекозой.

А кинжал? Где он был?

Он осмотрел свои ноги, но ничего не увидел. Но затем, прямо перед глазами, он увидел блеск стали. Одна из его мандибул, конечно же. Оружие все еще было при нем.

Он снова осмотрел охотников. Один ухаживал за своим упавшим товарищем. Остальные нервно озирались по сторонам, пытаясь понять, куда исчез орк. Серрег ухмыльнулся бы, если его хитиновые челюсти могли бы сделать это. Вместо этого он повернул обратно на запад, внимательно высматривая хищных ласточек или древесных лягушек.

Будучи стрекозой, Серрег не чувствовал, что он летит особенно быстро, но он списал это на кажущееся замедление времени и реальное расширение мира. Он знал, что летит с большей скоростью, чем мог бы развить, будучи человеком. Но что беспокоило его, когда он продолжал свой путь, так это то, как он будет питаться.

Он начал ощущать грызущий голод. Сколько минут или часов прошло с тех пор, как он стал стрекозой? Серрег не мог знать. Насекомое ощущало голод иначе, чем человек, – более простое чувство, но все равно голод. И он понятия не имел, чем питаются стрекозы.

Насекомые были для него вредителями, которых нужно было прихлопнуть, или образцами для осмотра в галерее, или банкой с ингредиентами в лаборатории аптекаря. Кроме этого, он никогда не интересовался ими. Так чем же питались насекомые? Он задумался об этом, а затем решил, что ему придется проверить потенциальную пищу. Он знал, что разные насекомые едят пыльцу цветов, другие – сами растения, а некоторые даже едят других насекомых. Он также знал, что некоторые ели мертвых животных или другие, более отвратительные вещества, но пока он намеренно пренебрег этим моментом.

Он опустил на стебель дикой травы, качающейся на ветру. Он не выглядел аппетитным, но все равно попытался его откусить.

Ничего.

Он полетел дальше, пока не нашел полевой цветок, ярко светящийся в его стрекозиных глазах, но опять же, он не выглядел привлекательным, он понятия не имел, как именно его кусать, а когда ему что-то удавалось, это было неправильно.

Поэтому он перешел к атакующим насекомым. Он набросился на кузнечика, но тот был слишком велик, чтобы с ним справиться. Комар был слишком мал, чтобы его поймать, а муха слишком быстра. Наконец ему удалось поймать маленькое порхающее насекомое – он даже не знал, как оно называется, – и раздавить его в челюстях. Еда заполнила рот...

На долю секунды. Он обнаружил, что сидит на корточках, обозревая пейзаж с большой высоты. Он растянул губы в самодовольной ухмылке, размазывая мелкое насекомое по одному острому клыку. Он повернул голову, чтобы взглянуть на мир с новой точки зрения, но его глаза ничего не увидели. Его внимание было обращено внутрь, он чувствовал первозданную силу, текущую по его венам. Он расправил свои огромные кожистые крылья и сделал экспериментальный взмах. Он глубоко вдохнул в свои пещеристые легкие и выдохнул струю едкой кислоты.

О, да. Он был драконом.

И он был голоден.

Он принялся к воздуху, уловив мускусный запах диких быков. Его орлиные глаза видели их за полмили. Они не заметили его внезапной трансформации. Неудивительно, не каждый день стрекоза превращается в дракона. Он сложил крылья и по-кошачьи подкрался к ним по траве. Стадо вздрогнуло от шума его приближения. Серрег зарычал и взмахнул крыльями, двигаясь подобно раскату грома, низкому, тяжелому и мощному. Он облетел стадо один раз, а затем своим смертоносным дыханием сразил самого крупного зверя, расплавив его голову, когда тот убежал.

Он приземлился с тяжелым стуком, взмахнул крыльями, и стадо бросилось прочь, вопя в животной панике. Когда Серрег подошел к своей добыче и поднял одну лапу, чтобы разорвать мясо, его взгляд привлек блеск стали. На правой передней лапе блеснул на солнце передний коготь, украшенный изящными глифами.

Кинжал.

Его превосходный интеллект дракона сразу понял: каждый раз, когда он наносил удар, кинжал менял его.

Серрег осторожно поставил свою покрытую черной чешуей лапу обратно на место и принялся обрабатывать тушу другой лапой, вместе с грозными зубами. Он и

не подозревал, как сильно ему понравится ломать кости челюстями. Может быть, это было частью драконьего бытия, а может быть, он наконец-то открыл недоступную доселе часть своей души. Как бы то ни было, Серрегу это очень нравилось.

Съев быка, Серрег на мгновение присел и созерцал небо. Как рассвет прогнал тьму, так и день заменил ужасы прошедшей ночи новым светлым будущим. Жизнь была прекрасна. Пусть эти мелкие твари высасывают силы из анклавов. Серрег в них больше не нуждался.

Все же архимаги не были людьми, с которыми можно было шутить, и они не очень-то жаловали драконов, независимо от их происхождения. Серрег бросил последний взгляд в сторону неба, где он вырос, а затем снова направился на запад.

В конце концов, Серрег нашел роскошное болото, в котором устроил себе логово. Он ликовал, ощущая грязь между когтями. Это было гораздо лучше, чем уединенная и изолированная жизнь на скале Делии.

Но что делать с кинжалом? Он больше не хотел, чтобы он висел на его передней лапе. Он вообще не хотел, чтобы он был рядом. Он напоминал ему о его жалком прошлом и последнем вздохе его трусости. В конце концов, он поступил, как поступают драконы: использовал его, чтобы начать свой клад.

Осторожно поместив правую переднюю лапу в пасть, он сомкнул на ней зубы. Он крепко сжал его, затем выгнул лапу и шею, вытаскивая коготь из пальца. Жгучая боль пронзила его магический коготь, конечность дрожала от нервов, умоляя о покое, но он упорствовал. Кинжал попытался вонзиться в его нежную плоть, но тут послышался хруст, когда он вырвал его. С последним рывком, с последней вспышкой боли тот освободился.

И он тоже.

Серрег повернул голову в угол грота, который он выбрал для своего тайника, и выпустил кинжал из зубов. Он со звоном ударился о грязный пол, издав металлический звук разочарования, и отскочил гораздо выше, чем это было физически оправдано. Он отскочил снова, и снова, и снова. В конце концов он приземлился, раскачиваясь из стороны в сторону, и вибрация развернула лезвие так, что оно обвиняющее указало на Серрега.

Тыльной стороной левой лапы Серрег оттолкнул лезвие в сторону, но от толчка лезвие понеслось по кругу, пока снова не указало на него.

«Жалуйся, если хочешь, – подумал Серрег, – ты мне больше не нужен».

Слегка прихрамывая на правую переднюю лапу, он двинулся ко входу в свой грот.

«Я достаточно долго учился, – подумал он. – Пора применить эти знания».

Так размышляя, он взмыл в небо.

ДРАКОН ГОРЛИСТА

Элейн Каннингем

Год Свирели (1301 ЛД)

С открытым ртом, с выражением неподдельного ужаса на лице, десятилетний Горлист уставился на подарок, отмечавший конец его детских лет. Наградой за сотни испытаний в удаленных от города нищенских пещерах Чед Насада, за бесчисленные часы утомительного изучения сложной речи темных эльфов, языка жестов и письменности была книга. Книга!

Наставник, Т'сарлт, выжидающе наблюдал за ним – на что Горлист выхватил подарок и швырнул его через всю комнату. Затем, скрестив тонкие руки на груди, он поднял бунтующий взгляд на старого дроу и сказал:

- У солдат нет времени на чтение.

- Времени или ума? – резко спросил Т'сарлт. - Твои стремления недостаточно высоки, мальчишка! Некоторых дроу выращивают в качестве воинов-смертников, но ты — ты сын мага.

Согласно законам и традициям дроу, Горлист не был таковым. Маг Нисстир зачал его и нанял Т'сарлта, чтобы тот обучал и заботился о нем, но Горлист был сыном Чиндры — гладиаторшы, которая выиграла себе свободу на арене и поднялась до ранга элитного городского стража.

«Сын Чиндры, - угрюмо заключил Горлист, - должен был получить кинжал в качестве подарка».

Т'сарлт, подняв книгу с неровного каменного пола, раскрыл ее и положил на стол. Черным, тонким и длинным, напоминающим на паучью лапку указательным пальцем он постукал по слабо светящимся рунам.

- Ты входишь во вторую декаду своей жизни. Пришло время изучить элементарные заклинания.

Мальчик бросил взгляд на книгу и тут же его отдернул. Ему показалось, будто волшебные руны корчились и ползали по странице, как личинки, поедающие гнилую рыбу-фонарь. Он подавил в себе дрожь и скривил губы, стараясь подражать презрительной усмешке Чиндры, что появлялась на ее лице каждый раз, когда разговор заходил на тему магии.

- Магия, - он усмехнулся, - для слабаков. Дай мне меч, а не помет летучих мышей и плохую поэзию.

Т'сарлт сунул книгу поближе к нему и сказал:

- Здесь кроется сила, и Нисстир желает, чтобы ты обладал ею.

- Ну и что? Все желания Нисстира не помешают Чиндре положить эту книгу в уборную и найти там хорошее применение ее страницам.

- Если ты так измеряешь ценность сей книги, - проговорил наставник напряженным от контролируемого гнева голосом, - то ты так же высокомерен, как и глуп.

Горлист пожал плечами, игнорируя оскорбление, и в ответ сказал:

- Любое обучения измеряется ценой пролитой крови, а не прочитанными книгами. Ты можешь сказать это отвергнутому моей матерью *парздиаметкису*.

Вульгарное слово, используемое обычно в борделях, положило конец терпению Т'сарлта. Пожилой дроу бросился вперед, чтобы схватить мальчишку; его длинные, необычайно тонкие пальцы согнулись, подобно когтям хищника.

Горлист с легкостью уклонился. Выбегая из пещеры, которую они делили с Чиндрой, он поднял руку в грубом жесте. Он быстро побежал по узкой каменной улице, перескакивая через кучи мусора и уворачиваясь от когтей своего наставника.

В конце концов, Т'сарлт решил отказаться от преследования и прильнул, тяжело дыша, к одному из сталагмитов-близнецов, обрамляющих вход в таверну «Гибель Дракона» - борделя, что обеспечивал Горлисту богатые знания красочного лексикона, а иногда и случайный заработок.

- Голист, немедленно вернись! - позвал Т'сарлт. - Не то я тебя высеку!

Без сомнений высечет, но не так сильно. Так как Горлист умел немного писать, он мог послать весточку отцу. Т'сарлт был слишком стар, чтобы взять на обучение другого дроуского юнца. Если Нисстир его уволит, то куда ему еще податься?

Возможно, его наймет Чиндра. Коварная усмешка искривила губы Горлиста при мысли, как наставник полирует сапоги бывшей гладиаторши. Чиндра никогда особо не интересовалась Т'сарлтом, и, по правде говоря, Горлистом тоже, но мальчик гордился тем, что мать наотрез отказалась отдавать его Нисстиру.

- Самцы заявляющие право на воспитание ребенка? Ни за что, - объявила она. - Создает дурной пример.

Воспоминание о резком, по-армейски рубленом тоне матери вызвало улыбку на лице мальчика. Какая польза ему от книг? Чиндра не умела читать и писать, но у нее была своя собственная метка, которую знающие боялись.

Горлист прикоснулся к грубо сделанному кулону, спрятанному под туникой, провел по нему пальцем — это был маленький, плоский камушек, на котором он вырезал метку Чиндры. Для Горлиста амулет был так же дорог и прекрасен, как любой из самоцветов матроны.

Он протискивался сквозь столпотворение, растянувшееся около «Экзотических Грибов» Зимьяра. За гротом, в котором располагался базар, лежал лабиринт тоннелей, логовища монстров Подземья и возможные засады. Горлист бросился бежать сразу, как только выбрался из толпы; его мысли были заняты грядущими приключениями.

Без происшествий он добрался до грота, где тренировалась стража. Обойдя стороной главный вход, он вскарабкался по грубо обтесанным камням до маленькой пещеры, находившейся высоко над полем сражений. Там он проводил все свое выкраденное время, наблюдая за тренировками женщин.

Сейчас на поле дрались два солдата, двигаясь в тесном кольце. Его взгляд сразу выловил высокую, мускулистую фигуру женщины дроу, чья бритая голова блестела от масла и пота. Это была сама Чиндра. Другая женщина ценила красоту длинных, ниспадающих белых волос, но Чиндра отказывалась давать своим противникам преимущество возможности схватить ее за волосы.

Счастливый вздох слетел с губ Горлиста в то время, как он наблюдал за своей матерью. Т'сарлт часто ругал его за эту опасную привязанность.

- Сердце – коварное оружие, - некогда предостерег он. - Оно будет использовано против тебя, если ты будешь достаточно глуп, чтобы вверить его в руки другого дроу.

Горлисту не было дела до поучений наставника. Он боготворил в Чиндре все: ее свирепый взгляд во время битвы; мелодию, которую она напевала всякий раз, когда направлялась в таверну, и беспорядочные узоры шрамов на ее предплечьях. В один из тех редких моментов, когда у нее было хорошее настроение, Горлист спросил про шрамы и был вознагражден самым длинным разговором, какой они когда-либо делили с матерью.

- Спутанные как паутины Лолс, - сказала она гордо, показывая свои руки так, чтобы он мог лучше разглядеть ее боевые шрамы. - Вяжись в поножовщину - и тебя обязательно поранят. Мастерство определяет как и где, и как глубоко. Ты научишься этому, если проживешь достаточно долго.

- А ты меня научишь? - спросил он с энтузиазмом.

Этот вопрос ее явно развеселил.

- А ты так желаешь пораниться, дровенок? Смотри и учись, и учись ждать. Остальное придет со временем.

В тот же самый день он впервые тайно пошел за Чиндрой на поле для тренировок. В конце концов, где еще найдешь место лучше, чтобы смотреть и учиться?

Горлист достал свои сокровища из трещины в стене: сломанный точильный камень и некогда ржавый серп, найденный в мусорной куче. Мальчик устроился удобнее и принялся шлифовать камнем тонкое, блестящее лезвие, поглядывая на битву из своего укрытия.

Двое воинов испытывали новое оружие — толстые перчатки, на концах которых были изогнутые металлические когти. Горлист наблюдал с замиранием сердца, как две женщины ходили по кругу и наносили удары. Женщина пониже замахнулась и нанесла свирепый удар Чиндре. Та успела уклониться и ответить быстрым встречным выпадом, ухватив руку соперницы. Она сжала кулак, позволив когтям противника впиться в собственную руку. Затем последовали когти Чиндры, которые исчезли в плоти ее соперницы.

Дроу пониже вскрикнула и ударила свободной рукой. Чиндра повторила захват, затем широко развела их переплетенные руки, дернув женщину к себе. Лбом она двинула по лицу дроу так сильно, что нос женщины превратился в кровавое месиво, а глаза ее закатились.

Чиндра держала хватку до тех пор, пока противница не сползла без сознания на каменный пол. После она по очереди сняла с себя перчатки, оставляя погруженные когти в плоти проигравшей. Она скинула с себя одновременно и перчатки, и

женщину так же обыденно, как если бы она сбрасывала грязную одежду. Это был жест невероятного пренебрежения, и наблюдавшие за ней бойцы, выражая свое восхищение, издали рев и запрыгали на месте.

Шквал оваций свел Горлиста с ума. Подражая им, он прыгал на месте и кричал вместе с воинами, размахивая серпом над головой.

Когда овации стихли и проигравший боец потащился к целителям, Горлист рассмотрел свой маленький серп и к собственному удивлению и удовольствию увидел, что тот был заточен. Грубо сделанный, затупленный серп предназначался для сбора грибов, своими острыми краями внутреннего и внешнего изгиба. Хотя он не был желанным кинжалом мечты, но для начала вполне подходил.

«Возможно, - подумал Горлист с усмешкой, - стоит опробовать лезвие на переплете дурацкой книги Т'сарлта».

С серпом в руке дроу спустился вниз по стене. Он неторопливо продвигался по каменному проходу, практикуя развязную походку, свойственную солдатам. Он уже подходил к дому, когда услышал едва заметный шорох из бокового туннеля — не пешего прохода, но зловонного среднего ответвления с крутым подъемом.

Похожие на крыс кобольды толпой хлынули из дыры. Этих двуногих ящеров было, по меньшей мере, семеро, и каждый почти такого же роста, как ребенок дроу. Радуюсь легкой добыче, они подбирались ближе, оживленно таякая между собой.

Горлист переставил ноги, бессознательно подражая бойцовой стойке матери. Один из кобольдов выскочил вперед, атакуя. Мальчик нырнул под цепкую руку первого кобольда и провел серпом по слабо защищенному чешуйчатому животу. В следующее мгновение он отскочил на шаг или два назад, сделал выпад, полоснув ближайшего кобольда по морде. Прежде чем изумленное существо смогло хоть как-то отреагировать, Горлист сменил направление клинка - и изогнутый конец впился в шею противника, разодрав дыхательные пути.

Кобольд упал, издавая булькающие звуки и скребя лапами по своему изрезанному горлу; а Горлист с боевым кличем, размахивая серпом в неистовом возбуждении, уже ринулся на следующего противника.

Стая кобольдов сделала то, что обычно делают кобольды, когда встречают неожиданное сопротивление: они бросились врассыпную, визжа проклятия. Горлист придавил ногой крысиный хвост одного из убежавших и ударил того по позвоночнику. Существо изогнуло спину в приступе агонии. Дроуский ребенок схватил один из мелких рогов кобольда и, задрав тому голову, провел серпом по обнаженному горлу. Мальчик отбросил труп и ринулся за остальными. Сделав рывок, он свалился сверху на одного из них — на того, кто в своей безумной надежде пытался совершить побег, но споткнулся о подобного себе.

Когда с резней было покончено, Горлист поднялся на ноги. Устало дыша, он прислонился к каменной стене. Впервые в своей жизни, он почувствовал полноту существования.

Однако чудесное боевое возбуждение быстро прошло. Горлист оценил ситуацию: его туника и руки были липкими от крови врагов, все мышцы и суставы болели. Поразительно, но его не задела ни зубы, ни когти, ни оружие кобольдов.

Едва ли не танцуя, Горлист вернулся в пещеру Чиндры. Наставник недовольно посмотрел на него, но, прежде чем он успел раскрыть рот, вошла Чиндра. Она

глянула на Горлиста поначалу мельком и без интереса – а в следующее мгновение уже пристально и по-солдатски внимательно.

- Сколько на тебе твоей крови? – спросила она ребенка.

Горлист гордо вскинул подбородок:

- Ни капли

- Чья же эта тогда? Надеюсь, не купеческого молокососа. У меня мало денег, чтобы заплатить цену за кровь.

- Это кровь кобольдов.

Ее алые глаза расширились от удивления.

- Мертвые кобольды в туннелях. Твоя работа?

В ответ он выставил напоказ свой окровавленный серп. Чиндра оскалила зубы.

- Богатый урожай! – ее радость была бурной. – Пять кобольдов! Как ты научился сражаться?

- Наблюдая за тобой.

Видя, что его слова угодили ей, он салютировал ей так, как часто видел это у солдат. Ее рука мгновенно ринулась к нему, как бросившаяся в атаку змея, и схватила его за запястье.

- Не так, – жестко произнесла она. – Никогда так не делай. Ни один мужчина не может салютировать или получить салютирование среди женской стражи. – Ее взгляд затуманился. – Но есть другие способы... – она внимательно посмотрела на него и отрывисто задала свой вопрос - Хочешь быть бойцом?

Он только и смог, что горячо кивнуть.

- Тогда ты будешь учиться тому же, чему и я. Пошли.

Широко шагая, она шла по рынку; за ней, как маленькая тень, следовал Горлист. Охватывавшее его волнение, уносило его за пределы восторженных детских мечтаний о приключениях — он так долго мечтал увидеть игровую арену — к удивительным и неожиданным возможностям. Чиндра была солдатом, само собой разумеется, это же было целью Горлиста. Но ее карьера началась с известности на гладиаторской арене. Он станет таким же знаменитым как и она, он пройдет по ее стопам, повторит ее путь от самого начала.

Горлист молча следовал за матерью по системе боковых тоннелей, которые были гораздо уже тех, что вели на арену для практики. Ему не нужно было объяснять почему: так было легче оборонять город, если бы какому-то чудищу удалось сбежать — или, коли на то пошло, если каким-то чудом гладиаторам удалось сколотить банду для общей цели.

Каменный коридор вывел их к арене. Это был огромный зал, окруженный рядами скамеек. Наверху пересекались узкие проходы. Горлист не уделил помещению особого внимания. Его глаза были прикованы к арене. Невероятные чудища – существа, никогда невиданные в тоннелях вблизи Чед Насада – бились и умирали здесь.

Так же, очевидно, как и дроуские гладиаторы. Несколько бойцов лежало на окровавленном полу. Двое других рубили омерзительное существо с серой кожей, длинными конечностями и поразительной регенерацией. Отрубленная рука, скорчившись, упала на пол арены и тут же была позабыта. Разорванное плечо начало сращиваться. Появился росток плоти и превратился в пять серых лепестков. Те в

свою очередь отрастили когти, которые изгибались и выгибались в то время, пока рука принимала форму.

- Я училась здесь, - сказала мать Горлиста, - и ты тоже будешь.

Радость наполнила сердце юного дроу.

- Я стану победителем в каждой битве, - пообещал он ей.

Она засмеялась и хлопнула его по плечу — это был солдатский жест, которым, по памяти Горлиста, она раньше не одаривала ни одного мужчину. Это был самый лучший момент в его юной жизни.

Чиндра внимательно оглядела воинов, стоящих в боевой позе и подняла свою руку в приветствии.

- Сливифар, Хозяйка Ринга!

Высокая женщина подняла голову, нахмурившись. Что-то в той дроу напомнило Горлисту о множестве змей, которых слепил воедино какой-то безумный маг. Ее белые волосы были заплетены в несколько косичек, и она носила с собой кнут с рукояткой из кости и плетью из кожи. Ее лицо было угловатым как у гадюки, а ее взгляд был по-змеиному безжизненным и бездушным.

Но она подняла руку в знак приветствия и зашагала к новоприбывшим. Она и мать Горлиста хлопнули друг друга по предплечью в бойцовском приветствии.

- Что привело Чиндру сюда? - спросила хозяйка ринга. - Пришла показать этим соплякам как надо драться?

- В какой-то степени, да, - ответила она, одним взглядом указав на ребенка рядом с ней.

Сливифар удивленно подняла свои брови:

- А это чей окровавленный молокосос?

- Это Горлист, сын Чиндры, - ответила его мать. - Он действительно окровавлен, но это не его кровь.

Хозяйка ринга провела пальцем по заляпанной тунике Горлиста, а затем пригубила его, будто пробуя кровь на вкус.

- Кобольдская?

- Семерых кобальдов, - гордо соврала Чиндра. - Порезаны на полоски серпом для грибов.

Расчетливый взгляд Сливифар скользнул по дроускому ребенку, после чего она обратилась снова к его матери и заметила:

- Ценный подвиг.

- Больше, чем просто ценный, - отозвалась Чиндра.

Они продолжали свой разговор в том же духе некоторое время. Скучающий Горлист подошел к перилам, чтобы понаблюдать за боем. Один дроу до сих пор боролся с серым монстром, он действовал настолько увлеченно, что даже не заметил, как обрубленная конечность подкралась к нему сзади. Длинные и узловатые пальцы схватили за лодыжку опрометчивого дроу. Боец завизжал от удивления и боли. Восхищенный Горлист насмешливо рассмеялся.

Чья-то твердая рука приземлилась на его плечо, и он почувствовал, как лакированные ногти впиваются в плоть. Сперва он подпрыгнул от удивления, затем состроил кислую мину. Его реакция и - что самое важное - его беспечность, была точно такой же, как у того дроу с арены; это задело его самолюбие.

- Тролль, – сказала Сливифар. – Хороши для тренировки. Его раны заживают также быстро, как наши юнцы могут резать, и он поедает тех, кто проиграл.

Горлист раздраженно пожал свободным плечом. Ему какое дело?

Его мать рассмеялась и сказала:

- Видишь? Он не боится.

Сливифар развернула его лицом к себе и ее алые глаза, как два пламени, лизнули его.

- Он будет бояться, – пообещала она.

Не поднимая головы, она бросила маленький кошелек Чиндре, которая ловко поймала его. Она отдала честь хозяйке ринга и неторопливо отправилась к выходу. Горлист поспешил было за ней, но рукоятка плети Сливифар больно ударила его по животу, выбив из его тела воздух.

- Теперь ты мой, - сказала она. – Ты слушаешь и выполняешь мои приказы. Понял?

По правде говоря, он не понимал. А потом Чиндра начала насвистывать трактирную песенку. Троица рабов-гоблинов, почувствовав ее хорошее настроение, протянули ей руки в назойливом прошении милостыни. Она порылась в маленьком кошельке, кинула попрошайкам монету и исчезла за углом, даже не оглянувшись.

- Она продала меня, – вымолвил он, его голос был сиплым шепотом. - Тебе.

- Сорвала больше, чем ты стоишь... пока что.

Горлист заметил ее плотоядный взгляд и, не смотря на свой юный возраст, он понял, что это означает. Он вернул ей оценивающий взгляд, позволяя ей увидеть свою ненависть и ярость. Сливифар закинула свою голову и рассмеялась, ее смех был полон темного удовольствия.

- О, ты окупишь свою цену и даже больше, чем окупишь! Иди за мной, моя маленькая приманка для тролля.

Он последовал за ней, ведь иного выбора у него не было. Пока он шел, он сорвал кожаный шнурок со своей шеи и бросил камень, на котором была изображена метка Чиндры, на неровный пол. Моргая по-странному влажными глазами, Горлист запретил самому себе посмотреть, куда упал камень.

Его мать не обернулась, не обернется и он.

Год Паутины Сновидений (1323 ЛД)

Прошли годы. Горлист вырос и стал таким же рослым и крепким, какой была Чиндра. И он сдержал обещание, которое дал в день, когда его мать продала его в рабство: он выигрывал каждый бой.

Он следовал своему угрюмому обещанию, пока упражнялся с Мурдинарком, партнером по тренировке и ближайшим существом, которое он мог бы назвать другом.

Как было у них по обыкновению, они разминались в схватке с посохами. Горлист встретил яркие, стремительные атаки Мурдинарка точными движениями и ответил проворными встречными ударами, которые в большинстве случаев пробивали защиту

друга. Горлист был лучшим бойцом, но толпа любила Мурдинарка. Он полагал, толпа приходила не для того, чтобы посмотреть, как дерется Мурдинарк, а чтобы посмотреть, как он истекает кровью. Сам Горлист гордился тем, что никогда не был ранен, что он был безупречным в бою. Непобежденным.

В этот самый момент, когда он раздумывал над этим, Мурдинарк разъединил свой посох на две укороченные палки, на конце каждой был металлический крючок. Он поднял обе палки, поймал надвигающийся удар Горлиста в перекрестной защите, затем резко широко развел свои руки. Крючки разрезали посох Горлиста с легкостью, подобно тому, как нож проходит по маслу. Верхняя часть со стуком упала на каменный пол, и Мурдинарк пинком отшвырнул ее в сторону.

- Тайное оружие. Молодец, – признал Горлист, приводя свой укороченный посох в защитную позицию.

- Твой посох тоже так может. Тебе просто надо знать, как его использовать.

- И когда же ты собираешься поделиться этой информацией со мной?

На лице Мурдинарка появилась сияющая, самодовольная ухмылка:

- После того как выиграю, конечно.

Он бросил в сторону разделенный посох и вытащил короткий меч из ножен. Горлист последовал его примеру, но, к его удивлению, высокий дроу резко выкинул назад свою руку и швырнул клинок в полет.

- Кзипан-детарза! – выкрикнул он.

Невидимая рука вырвала меч из хватки Горлиста. Вращаясь, он полетел прочь, к клинку Мурдинарка. Два меча столкнулись друг с другом, после чего упали на каменный пол.

Заинтересованный Горлист подошел поближе. Мечи лежали друг на друге, как тела из общественной усыпальницы. Он нагнулся, чтобы поднять свой меч. Клинок Мурдинарка приклеился к его собственному, как будто эти два меча приварили вместе.

Перевернув склеенные клинки, он заметил выгравированный узор — жуткий рисунок изображавший скелетов сплетенных в посмертной оргии. Гравировка на металле имела едва заметное голубоватое свечение.

- Это магнетическая руда, найденная на нижних уровнях Пещеры Друмлочи? – спросил он.

Мурдинарк ответил ухмыляясь:

- Хорошая догадка, особенно для того, кто никогда не выходил из Чед Насада.

В его словах содержалась легкая насмешка. Бойцы, победившие на арене, в награду получали определенные привилегии: поход на рынок, посещение таверн и фестивалей, даже редкие набеги на поверхность. Горлист предпочитал использовать право победителя на отказ от женских ухаживаний, поэтому он пропустил подначку и продолжил изучать меч.

- Откуда это у тебя? - спросил он.

- Мне его подарила Сливифар. Сегодня утром, – ответил Мурдинарк, подмигнув.

Волна отвращения наполнила Горлиста:

- Как ты можешь выносить эту двуногую змею?

Второй дроу пожал плечами:

- Ради наград и удовольствий.

Взгляд Горлиста упал на предплечье друга, на котором находилась стилизованная метка.

- Удовольствий вроде ходить как самец рофа с выжженным клеймом? – поинтересовался он.

- У тебя тоже появится метка, знаешь ли, - ответил Мурдинарк, но улыбка исчезла с его лица. – После твоего первого проигрыша.

- Я ни разу не проигрывал, – напомнил ему Горлист, - и не собираюсь проигрывать.

Его друг оглянулся, чтобы убедиться, не подслушивают ли их, потом наклонился и тихо сказал:

- Тогда тебе лучше спуститься в загон для монстров.

Этот совет привлек внимание Горлиста. Сливифар всегда отличалась скрупулезностью и экономностью в вопросах покупки нового и экзотического существа для арены.

- Что на этот раз? – спросил он, старательно напустив на себя скучающий вид – чувство, которое на данный момент он не ощущал. – Монстр издалека? Еще один драйдер?

- Дракон. С поверхности.

Некоторое время Горлист стоял, молча уставившись на приятеля. Мурдинарк подтвердил невероятные новости кивком головы. Без лишних слов Горлист зашагал к загонам.

Найти дракона было не сложно - создание с Поверхности требовало больше света, чем обитатели Подземья. Вдоль коптящих, закрепленных в стене факелов дроу проследовал к ярко освещенной яме. Когда его глаза привыкли к свету, он не смог сдержать скептический смешок. Дракон был молодняком, не больше двадцати футов роста. Его ярко-зеленая чешуя явно была достаточно мягкой, чтобы пронзить ее столовым ножом. Пока Горлист наблюдал, мимо него проскочила крыса. Дракон сделал вдох, заряжая свое дыхательное оружие. Вместо ядовитого газа, он выдал шипящий звук и немалое количество зловонного плевок.

Горлист усмехнулся. Что Сливифар ожидала от существа? То, что оно утопит его в слюне?

Он вернулся в свою комнату, чтобы сменить одежду к обеду — и выкроить время для изучения новой находки Сливифар. К его удивлению, там его поджидал Нисстир.

Родитель был строен и грациозен, с длинными волосами необычного медного цвета и достаточно красивыми чертами лица, чтобы привлечь внимание женщин. Однако его рост и сила не дали бы ему долго продержаться на арене. Вопреки всему, Горлист не жалел, что сам был больше похож на мать.

- Я разговаривал со Сливифар, – сказал маг без каких-либо приветствий и вступлений. – Она тобою недовольна.

- Как Сливифар относится ко мне, волнует меня меньше всего, - ответил ему Горлист.

- Придержи свой надменный язык, мальчишка! Без благосклонности хозяйки и без магии как ты собираешься выжить в этом месте?

- Не магия помогала мне выживать все эти годы здесь. А это. - Горлист извлек меч своей матери, который он выиграл в схватке и забрал с ее мертвого тела.

- Тебе понадобится более коварное оружие, - заметил Нисстир. - До меня дошли слухи о твоей предстоящей схватке. Драться с драконом дело не пустяковое.

- Это просто молодняк, - Горлист презрительно усмехнулся.

- Не следует пренебрегать драконом. Даже детеныши очень хитры и изворотливы.

- Единственное оружие, которым зверь обладает - зубы и когти. Детеныш слишком мал, чтобы использовать свое дыхание.

- Может показаться, что так, - согласился Нисстир, - но драконы волшебные существа. Сложно распознать имеют ли они дополнительную магию в себе или нет.

Горлист начал осознавать.

- Значит, Сливифар могла заколдовать монстра, чтобы тот выглядел гораздо моложе чем есть?

- Вполне возможно. Жди встречи с главным оружием дракона - его дыханием. Оружие красного дракона - огонь.

Горлист с недоумением нахмурил брови:

- Но дракон был зеленым. Я сам видел.

- Я не сомневаюсь, что ты видел зеленого дракона, - сказал Нисстир, - но ты будешь драться не с ним.

- Объясни, - потребовал Горлист.

- Есть разные способы выкрасть чьи-то тайны при помощи магии. Я выкрал у Сливифар тайну о двух драконах: зеленом и красном. Зеленый дракон - тайна, о которой ты должен был узнать. Всегда существует дополнительный обман, которым будет иллюзия малоопытности незрелого дракона и отсутствие опасности от его дыхания. Несомненно, Сливифар ожидает, что ты разгадаешь этот коварный прием. Она хочет, чтобы ты подготовился к битве против дракона, дышащего газом, а на самом деле выставит на арену дракона, дышащего огнем.

Горлист обдумал слова мага. Они имели смысл, учитывая источник "тайны". В конце концов, Мурдинарк же не просто так получил новое оружие.

- Ты уверен? - спросил он.

- Там, где замешаны дроу и драконы, никогда нельзя быть уверенным наверняка. Сливифар не пожалела ни сил, ни денег, чтобы привести драконов с поверхности. Она уверена, что ты проиграешь.

- Откуда тебе это известно?

Нисстир сдержанно улыбнулся и ответил:

- Она заключила сделку со мной. Моя награда, если ты выиграешь - твоя свобода.

- Я выиграю.

- Конечно выиграешь, ведь ты тоже схитришь.

Прежде чем Горлист мог запротестовать, Нисстир вытащил из кармана маленькую хрустальную вещь: изумительно исполненную, миниатюрную голову дракона и заполненную внутри сверкающим и переливающимся порошком.

- Здесь содержится порошок, который потушит драконье пламя. Брось это в открытую пасть дракона, если тот соберется дыхнуть огнем.

Воин рассмотрел объект с неприязнью на лице и сказал:

- Я не люблю использовать магию.

- Могу заверить тебя, Сливифар не будет столь добросовестной. В сущности, у нее вообще совесть отсутствует. - Нисстир закатал длинный рукав, демонстрируя изящную руку, на которой был выжжен личный знак Сливифар. Отвращение наполнило Горлиста, чувство усугубилось, когда он заметил борозды на коже мага. Старая рана излучала слабое свечение, говорящее о сильной и без сомнения болезненной магии.

- Перо с неугасаемой кислотой, – сухо прокомментировал Нисстир. – Наказание за мою попытку выкупить твою свободу сразу после того, как тебя продала мать. Ты можешь ожидать этого или еще чего похуже, если проиграешь в этой схватке.

- Я не собираюсь проигрывать.

- Никто не собирается, – резко перебил его маг. - Но тот, кто не собирается выиграть, тем не менее, тоже проиграет. Если ты проиграешь эту битву, она сделает из тебя своим *парздиамо*. Поверь мне на слово, это незавидная судьба.

- Ты свободен думать так, как хочешь, отец. - Горлист усмехнулся. - Возможно, от тебя она тоже родила сына?

Холодная пелена покрыла глаза Нисстира – такое выражение лица Горлист видел у многих соперников, когда точный удар прерывал биение сердца.

- Дочь, - сказал маг кратко. - Ты дрался с ней и убил ее в самом начале своей карьеры.

Нечто похожее на сожаление охватило молодого бойца.

- Я не знал.

- Когда тебе это стало известно, видишь ли насколько маловажна эта информация? – сказал Нисстир, в его голосе звенело окончательное решение, что тема разговора завершена. Он передал Горлисту хрустальный череп, затем вытащил бутылочку.

- Ты носишь меч Чиндры, - сказал он, - и значит знаешь, что каждый победитель со временем падет. Если тебе не удастся победить дракона, выпей этот яд. Тебе он не повредит, но через несколько часов, после того как Сливифар овладеет своим предметом вожеления, она умрет в муках и никто не будет знать почему.

Горлист принял оба предмета и сказал:

- С такой картиной в воображении я почти жалею насчет своей грядущей победы.

- Твоя гордыня укрепит твою руку, - проговорил Нисстир, - но помни, каждый дроу использует секретное оружие. Мудрый боец использует свое, а также своих врагов.

Какое-то время боец разглядывал Нисстира, ожидая от того пояснения неясному совету. Вскоре до него дошел смысл слов. Его губы скривились в подлую, загадочную улыбку. Возможно, все-таки магия может быть полезной.

- До Чиндры никогда бы не дошел смысл такой тонкой мести, – заметил маг.

Молодой воин в ответ мрачно улыбнулся:

- И что? Кто такая эта Чиндра и кто она мне?

Когда наступил день боя, Горлист воспользовался лишь помощью Мурдинарка при подготовке. Его друг тщательно подрезал до самого основания волосы Горлиста и затем помог ему надеть кожаный доспех. Мурдинарк проверил остроту

оружия Горлиста и вложил их в ножны, прикрепленные к предплечью, сапогам и поясу бойца. Все это время он спокойно выдавал секреты Сливифар.

- ...дрессировщики говорят, что основное оружие драконов - зубы. Его лапы тебя не достанут. Избегай укуса дракона и тебе все удастся.

- ...ему подрезали крылья, чтобы тот не летал, так что тебе не нужно бояться когтей на крыльях...

- ...лучше тебе взять этот свиток с заклинанием купола свежего воздуха на тот случай, если дракон выдохнет ядовитое облако...

- Достаточно, Мурдинарк, - наконец сказал Горлист.

Он выдавил улыбку и протянул руку для рукопожатия. Мурдинарк обхватил его ладонь своими; улыбка приятеля застыла, а глаза распахнулись.

- Да чтобы я стал драйдером, чуть не забыл! - он порылся в своей сумке и достал оттуда пару перчаток. Он раскрыл одну, протянутую Горлисту, и сказал: - Высококачественная кожа, великолепная хватка. Они принадлежат Сливифар, - он тихо посмеялся. - Я подумал, тебе понравится носить их до тех пор, пока ты не обзаведешься перчатками из кожи дракона.

Горлист присоединился к тихому, злорадному смеху дроу и надел перчатки. Удерживая одну руку на эфесе меча Чиндры, он развязной походкой вышел на арену. Одобрительный вой толпы приветствовал его. Зал был полон.

Дымящиеся чаши окружали арену и гоблины-рабы следили за количеством угля. Горлист успел заметить Нисстира на трибуне до того, как темный дым из чаш не начал подниматься, скрывая зрителей. Так как Горлист не мог понять предназначение дымящихся чаш, их присутствие вызвало у него тревогу.

Затем ворота открылись, и дракон рысью вбежал на арену. Это был, как предсказывал Нисстир, красный дракон, значительно массивнее молодого зеленого.

Горлист бросил гневный взгляд на ворота арены.

Мурдинарк на языке жестов дроу просигналил: «Я не знал. Клянусь».

Воин усмехнулся и повернулся обратно, чтобы встретиться со своим противником. Он извлек меч Чиндры...

...который сразу вылетел из его рук.

Меч со звонким ударом приклеился к синему металлическому щиту, висящему на стене щиту.

- Ух, хорошо продумано, Мурдинарк, - спокойно произнес Горлист.

Он не ожидал, что его друг мог иметь магнитный меч, чей эфес был схожим с мечом Чиндры.

Он вытащил другой клинок из ножен, закрепленных за спиной; этой перевязью Горлист занимался сам, потому и мечу этому он доверял.

А потом яркая вспышка ударила по глазам, и его самоуверенная ухмылка превратилась в гримасу от боли.

Ужасный свет заполнил арену, подобный яркому солнцу, которое обрывало радостную резню поверхностных рейдов и заставляло темных эльфов бежать обратно в темные пещеры. Внезапно Горлист осознал, для чего предназначались чаши, расположенные по периметру арены. Толпа сидела в комфортной тени, наблюдая за битвой через фильтрующий дым, поднимающийся из заколдованных

жаровен. Ему же придется драться почти в условиях дневного солнечного освещения.

Да будет так.

Горлисту пришлось собрать всю силу и волю, чтобы вытерпеть проклятое освещение. Он не падет из-за света, боли или предательства. Слезы ручьем потекли из глаз, но он даже не сощурился. Он издал рев, отразившийся от стен пещеры.

Несколькими мгновениями позже Горлист осознал, что к нему присоединился чужой рев. Галдеж толпы перешел в тихое предвкушение. Рева дракона - даже такого детеныша с тонкой чешуей - было достаточно, чтобы вызвать благоговение даже у капризной публики.

Горлист протер ладонью слезящиеся глаза и с трудом сосредоточился. Свет играл на кроваво-алых пластинах, заставляя их сиять подобно мстительным солнцам. А монстр наступал. Он двигался как ящер, волнообразно, но было в этом движении нечто, напоминавшее, что существо было нездешним: хищная грация, обещание неожиданной атаки. Впечатление усиливали крылья, высоко растопыренные и изогнутые, в любой момент готовые к полету. Существо прошипело как кошка, демонстрируя острые как кинжал зубы.

Но следующая атака дракона не имела ничего общего с зубами или когтями. Его длинный, алый хвост, словно плеть жрицы, хлестнул в сторону Горлиста. Дроу проворно отскочил, дракон оказался быстрее. Сильный удар настиг воина в воздухе и отбросил в сторону. Горлист перекатился, чтобы смягчить падение, и быстро поднялся на ноги.

Он поднял меч и ринулся в атаку. Дракон поднял бронированную лапу, якобы принимая удар, затем сделал ловкое круговое движение, жутко похожее на прием, используемый фехтовальщиками для того, чтобы обезоружить противника – при условии, что оппонент слишком нетвердо держал оружие в руке.

К удивлению Горлиста эта тактика сработала. Его меч вылетел из рук. Когда дроу нырнул, уворачиваясь от следующего удара драконьей лапы, он быстро провел перчаткой по своей щеке. Кожа была щедро обмазана маслом. В таких перчатках он никогда бы не смог надолго удержать меч в руках.

Он отскочил назад, стаскивая перчатки, внутри него все кипело от предательства и задетой гордости. Дракон знал слабости Горлиста. Ведь монстр обезоружил его – трюк, который еще ни один дроу не сумел провести против Горлиста.

Дракон наступал. Горлист сорвал щит со стены и защитился им от надвигающегося удара, но коготь без проблем пробил толстую кожу. Горлист в ответ ударил щитом по морде дракона - и лишившийся зубов монстр, выплюнул их на арену.

Взревев от боли и яростного гнева, дракон пришел в бешенство и встал на задние лапы. Алые нагрудные пластины сдвинулись, когда монстр втянул воздух, готовясь воспользоваться своим смертоносным дыханием. Уверенный в магии отца, Горлист швырнул маленький хрустальный бутылёк в открытую пасть.

Дракон выдохнул, испуская клубы дыма. Из пасти монстра вышел не дым затушенного пламени, но облако отвратительно пахнущего газа.

Горлист зашатался: его мучила тошнота и удушье. Слезающимися от света глазами он успел различить огромную, алую массу, приближавшуюся к нему. Воин потянулся за кинжалом, но нашел, что тот был крепко-накрепко привязан к ножнам.

Тихо проклиная новое вероломство, Горлист откатился в сторону, успевая схватить окровавленный зуб. Не теряя ни мгновенья, воин резанул кожаный ремень, выхватил кинжал. Он вслепую сделал резкий выпад, когда огромная туша обрушилась на него, унося его во мрак.

Горлист проснулся в странной тишине, прерываемой пронзительным звоном в ушах. Он тряхнул головой, чтобы избавиться от звона и тут же пожалел об этом. Тошнота подкатила к горлу. Сильные руки помогли воину сесть и поддержали его, пока он чувствовал тяжелое недомогание.

Когда тошнота прошла, Горлист осознал, что он до сих пор находится на арене. Зрительские места опустели. Дракон лежал мертвым, и рукоять длинного кинжала торчала меж двух грудных пластин. Лицо Горлиста пронзила жгучая боль, и он заметил, что весь залит кровью.

- Чья это кровь? – пробормотал он, указывая на красные пятна. Перед ним показалось знакомое лицо: узкое, лисье и обрамленное густыми волосами цвета меди.

- Не твоя и не дракона, - ответил Нисстир.

- Чья же тогда?

- Если встанешь, я покажу тебе.

Горлист кивнул и позволил Нисстиру поднять себя на ноги. Оцепенение вскоре прошло, и он с облегчением заметил, что не имеет серьезных ран. При помощи Нисстира он подошел к громадному труп.

- Посмотри на нагрудник, – указал маг.

Горлист посмотрел: чешуя была покрыта алыми пятнами, а под этим ярким цветом проглядывался совершенно другой.

- На самом деле это был зеленый дракон, перекрашенный так, что в ярком солнечном свете казался красным, - сказал Нисстир с явной досадой. - Я не верил, что Сливифар перехитрит меня.

- Значит, порошок, который должен был погасить пламя красного дракона, никак не повлиял на клубы газа?

- Эффект был небольшим, к счастью. Иначе ты бы был уже мертв. Я полагаю, тебе помог магический дым, который не позволял ядовитым испарениям просочиться за границы арены и защищал толпу. А Сливифар умна... - Нисстир заключил подавленно. – Свет одновременно исполнял три роли: помехи для тебя, маскировки истинной сущности дракона и обманчивого объяснения фильтру яда.

Горлист кивнул, устало воспринимая новость.

- Мое лицо. – вымолвил он, прикасаясь к пылающей от боли щеке.

- Боль пройдет, – заверил его Нисстир, - но вот шрам останется. Я позволил себе вольность подарить тебе волшебную татуировку, которая будет светиться разными цветами — невидимая для всех глаз, кроме дроуских — которые будут отвечать цвету любого дракона поблизости.

- Татуировка? - повторил Горлист, находя эту идею страшно привлекательной. Иметь шрамы было недопустимо, но магическая татуировка, отмечавшая его как убийцу драконов? Ее он мог бы носить с гордостью.

- Пусть это будет напоминанием для нас обоих. Драконы – коварные чудовища, но их сущность можно узнать и их действия легко предопределить. Однако эта истина не распространяется на наших самых опасных врагов – самих дроу. Нам теперь опасно оставаться в Чед Насаде.

Горлист ответил саркастичным смешком.

Его отец резко отмахнулся от сарказма и сказал:

- Я без клана, что делает меня легкой добычей для любого. Как только ты покинешь стены этой арены, ты оставишь за собой защиту, которой располагают успешные гладиаторы. Но не думай, что гнев Сливифар не будет тебя преследовать.

- Но куда мы направимся? В дикое Подземье?

- В огромный мир, - ответил Нисстир. - Там есть другие мужчины вроде нас, другие места, которые мы сможем посетить и другие боги, которым мы можем поклоняться.

Последние богохульные слова поразили Горлиста, словно удар под дых, но мысли о новых возможностях его опьяняли. Он еще стоял в безмолвном молчании, когда к нему подошел Мурдинак с поднятыми руками в знак примирения или капитуляции. Незаметно Горлист собрал горстку драконьих зубов и положил среди них пузырек с ядом. Сжав руку в кулак, он разбил пузырек и пропитал резцы ядом.

- Горлист, клянусь, что не знал об этом. Сливифар...

Горлист резко вскочил на ноги, врезался в Мурдинака и, протаскивая его несколько шагов, припечатал к стене арены. Горлист надавил локтем на горло предателя, едва позволяя тому дышать. Свободной рукой он воткнул драконий зуб в плечо Мурдинака.

- Это за меч из магнитного металла.

Он пронзил зубом ноздрю Мурдинака.

- Это за удар хвостом.

Другой зуб пришелся в живот дроу.

- А это за тайком привязанный кинжал.

У Горлиста оставалось еще несколько обид и достаточно драконьих зубов, чтобы подробно и выразительно их перечислить. Когда остался последний зуб, он поднял его к лицу Мурдинака, готовясь всадить его тому в глаз.

После коротких раздумий, он отпустил тяжело дышащего воина и отбросил зуб в сторону.

- Каждый дроу имеет тайное оружие, - сказал он тихо, - и ты был оружием Сливифар. Ни один воин не переплавляет меч только потому, что он был использован против него. Пойди к Сливифар и скажи ей, что я вернусь на арену через десять дней. Я вызываю ее на бой и я убью ее, как некогда убил Чиндру.

Он бросил беглый взгляд на Нисстира, который едва заметно кивнул ему в знак одобрения. Каждый дроу имеет тайное оружие. Горлист использует оружие Сливифар против нее самой. Он презрительно пнул отравленного ядом дроу в последний раз и пошел за своим отцом подальше от арены, подальше от Чед Насада.

И он ни разу не оглянулся.

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ТАЙН

Эд Гринвуд

Год Плачущей Луны (1339 ЛД)

Шел канун Пира Штормов, и, как того пожелали боги, этот вечер удался теплым и ветреным в переполненном и вонючем Глубоководье, с таким нетерпеливым восходящим ветром, который означал приближение дождя.

Смех и оживленная болтовня разносились далеко по прохладному воздуху, и людей на улицах было много. Однако совсем немного этого беспокойного ветра проникало за потемневшие от дыма гобелены, скрывавшие внутренние кабинки «Дельфинтиды Дарта» – крошечной рыбной лавки на углу южной стороны Сторожевой аллеи – и проникало в самые темные и глубокие ее уголки.

В самой задней кабинке сидел толстяк по имени ростовщик Мирт, которого большинство жителей Глубоководья не очень-то жаловала. На одном пальце показывала пробудившаяся сила кольца железной защиты.

Нож в ребрах был слишком очевидной опасностью, если не потратить магию, а сам Дарт был одним из тех, кто задолжал ему монету, и не проронил бы ни слезинки, если бы с Миртом что-нибудь случилось в темном углу Дельфинтиды.

Бусины занавесок слегка затрепетали, и Мирт сжал указательным пальцем курок взведенного и заряженного арбалета, лежавшего наготове у него на коленях под столом.

– Если убьешь меня сейчас, – раздался гнусавый голос из темноты за занавеской, – то получишь гораздо меньше, чем я должен. Гораздо, гораздо меньше.

– Зато я избавлю себя от ожидания в подобных местах, Йелвер, – прорычал Мирт. – Ты опоздал, как обычно.

– Так приходи сам попозже и избавь себя от ожидания, – прошипел Йелвер Тораунт, проскальзывая за занавески, словно настороженная змея в беспокойной спешке. – Боюсь, в эту ночь, когда боги улыбаются, у меня нет для тебя приветственных слов.

– Ты не можешь отдать свой долг сейчас, – сказал Мирт, его слова были скорее осуждением, чем вопросом. – Как всегда.

Йелвер Тораунт пожал плечами и сказал:

– Сейчас я не могу найти монеты даже на сырого угря, чтобы поесть. Комнаты, вещи – все пропало. Йелвер действительно пытается наскрести причитающиеся ему монеты, чтобы было, что передать тебе. Времена тяжелые.

Толстый ростовщик нахмурился:

– Так все говорят, громко и часто, но, тем не менее все мои бывшие деловые партнеры отдавали хотя бы немного монет, когда приходило время. Твоя медлительность обойдется тебе в дополнительные четыре дракона – а не только одной блестящей монеты!

– Думаю, вполне справедливо, – ответил Йелвер, пожав плечами. – Подписать кровью?

Мирт отвел видимую руку в сторону, чтобы показать ожидающий пергамент, и протянул его вперед двумя толстыми и волосатыми пальцами. Отцепив лампу всего на одно деление, он осветил небольшую дугу стола, на которой лежали пергамент и игольчатый нож, слишком короткий, чтобы быть оружием.

Йелвер взял нож, не сводя с ростовщика глаз, медленно и осторожно провел кончиком указательного пальца и вписал сумму дополнительного долга, добавив свою подпись. Затем он положил лезвие с той же преувеличенной осторожностью и отступил на шаг назад.

– Что дальше?

– Итак, – сказал Мирт, – через десять дней, вечером, мы встретимся у Зияющего Портала, где ты отдашь что-нибудь в качестве оплаты, или я начну конфисковывать товары, о которых ты забыл упомянуть – с чердака на улице Шлюх, из подвала Моро на Рыбной улице и из твоих о-о-очень секретных тайников в Морском округе.

Йелвер проглотил мрачный призрак улыбки ростовщика и пробормотал:

– Да. Я сделаю это. По крайней мере, несколько монет.

– А если нет? Что если, скажем, завтра к заходу солнца в городе не останется ни единого твоего волоска?

– Тогда тебе будет мало пользы от того, что будешь искать мои кости, – ответил Йелвер. – Ищи то, что я оставил у Хранительницы Тайн.

И он вихрем умчался прочь и исчез в звоне бус, прежде чем Мирт успел спросить что-нибудь еще.

Пир Штормов ознаменовался тремя яростными, быстро движущимися облаками, которые пронесли над городом почти до самого солнца, оставив после себя жаркий, влажный вечер, по краям которого раздавались зловещие раскаты далекого грома.

Мирт Ростовщик зарычал в унисон с ними, когда возник из темноты, хорошо смазанная задняя дверь Зияющего Портала дико раскачивалась после него. Он проигнорировал неодобрительный взгляд одной из поварих, одетой в потный плащ, прошел мимо, даже не взглянув на нее и оставив настороженно смотреть ему в спину и гадать, о какой беде он принес весть.

На самом деле, мрачное настроение Мирта было вызвано не более чем неудачным торговым днем. Двое должников расплатились досрочно, еще двое бесследно исчезли, а четверо показывали ему пустые руки и заявляли о бедности, не имея при этом никаких навыков, которые Мирт мог бы нанять, чтобы вернуть свои монеты.

Сезон или около того назад, в Отряде Волков, быстрые удары мечом могли бы принести таким ухмыляющимся бездельникам достойное вознаграждение... но так как он больше не был Миртом Безжалостным, повелителем наемных мечей – бывшими лучшими дисциплинированными клинками, чем самые великие королевские гвардейцы, которых он когда-либо видел – то он больше не выдавал достойных наград, которые имели высокую цену. Таких как, его собственная шея.

Нет, надо было просто выпить и тихо разгромить Дурнана на доске «Уланы и львы», попутно изрекая яд на всех бездельников, идиотов и малоприятных богов.

Он ждал под светом ламп на одном конце гладко отполированного бара, все фигуры были расставлены на доске «Уланы и львы», за ней стояла собственная помятая кружка Дурнана, но – Мирт моргнул – его старый друг был в другом конце комнаты, мрачно поднимая со стула обмякшее, истекающее кровью тело. Кровь капала со свисающих пальцев, когда безжизненное тело человека подхватила одна из каменных рук Дурнана. На мгновение Мирту предстала свесившаяся голова: голова Йелвера.

– Желчь Суны! – прорычал Мирт. – Дур, как...?

– Дротик в горле, – сказал Дурнан. – Ручной лук, а убийца сидел напротив него. Юная эльфийка, судя по тому, что я мельком увидел ухо из-под капюшона плаща, когда она улепетывала. – Он махнул свободной рукой в сторону комнаты. – Тарл попытался преградить ей путь, но она прошептала магию, и плащ поглотил ее, прежде чем он успел дотянуться до нее рукой или клинком.

К тому времени трактирщик добрался до места назначения, и его рука опустилась на кольцо слишком знакомого люка, пробуждая свечение заклинания, которое позволяло открывать его только ему.

Мирт рванулся вперед, шипя:

– Эй-эй! Не так быстро! Я могу прочитать его воспоминания.

Трактирщик покачал головой и ткнул указательным пальцем на что-то блестящее, что начало выползать из левой ноздри Йелвера, его черный и слизистый конец непристойно извивался в воздухе, как штопор, ищущий бутылку.

– Видишь? – сказал трактирщик. – Кто-то, занимавшийся с добрым Торантом делами потемнее твоих, заставил его проглотить мозгового червя.

Черный и блестящий червь выскользнул из носа Йелвера, распухший от поедания человеческого мозга.

– Семнадцать драконов, – с отвращением прорычал Мирт, свирепо глядя на него. – Ушли навсегда. – Он отвернулся, чтобы стукнуть волосатым кулаком по удобному столу, но что-то вспомнил и повернулся обратно к Дурнану, который спокойно спускал труп по желобу в невидимые глубины вниз.

– Ты когда-нибудь слышал о Хранительнице Тайн? – спросил Мирт.

Пока Дурнан смотрел на своего друга, удивленно приподняв бровь, мертвые конечности Йелвера Торанта издевательски стучали и бились о каменные стены далеко внизу. Нечто, изводившееся слюнями, ожидало их прибытия. После окончательного, мясистого приземления, быстро, но шумно Дурнан закончил с подношением.

Кто-то, сидевший за соседним столиком, поморщился от скрежещущих звуков и отвернулся.

– Боги Бездны, – пробормотал моряк, – после такого мне нужно больше огня в животе! Хранитель!

– Хозяина зовут Дурнан, – прорычал человек, сидевший напротив него. – И приказы здесь не выкрикивают. Дважды.

Ответом моряка была насмешка, но Дурнан уже шагнул по полу, точно рысущий воин. Мерцание свечных колес над головой отблескивало на широких металлических наручах, которые он носил на предплечьях, и на рукоятях трех готовых кинжалов, вложенных в каждый из них.

– Что будешь пить, жаждущий гость? – спокойно спросил он. – Еще одну кружку «Черного паруса»? Или чего-нибудь погорячее?

– Э-э-э, я буду пить «Парус», – немного угрюмо сказал моряк.

– Крепкий напиток, это точно, – согласился Дурнан, с улыбкой отступая назад.

подававшаяся, шагнув вперед, чтобы поставить перед мужчиной сверкающую от конденсата кружку и полумесяц приправленного семенами сыра, была одета только в улыбку, роскошную гриву поразительно синих волос, мешковатые бриджи и причудливый клубок темных татуировок, которые смущали любой взгляд.

Моряк моргнул от ее красоты и пробормотал:

– У меня нет денег на этот сыр. Забери его...

– Нет, нет, – сказала татуированная женщина хриплым, прокуренным, удивительно глубоким голосом, поглаживая его по руке, как голодная шлюха. – Это бесплатно – блюдо моего приготовления и комплиментов Дурнана. Нам нравится хорошо относиться к друзьям, повелитель волн.

Моряк окинул ее быстрым, жестким взглядом, ища в нем признаки насмешки, но не нашел. С довольно застенчивым ворчанием он поднял сыр в знак благодарности, наткнулся на полуулыбку Дурнана и попытался скрыться за кружкой.

Спустя глоток-другой-третий он отставил напиток и остатки сыра, чтобы перевести дух, он выглядел почти удивленным тем, что все еще не отравлен, не обманут горькой солью и прочими примесями.

К тому времени Дурнан поставил перед Миртом еще одну большую кружку, выдвинул своего первого улана на крепостную площадь и сказал:

– Я слышал о Хранительнице Тайн, Мирт. Говорят, это женщина, которая работает с отчаявшимися. Ее магазин находится в Северном округе.

– Северный округ? Скупщица? Ломбард? И почему я никогда о ней не слышал?

Дурнан пожал плечами и сказал:

– Видимо, ты еще не отчаялся.

Мирт фыркнул.

– В этом городе ни одна мышь не пискнет и ни один горшок не разобьется так, чтобы я не услышал – за исключением шепотков внутри гильдий и того, что происходит за стенами башен знати. Ты знаешь это, Дур.

Трактирщик пожал плечами, его взгляд метался по залу.

– Полагаю, она не так давно в бизнесе, – сказал он.

Мирт передвинул льва, и пальцы Дурнана открыли люк на следующей клетке, открыв ухмыляющийся череп, означавший, что он вводит в игру своего лица и

обрекает на гибель фигуру Мирта – при этом хозяин Зияющего портала ни разу не взглянул на доску.

– Она занимается своим ремеслом в темных комнатах на крыше пустующей мастерской на северной стороне улицы Саммарина, – добавил он тихо. – Комнаты заперты на железные решетчатые ворота, которые никогда не освещаются, так что ни один глаз никогда ее не видел. Соседи слышат ее пение в разное время – навязчивые мелодии и незнакомые языки, но прекрасный голос.

– Беспечные танцующие хобгоблины, – сказал Мирт, ни капли не веря в это. Он отодвинул улана подальше от явной опасности лича Дурнана. – Не могу поверить, что я никогда не слышал о ней...

– В конце концов, глухота приходит ко всем нам, – пробормотал Дурнан, двигая своего лича вперед, чтобы схватить льва и обречь на гибель принцессу трона Мирта.

Ростовщик посмотрел на свое неминуемое поражение и тяжело вздохнул.

– Я уступаю. Еще одна игра?

Трактирщик улыбнулся и снял плащ, сделав знак Луранле, чтобы она приняла бар. Татуированная девушка с улыбкой помахала ему рукой и подмигнула, а затем повернулась, чтобы осмотреть комнату, как это делал Дурнан.

Мирт пристально посмотрел на своего друга и спросил:

– Неужели я так плохо играю?

– Этой ночью – да. Но так как мы друзья, я согласился.

Ростовщик моргнул.

– Поискать другую твою игру, – ответил Дурнан, снимая с колышка на стене увесистый перевязанный боевой клинок, перекидывая его через плечо и расстегивая пряжки. – И навестить эту Хранительницу Тайн.

– Ваше дело, господа?

Негромкий голос, казалось, доносился слева от них. Из переговорной трубы.

Дурнан посмотрел на Мирта и сделал жест «твоя речь», которую, как они оба договорились, он произнесет. Слова никогда не были его излюбленным оружием.

Все еще тяжело дыша после подъема по темной лестнице, Мирт сказал:

– Тайны. Йелвер Тораунт велел нам искать их здесь.

– Какие секреты ты хочешь оставить мне? Разве Йелвер не предупреждал о моих расценках?

– Нет, он об этом не говорил, и, будучи добропорядочными торговцами Глубоководья, леди, у нас нет секретов, – пошутил Мирт, напуская на себя вид преувеличенной невинности.

В ответ она ожидаемо фыркнула.

– Леди, – добавил он, – мы пришли сюда по его велению, чтобы узнать, какие секреты Йелвер оставил у вас.

– И где же Йелвер, чтобы дать мне разрешение открыть вам что-либо?

– Мертв, – ответил Мирт. – Съеден.

– Ты, конечно, можешь это доказать?

Мирт посмотрел на Дурнана, на лице которого появилась слабая улыбка, и поднял руку.

– Леди, – ответил трактирщик, – я хранитель Зияющего Портала, по имени Дурнан. Йелвер был определенно мертв – убит – когда я спустил его в шахту, туда, где внизу скрываются чудовища.

– Интересно, – заметил голос.

Мирт подождал, но невидимая женщина больше ничего не сказала. Он вздохнул и махнул Дурнану, чтобы тот полностью отцепил фонарь.

– Леди, – сказал он, – Йелвер был моим деловым партнером...

– Я знаю многое, ростовщик Мирт, и даже больше – каждую деталь ваших совместных сделок, на самом деле. Теперь ты кое-что знаешь: я храню секреты, а не предаю их. Даже секреты мертвых. Особенно секреты мертвых.

В свете лампы двое мужчин увидели вертикальный ряд одинаковых маленьких круглых отверстий – одно из них, должно быть, служило переговорной трубой – в каменной стене перед ними. Прочные, окованные цепями и запертые на железные засовы ворота преграждали путь к закрытым каменным дверям слева и справа от них. Площадка, на которой они стояли, не вела никуда, кроме как обратно вниз к крутой лестнице, по которой они поднялись, к входной двери внизу.

– Хранительница Тайн, – попросил Дурнан, – давайте пойдем друг друга. Есть ли какой-нибудь способ узнать, что Йелвер велел нам искать здесь? Может быть, заплатив определенную плату?

– Нет, господин Дурнан. Мне не нужны взятки, и если, как вы говорите, Йелвер Тораунт мертв, я отныне не могу доверять никому, кто выдает себя за него или имеет письмо якобы от него. Если, конечно, вы оба не лжете мне сейчас – что делает вас обоих ненадежными в моих глазах, и поэтому вам ни при каких обстоятельствах нельзя выдавать секреты Йелвера.

– Значит, мы никак не сможем узнать секрет Йелвера? – прорычал Мирт.

– Нет, – негромко сказал голос со стены. – Доброго вечера вам, добрые господа.

– Похоже, мы перешли от «добропорядочных» к просто «хорошим», – заметил вслух Дурнан, махнув Мирту в сторону лестницы.

– Очевидно, такова цена, которую платят за то, чтобы стать мудрее, – согласился Мирт. – Прощай, Хранительница Тайн.

– Прощай, – ответил спокойный голос.

Двое мужчин обменялись взглядами, пожали плечами и улыбнулись.

Мирт поставил сапог на самую верхнюю ступеньку и неожиданно спросил:

– Зачем эта темнота? И все эти решетки?

– Мне нравится темнота, – последовал ответ, спокойный, как всегда.

Дурнан махнул рукой Мирту, чтобы тот шел, и снова зажег фонарь. Они тихо спустились по лестнице.

– Может, Йелвер просто хотел в последний раз посмеяться надо мной, – размышлял Мирт вслух, когда они пересекли заваленный рыбьими потрохами переулок, по которому бесстрашно сновали крысы, и направились к Гадючьему переулку. – Зачем ты завел нас так далеко на юг? Портал – хорошее место...

– Чтобы проверить, не следят ли за нами все те люди, что прогуливаются там, сзади, – пробормотал Дурнан.

Мирт напрягся, но сумел не обернуться.

– И...? – спросил он.

– Так и есть, – ответил Дурнан. – Дюжина, и один может быть магом.

– Бдительный Орден?

– Я бы сказал гораздо менее официально. Давай заглянем в подвал Ролдро.

Трактирщик прошел вперед, постучал пальцем по особой панели, вделанной в осыпающуюся стену, и пропел короткую музыкальную фразу без слов. Гораздо меньшая панель неподалеку отворилась в сторону, и кто-то произнес из-за нее нечленораздельное ворчание.

– Вспышки, – пробормотал в ответ Дурнан, и в ответ раздался щелчок сдвигаемого засова.

Дверь, расположенная в нескольких шагах вдоль стены, больше походила на ряд досок, прибитых над заброшенным люком, чем на пригодный для использования вход. Но трактирщик распахнул ее, как только дошел до нее, и скрылся в ней, словно ныряющий морской ястреб. Мирт фыркнул и бросился следом, захлопнув дверь незадолго до внезапного крика и стука сапог по камням.

– Из подвала в подвал и так далее, – сказал Дурнан своему другу через несколько комнат и напугал маленьких детей Ролдро, когда они спускались по сырым ступеням в комнату, где воняло гниющим мусором и плесенью. – Чтобы попасть в Портал.

Мирт немного устало кивнул и сказал:

– Да, где они знают, где нас искать.

Что-то шевельнулось у него в голове, и он со стоном привалился к стене подвала Мурктара Ролдро.

– Магия? – рявкнул Дурнан, успокаивающе положив руку на плечо Мирта.

Ростовщик кивнул и неопределенно махнул рукой, пораженный потоком воспоминаний – лиц, мест, имен, сумм долгов и сроков их погашения и...

Вторжение прошло так же быстро, как и началось.

– Кто-то... в моем сознании, – прохрипел он, хватаясь за твердую, как камень, руку Дурнана. – Тот маг, что преследует нас.

Трактирщик кивнул и спросил:

– Ищет воспоминания о Йелвере?

– Да. Нашел все – боги, у меня до сих пор голова идет кругом – и Йелвера, да и наш разговор с Хранительницей. Интересно, во что впутался Йелвер?

Дурнан уже промчался мимо него.

– Оставайся здесь, – сказал он. – Сейчас вернусь.

Мирт прислонился к стене, прислушиваясь, как сапоги его друга взбегают по лестнице и более медленно спускаются обратно. На лице хранителя Зияющего Портала появилась одна из его мрачных улыбок.

– Все они, конечно же, мчатся на восток.

– К Хранительнице Тайн, – хмыкнул Мирт. – Зная, что она ничего нам не сказала, мы теперь ничто, но она по-прежнему опасна. – Он хлопнул ладонью по эфесу меча, глубоко вздохнул и сам начал подниматься по лестнице. – Итак, возвращаемся на улицу Саммарина.

– Намного быстрее тебя, – весело ответил Дурнан, проскакивая мимо.

– Да, – согласился Мирт. – Ты всегда впереди.

Вспышка и дрожь булыжников раздались под ногами, когда они были на расстоянии одной улицы от лавки Смотрителя.

Из высоких домов и магазинов вокруг доносились слабые звуки испуганных криков, проклятий и грохота падающих и разбивающихся вещей. Дурнан перешел на рысь, которая позволяла Мирту не отставать от него, и помчался вперед.

Почти сразу же он вернулся с кратким объяснением:

– Два патруля Дозора.

– Крыши, – ответил Мирт, махнув рукой в сторону далекого высокого дома с резными водосточными трубами в виде дельфинов.

Дурнан сверкнул улыбкой, но она исчезла с его лица, когда он оглянулся назад.

– Приближается еще один Дозор, – сказал трактирщик.

Мирт пожал плечами и ответил:

– Итак, мы невиновны, посуди сам. Невиновны.

– Ни один невиновный человек не полезет по водосточным трубам посреди ночи.

– Невиновные инспекторы водосточных труб так делают, – прорычал Мирт.

Когда Дурнан закатил глаза, ростовщик запротестовал:

– У меня есть дворцовый значок, и я знаю, на какие имена ссылаться. Я...

Верхний этаж здания, которое они посетили незадолго до этого, с грохотом разорвался на куски, разлетевшись камнями, черепицей и разорванными телами людей.

Голова и то, что выглядело как колено, отскочили и влажно шлепнулись на булыжники неподалеку. Дурнан оставил попытки выглядеть невиновным и вцепился когтями в Мирта.

– Ложись, – прошипел он, – и прикинься ошеломленным.

Оглядевшись по сторонам в суматохе бегущих дозорных и все еще катящихся осколков камней, Мирт подчинился.

Они прижались друг к другу у стены того, что выглядело как магазин игрушек, когда мимо пробежали кричащие люди в форме, светя фонарями.

– Йелвер удивляет меня все больше и больше, – пробормотал толстый ростовщик, – но теперь мы никогда не узнаем его секретов. Никто не мог...

Рядом раздался скрип – открылась «дверь нижнего этажа». Дурнан посмотрел вниз по узкому пролету каменной лестницы, мимо обычного нагромождения дождевых бочек и выброшенного мусора, в один из многочисленных подвалов, характерных для этой части Северного округа. После взрывов кто-то мог выйти оттуда из любопытства, или желая убежать, или чтобы поразмахивать клинком, и, достаточно обезумев от страха, использовать его против кого угодно.

Мирт поспешно подтянул сапоги, чтобы дать возможность одинокой фигуре в плаще и капюшоне подняться по ступеням, демонстрируя голые, пустые руки, цепляющиеся за ее – да, ее – плащ, чтобы скрыть черты.

Она остановилась, посмотрела на двух мужчин и сказала:

– Отойдите, пожалуйста, и дайте мне пройти.

Это был тот самый спокойный голос, с которым они обменивались словами в темноте.

– Конечно, – пропищал Мирт, стараясь, чтобы его голос не был похож на его собственный.

И он, и Дурнан отступили назад, подняв пустые руки в знак того, что не желают причинить вред. Но когда женщина достигла верхней ступеньки, Дурнан повернулся к ней лицом, привлекая ее внимание. Мирт откинул капюшон.

На ее лице появилась язвительная улыбка. Под изумрудно-зеленым плащом скрывалась довольно некрасивая, грузная женщина в помятом платье. У нее были очень большие, темные, притягивающие взгляд глаза. Вокруг их темного огненного взгляда едва можно было заметить пухлые щеки, бледную кожу и непокорные каштановые волосы.

– Рад встрече, леди, – сказал Дурнан. – Какова цена ваших секретов теперь?

– *Бенсвельк мицрик дарастрикс лозкс?*

Шипение было быстрым и сердитым.

– Хранительница? – прогрохотал более глубокий и спокойный голос.

– Нет, нет, она жива. Если бы она умерла, твой кристалл лопнул бы. – Рука махнула в сторону светящегося стеклянного шара на полпути через пещеру. – А тебе, Ораут, и впрямь следует придерживаться Общего языка. Даже в Глубоководье драконий язык привлекает внимание.

– *Малвал ом аирт!*

– Конечно, твой гнев велик. Как и мой. Потерять ее было бы ужасным ударом, но истинный удар будет, если люди узнают, чем она занимается – а через нее и о нас. Вот почему я слежу за кристаллом. Любой, кто схватит ее, нападет или бросит в нее магию, должен умереть.

– Тронешь меня, – сказала женщина, – и я закричу, чтобы позвать Дозор.

Пока она говорила, мимо пробежали другие офицеры Дозора, среди которых находились несколько магов из Ордена стражей.

– Вы ошибаетесь в нашей природе, леди, – запротестовал Мирт.

– Нет, не ошибается, – возразил Дурнан, прежде чем Хранительница успела ответить.

Какое бы слово она ни начала произносить, оно растворилось в быстром, коротком смехе.

Она вырвала свой плащ из пальцев Мирта, посмотрела им обоим прямо в глаза и спросила:

– Чего вы хотите?

Мирт моргнул и ответил:

– Узнать твоё имя, и кто были те люди, и что ты с ними сделала, и как, и... и... и...

– Секреты Йелвера, – спокойно закончила она, покачав головой.

– Хорошо сказано, леди, – вежливо согласился Дурнан и погрузился в выжидательное молчание.

Когда оно затянулось, они стояли втроем, глядя друг на друга, а улица вокруг заполнялась глазающими на них жителями Глубоководья.

– Очень хорошо, – наконец сказала женщина. – Вы можете звать меня Таунаморла.

– И? – вежливо спросил Дурнан.

– Я по-прежнему, – с улыбкой ответила Таунаморла, – Хранительница тайн.

– Твое настоящее имя – одно из них?

Улыбка Таунаморлы стала еще шире.

– Конечно, – ответила она. – Итак, вы оба не идиоты, и поэтому я полагаю, вы догадываетесь, насколько опасными будут дальнейшие расспросы.

Дурнан коснулся руки Мирта, и толстый ростовщик коротко кивнул. Он уже заметил высокого человека в плаще, направлявшегося к ним среди собирающейся толпы зевак, которые глазели на кричащих дозорных и дымящиеся, все еще осыпающиеся камнями развалины магазина. По предупреждению Дурнана, он увидел еще двух мужчин с холодными глазами, с непокрытыми головами, но в полных доспехах, приближавшихся с той стороны, куда смотрел трактирщик.

– У тебя есть друзья, – спокойно заметил Дурнан.

– Я храню секреты, – ответил Таунаморла. – Уходите немедленно и сохраните свои жизни.

Мирт поклонился ей и пошел прочь по улице, оставив лишь комментарий:

– Мы еще встретимся, Хранительница Тайн.

Ее ответ был таким же спокойным, как всегда:

– Конечно.

Они были уже на полпути к Порталу, когда позади них в ночное небо с ревом взметнулся огонь, от которого Мирт пошатнулся.

– Продолжай идти, – сказал Дурнан. – Что бы ни произошло, я уверен, что Хранительница Тайн замешана в этом – и что нам лучше осушить кружки над нашими уланами и поразмыслить над тем, что она из себя представляет. Помимо мощного заклинателя, то есть.

– Мощного заклинателя с врагами, – ответил Мирт, и они вместе поспешили дальше.

Последовал еще один, более мощный взрыв, затем далекие крики, треск осколков и что-то похожее на что-то очень большое – рвануло, ревя от боли, внезапно закончившись еще одним взрывом.

Мирт оглянулся, но не увидел ничего, кроме множества искр и пепла, высоко над крышами Глубоководья. Затем затрубили рога Дозора – сигнал тревоги, который должен был вызвать гвардию магов и...

– Портал, – напомнил Дурнан своему другу.

Мирт сделал еще два шага по дороге к постоялому двору, прежде чем воздух перед ними замерцал, и Хранительница Тайн внезапно оказалась перед ними, ее глаза сверкали от гнева.

– Господа, я обнаружила, что нуждаюсь в вас, – сказала она.

– Мы? Порядочные торговцы Глубоководья? – хмыкнул Мирт.

Таунаморла тонко улыбнулась и сказала:

– Действительно. Честные торговцы города – именно то, в чем я сейчас нуждаюсь.

– Как так?

– Твое слово будет принято Дозором, и я могу заключить с вами сделку.

– Ты хочешь, чтобы мы о чем-то солгали, – заметил Дурнан. – О чем, и за какое вознаграждение?

– Благодарю за поспешность, – торопливо сказала Хранительница Тайн, одарив его улыбкой, которая могла бы согреть сердца большинства мужчин. – Я выдам вам все секреты Йелвера за несколько слов ложных показаний.

– Говори, – хмыкнул Мирт. – Каких показаний?

– Чтобы защитить свою жизнь, мой друг был вынужден обменяться заклинаниями с несколькими магами из Дозора. Погибли люди – много людей, среди которых маги и офицеры Дозора – и мне нужно, чтобы вы поклялись, что этот мой друг был с вами, поскольку вы покидали мой кабинет ранее этой ночью.

Дурнан недоверчиво приподнял бровь и ответил:

– Наше слово против многих из Дозора? Леди, вы переоцениваете нашу репутацию. Если они знают, что видели его, протесты трактирщика и ростовщика не помогут...

– Сражаясь с Дозором, мой друг носил магическую маскировку. Он выглядел как дракон, а не как он сам.

Дурнан бросил быстрый, вопросительный взгляд на Мирта, который посмотрел прямо на Таунаморлу и покачал головой.

– Нет, – хмыкнул Мирт. – Секреты Йелвера стоили мне семнадцать драконов – если бы они привели к возвращению всех моих одолженных монет. Знание того, кто и что ты есть на самом деле – только ради душевного спокойствия – может стоить гораздо больше, в ближайшие годы. Такова моя цена. Полные и честные ответы на эти вопросы: Что вы за существо, леди? Когда вы прибыли в Глубоководье и почему? Ответы, которые стоят секретов червей вроде Йелвера, имейте в виду.

– Знаешь ли ты, о чем спрашиваешь? – спросила Хранительница Тайн.

– Да, леди, думаю, я знаю.

Позади них мерцали факелы, и раздавались крики. Дозорные закричали и поспешили следом. Женщина в зеленом плаще посмотрела поверх плеч Мирта и Дурнана, ее рот сжался в тонкую линию.

– У меня нет времени, – отрезала она. – Я, Таунаморла, согласна на эту сделку. Согласен ли ты, Дурнан из Глубоководья? А ты, Мирт из Глубоководья?

– Леди, я согласен, – сказал Дурнан. – Кровью и последней монетой я связываю себя.

– Леди, да, – повторил Мирт, тяжело реагируя на слова своего друга. – Кровью и последней монетой я связываю себя. – И добавил менее формально. – Хотя нам не помешало бы знать имя твоего друга.

– Рауморт, так его зовут, – быстро сказала Хранительница Тайн, когда Дозор обрушился на них грохотом бегущих сапог, звоном клинков и гневными криками. – Я принимаю ваши узы.

– А где Рауморт? – настойчиво спросил Дурнан.

– Прямо за тобой, – прошипела Таунаморла.

Друзья обернулись – чтобы встретить холодную улыбку человека, которого они уже видели раньше: высокого человека в плаще, который шел к ним, когда они расспрашивали Хранительницу у развалин ее магазина. Его руки были подняты – как будто он был готов сбить Мирта и Дурнана с ног. Неподалеку от него бежала стая закованных в броню людей – великое сборище Дозора.

– Я маг из Тетира. – Голос Рауморта был глубоким и богатым. – Ты не очень хорошо меня знаешь, но ты подружился со мной – торговцем и странствующим инвестором, который посещает Глубоководье раз в сезон или около того, на протяжении многих лет.

– Конечно, – согласился Дурнан, улыбнулся мужчине и небрежно прошел мимо него, так что меч ближайшего дозорного больше не имел свободного пути к спине Рауморта.

– Дорогу! Дорогу! Отойди в сторону, парень! – прокричал наступающий дозорный.

Мирт и Рауморт подмигнули друг другу и послушно отступили назад, Дурнан вместе с ними, трое мужчин расступились, как сорванные ветром листья, оставив Дозору свободный путь для атаки на... Хранительницу Тайн.

Которая внезапно стала выглядеть растерянной и сбитой с толку, и она пискнула:

– О! Дозор! Дозор!

– Стоять! Стоять всем, молча! Опустить все оружие! – скомандовал более глубокий, величественный голос.

– Мои руки не опускаются, – невинно объяснил Мирт, – но я стою.

К тому времени Дозор окружил всех четверых, и воцарилась напряженная тишина. Говоривший офицер холодно посмотрел на толстого ростовщика.

– Я знаю тебя, Мирт.

– Да, – согласился Мирт с широкой улыбкой. – Насколько я помню, ты должен мне одиннадцать драконов, четыре шарда – если ты не опоздаешь заплатить до завтрашнего рассвета, иначе...

– Хватит, – рявкнул командир Дозора. – А теперь помолчи минуту или около того. – Он намеренно повернул голову, чтобы взглянуть на Дурнана. – Я также знаю тебя, Дурнан из Зияющего Портала, в Замковом округе.

– К вашим услугам.

– Несомненно. Однако, эти двое с вами... Добрая Леди, вас видели этой ночью возле одной лавки, и вы находитесь под подозрением Дозора. Ваше имя, гражданство и профессия.

Ответом было дрожащее:

– Таунаморла Эсмурла, писец, ранее из Амна, а теперь из Глубоководья. Я... я не сделала ничего плохого!

– А я, – твердо сказал Рауморт, – торговец из Тетира, прибывший в Глубоководье только сегодня, остановившийся, чтобы поговорить с Миртом и Дурнаном, с которыми я имел дело во время предыдущих визитов на протяжении многих лет, и считаю их друзьями. Я не намерен делать ничего, что заслуживало бы наведения на

меня столько заряженных арбалетов, дозорные, и я был бы признателен, если бы вы опустили их.

Арбалеты не дрогнули ни на йоту, и командир Дозора нахмурился.

– Вас видели возле того же магазина, – прорычал он, – и видели, как вы превратились в огромного дракона...

– Клыкастого дракона, сэр, – пробормотал один из других офицеров Дозора.

– Действительно, клыкастый дракон, – продолжал командир, – и в этой форме сражались с офицерами Дозора, включая волшебников, действующих в защиту этого города, его мира и безопасного порядка. Поэтому я объявляю...

– Хой, хой, хой, сейчас же! – запротестовал Мирт. – Рауморт с нами уже... ну, с тех пор, как мы все вместе покинули лавку Таунаморлы. Это было некоторое время назад, поскольку мы шли не так уж быстро, и...

– Да, – твердо сказал Дурнан, глядя на командира Дозора. – Я бы очень плохо воспринял, если бы мое слово было отклонено, здесь, на улице, перед всем городом. Рауморт был с нами. Если он каким-то образом может находиться в двух местах одновременно, превращаясь в драконов и разбрасывая повсюду заклинания, то он могущественнее всех магов, о которых я когда-либо слышал! Почему бы нам всем не отправиться в башню Черного Посоха прямо сейчас, и ты сможешь спросить у них, возможно ли такое вообще. Рауморт был рядом со мной, живой и невредимый – я знаю, потому что не раз хлопал его по руке!

– О-о-о, – выдохнула Таунаморла, побледнев, – ты имеешь в виду... дракон, множество заклинаний... моя лавка в порядке?

Начальник Дозора моргнул и спросил:

– Что за лавка у вас, леди? Я не припоминаю, чтобы видел вывеску с пером где-нибудь поблизости...

– Я, – сказала Таунаморла Эсмурла, – более известна в Глубоководье как Хранительница Тайн.

– Что? Не двигайся... – крикнули сразу несколько Дозорных, и арбалет выстрелил, его болт с жужжанием улетел в ночное небо.

Тихо и без лишнего шума шесть громадных драконов скрылись из виду за Таунаморлой. На улице не хватило места для двоих, стоявших по обе стороны от внезапно образовавшейся огромной горы чешуйчатой плоти. Вывески и балконные перила разлетелись вдребезги и упали, как подброшенные щепки.

Рауморт сделал быстрый замысловатый жест, и Мирт с Дурнаном почувствовали, как их кожу покалывает. Затем маг схватил их за предплечья и потащил к ближайшему переулку – за мгновение до того, как алебарды Дозора пронзили насквозь их собственные неподвижные образы, которые все еще стояли группой перед разъяренным командиром Дозора.

Который, как и все остальные дозорные, похоже, не заметил четверых, когда они вместе скрылись в переулке. Возможно, это было как-то связано с заклинанием Рауморта, а возможно, из-за того, что шесть драконов опустили свои огромные рогатые головы, открыли пасть и вытянули вперед длинные когти, как гигантские кошки. А может, просто потому, что большая часть Дозора бежала по улице так быстро, как только могли унести их сапоги.

В темном, зловонном углу, где сходились два переулка, Рауморт поднял руку, в которой потрескивала готовая к действию магия.

– Здесь, – тихо сказал он, – мы расстанемся, люди Глубоководья. Будет лучше, если...

– Нет, Рауморт, – сказал Таунаморла. – Я заключила официальный договор с этими двумя.

– Леди! Мы...

– Мы так же плохи, как и люди, которых мы поносим, если придерживаемся их привычек, отбрасывая наши обещания как пустую болтовню, – сказала она голосом, в котором внезапно появились стальные нотки льда.

Рауморт поклонился и сказал:

– Воистину... но это ошибка. *Пост хос укрис!*

– Возможно. Но подумай вот о чем: если они узнают правду обо мне, какая им польза от этого – кроме как заставить их проявить немного благоразумия? Кто поверит им, если они распространят эту историю?

Глаза Рауморта сверкнули, как золотое пламя, и он сказал:

– В этом что-то есть... И все же достаточно одного любопытного волшебника, который решит поискать правду за их словами...

– И когда они узнают о нашей численности, они поймут, что ни один маг не сможет уничтожить нас всех сразу. И потребуются только один из нас, чтобы узнать, кто рассказал об этом волшебнику, выследить его и медленно и ужасно покончить с его жизнью, напугать до безумия, и оторвать конечности на досуге.

Мирт вздрогнул от спокойствия в ее голосе, а Хранительница тайн улыбнулась ему нежно, словно любящая тетюшка.

– Но ничего такого неприятного не случится. Рауморт, ты защитишь нас от всех посторонних?

Человек, который был больше, чем маг из Тетира, произнес быстрое, ловкое заклинание и объявил – когда что-то, похожее на дым, стало плотным и опустилось вокруг них внезапным сплошным облаком. – Готово.

– Это предназначено только для ваших ушей, Мирт и Дурнан, – пробормотала Таунаморла, – и не должно доходить до ваших языков. Я та, кого люди называют певчим драконом, и я прибыла в Глубоководье более двадцати лет назад, призванная старейшинами моего рода, чтобы... решить одну проблему. С тех пор я здесь и живу.

– Проблема, связанная с другими драконами, – хмыкнул Мирт, махнув рукой на Рауморта. – Множество других драконов.

Хранительница кивнула.

– Какая проблема?

– Многим драконам нравится жить среди людей – и не только потому, что ваш вид может служить готовой пищей или источником богатства, которое мы можем захватить и копить. Некоторым вирмам нравится ваша энергия, ваша неугомонность, ваши умные стремления...

– Бесплатные развлечения, которые мы предоставляем, – хмыкнул Мирт. Таунаморла криво улыбнулась и сказала: – Сказано прямо, но это правда.

– Глубоководье – прекрасный котел для таких вещей, – вставил Дурнан. – Но этот котел полон бдительных и настороженных волшебников, колдунов и жрецов. Драконам нужна магия, чтобы скрываться среди людей. Магия, которая вполне может быть замечена.

Хранительница повернулась к Рауморту и сказала:

– Видишь? Они уже знали или подозревали – и все же поддержали нас.

– Леди, – сказал Дурнан, – несколько секретов всегда предпочтительнее, чем Дозор и Гвардия, разрушающие несколько городских кварталов против какого-нибудь могущественного врага.

– Нет, нет, – сказал Мирт. – Давайте перейдем к сделке. Говорите, леди Таунаморла, прямо. Ваша служба в Глубоководье заключается...?

– Я являюсь проводником и центральным контактом для более чем нескольких драконов, скрытых в человеческом облике, обитающих в Глубоководье. Мы следим за всем, манипулируем, а иногда и нашептываем мысли Владыкам Глубоководья...

– И разрушаем разум тех, кто их свергнет, – перебил Рауморт.

Мирт кивнул и сказал:

– И все же... Дозор? Бдительный Орден? Неужели никто не видел вас такими, какие вы есть?

– Как ты думаешь, кто приложил руку к созданию Дозора? – спросил Рауморт.

– И некоторые жители Глубоководья видели нашу истинную сущность, – добавила Хранительница Тайн, – но сочли нужным оставить нас в покое.

– Правда?

– Конечно, – ответила она. – Они видели нашу работу и обсудили нас.

Она повернулась и начала уходить по одной из аллей, щиты Рауморта расступались перед ней, открывая темный туннель.

Мирт моргнул. Рауморта не было! Нет... нет, он был туннелем, уходящим в темную арку, которая изгибалась дугой вокруг Хранительницы и удалялся вместе с ней.

Таунаморла Эсмурла повернулась и посмотрела на двух мужчин глазами, которые внезапно стали больше и темнее, чем прежде, и все же в них было множество крошечных звездочек.

– Как вы думаете, – тихо спросила она Мирта и Дурнана, – почему Глубоководье еще не превратилось из-за битв в руины? С Халастером, Скаллпортом и Подгорьем внизу, и половиной жадных алчных людей Фаэруна, посещающих или обитающих в нем?

Двое мужчин долго стояли в темном и пустом переулке, пока мимо пробирались патрули Дозора.

– Шесть драконов, говорю тебе! Шесть! – прорычал один из дозорных, сворачивая в переулок, чтобы задумчиво опорожнить свой мочевого пузырь в выброшенную бочку. – И исчезли, как фокусы магов! Но они были настоящими. Они разбили балкон у Шандлорта.

– Да, я видел. Может, волшебник, играющий в телепортацию? Бросил нам в руки полное логово драконов и унес их обратно?

– Зачем играть в такие игры?
– Чтобы произвести впечатление на дворян, нанявших его? Чтобы привести в благоговейный трепет гостей? Чтобы сделать себе имя или пройти какое-то испытание?

– Если он волшебник, то это достаточная причина для всякого рода безумия, – сказал пожилой дозорный.

Раздалось всеобщее согласие, и патруль снова покинул переулок и двинулся дальше.

Мирт посмотрел вверх, за темные ставни и крыши, туда, где мерцали звезды, и прорычал:

– Есть... что-то величественное в том, чтобы быть драконом. Что-то более великое, чем мы. Что-то...

– Что мы не понимаем, – закончил Дурнан фразу своего друга. – А теперь пора возвращаться домой. Уже поздно, или вернее, рано, а Луранла, вероятно, уже перебила всех моряков Портала до потери сознания.

Мирт фыркнул:

– Думаешь, она замаскированный дракон?

Дурнан покачал головой.

– Нет. О, нет. Ты спроси ее, а я буду наблюдать с безопасного расстояния. Так что, возможно.

ТОПАЗОВЫЙ ДРАКОН

Джесс Лебоу

Год Турели (1360 ЛД)

Кракс видела перед собой солнечный свет, отражающийся от скорлупы ее идеального топазового яйца. Яйца, которое всего несколько минут назад было украдено из ее логова.

Она могла бы поймать воров, находись она на открытой местности. Она пикировала бы на них сверху, разбирая на части их маленькие мускулистые тела. Она откусывала бы им головы и дробила бы кости в кашу. Затем, просто ради удовольствия, она размазала бы их останки по земле, оставив пятно в качестве напоминание для всех, кто осмелился бы украсть у нее снова.

Но воры были меньше ее, проворнее и умели маневрировать в джунглях, а на острове было мало открытой местности. Только короткий песчаный пляж и открытая кальдера действующего вулкана выделялись из когтистых джунглей,

покрывавших все остальное. Деревья расступались, когда огромный топазовый дракон продирался сквозь кустарник.

Яйцо исчезло из виду. С последним отчаянным рывком драконица прорвалась сквозь последние деревья и оказалась у основания базальтовой горы в центре острова. Она бросила последний взгляд на свое яйцо, сияющее золотисто-оранжевым светом в лучах послеполуденного солнца. Затем оно исчезло, унесенное в лавовую пещеру у основания вулкана.

Распахнув крылья, Кракс одним быстрым взмахом сократила расстояние. Врезавшись головой в лавовую пещеру, она издала невероятный рев, сотрясая стены и орошая внутреннее пространство туннеля своим дыханием. Но было уже слишком поздно. Воры уже были вне досягаемости ее атаки. Она рванулась вперед, но это было бесполезно. Ее тело застряло в плечах. Она была слишком велика, чтобы пройти внутрь.

Выбравшись из туннеля, Кракс поднялась в воздух и стала кружить над вулканом. Уже не в первый раз ее яйца привлекали внимание жадных и могущественных людей. Были и те, кто дорого заплатил бы за такое сокровище – в том числе и драколич, живший в глубине вулкана.

Кракс наблюдала, как расплавленная лава пузырится на вершине открытой базальтовой насыпи. Нет, она не поведется на приманку нежити. У нее нет шансов победить его здесь, в его собственном логове. Однако если он смог пронести яйцо внутрь, не выходя наружу, то, возможно, она сможет достать его, не входя внутрь.

С пронзительным воплем топазовый дракон развернулся и снова понесся над джунглями к океану.

Громкий треск сотряс окна капитанской каюты, и все пираты на борту «Экспатрианта» загалдели.

Капитан Клэй вышел на солнечный свет, рассеянно перебрасывая один из своих кинжалов-близнецов в левой руке. Небо было идеально чистого голубого цвета. На море царил мертвый штиль, за исключением намека на легкую рябь.

Поднеся платок к лицу, он вытер пот со лба, а затем посмотрел на парус. Улыбка расплылась по его иссохшим губам. Это был не сильный ветер, но все равно ветер.

– Господин Манса. В мою каюту.

Дородный мужчина отвернулся от суетящейся команды и ответил:

– Есть, капитан.

Внутри было ненамного прохладнее, чем на палубе. Несмотря на то, что окна были открыты, уже давно не было ни малейшего дуновения ветерка.

Клэй сел за свой большой дубовый стол. Пролистав стопку пергаментов, он выбрал один, который пришелся ему по вкусу, и развернул его.

– Вы хотели меня видеть, капитан?

– Да, господин Манса, – ответил капитан, не поднимая глаз. – Теперь, когда у нас есть немного ветра, я хочу обсудить наши действия.

– Должен ли я собрать остальных помощников?

– В свое время, Манса, но пока я хотел бы выяснить, куда мы идем, и проложить курс, пока ветер в нашу пользу. – Капитан Клэй прижал углы пергамента четырьмя камнями и провел рукой по потрепанной карте. – Чем скорее мы найдем этот остров, тем скорее получим свою награду.

– И все станут богатыми, – сказал первый помощник, и добавил. – Хвала Умберли.

Капитан захихикал, и улыбка расплылась по его лицу. Он ничего не мог с собой поделать. Сокровища всегда вызывали у него улыбку.

– Да, Манса. Когда у нас будет это яйцо, мы станем богатыми людьми.

Пальцы Клэя прошли по миниатюрному Берегу Мечей, отрываясь от страницы, когда достигли островов Нелантера, будто прикосновение к ним могло обжечь его плоть, а затем опустились обратно, когда пересекли Канал Асавира. Они продолжили путь, быстро погружаясь в Синьинское Море, небрежно обогнув Калимшан и Тетир, а затем, следуя вдоль Чульского полуострова, добрались до края Дикого Берега. Там капитан Клэй обвел указательным пальцем широкую полосу. Обветренная карта затрещала.

– Мы здесь. – Под пальцем пиратский капитан указал на открытое море. – И...

– Капитан. Капитан! – В комнату Клэя ворвался худощавый мужчина. – Капитан, пойдете скорее.

Клэй встал и спросил:

– В чем дело, Таска?

– Ты не поверишь, если я тебе скажу. Лучше пойд и посмотри сам.

Клэй выскочил из-за стола, Манса – следом за ним. Сразу за дверью его комнаты мир стал белым. Надвигался густой туман. Теплый пот, выступивший на лбу, вдруг стал прохладным. Влага на лице в одно мгновение превратилась из пота в росу. Оглянувшись на середину корабля, капитан Клэй не смог разглядеть даже парус.

За бортом корабля то, что было милей за милей бесконечного открытого океана и чистого голубого неба, было не более чем тонкой пленкой, которая, казалось, поглотила весь мир. Даже солнце заслонило вздымающейся белизной.

Ветер усилился, и частично ослабленный парус натянулся. Клэй слышал, как корпус «Экспатрианта» скользит по воде.

– Что, во имя Табса? – пробормотал капитан. – Откуда взялся этот туман?

Таска пожал плечами и сказал:

– Не знаю. Он только что появился.

– Ты не видел, как он появился?

– Нет, капитан, – ответил Таска. – Как я уже сказал, в одну минуту было ясно, в другую – туман. Как будто само море подняло руки и накрыло нас.

– Должно быть, мы уже близко, – сказал Клэй. Он хлопнул в ладоши и потер их друг о друга. – Иди к капитану Клэю, большое топазовое яйцо, – прошептал он.

Из густого тумана начали материализовываться члены экипажа. Каждый из них что-то нес – штыри, крюки, отрезки цепей или сломанные куски деревянных ящиков. Капитан уже видел это раньше.

– Ладно, ребята, давайте успокоимся.

Команда начала роптать.

– Это колдовство, – кричал один.

– Ничего хорошего из этого не выйдет, – кричал другой.

Капитан Клэй поднял руки, и люди затихли.

– Теперь слушайте, вы, тряпки, все вернитесь на свои посты. Не спускайте глаз с крепкой деревяшки рядом. Следите, чтобы не упасть за край, и мы получим то, за чем пришли. Понятно?

– Так точно, капитан, – последовал коллективный ответ.

– Очень хорошо, – сказал он, затем повернулся и направился обратно в свою каюту. – Господин Манса.

– Капитан?

– Собери остальных товарищей.

– Есть, есть.

Внутри Клэй зашел за свой стол и уставился на карту. Он рассмеялся. Ему больше не нужно было смотреть на нее. Зазубренные линии побережья навсегда врезались в его память. Три дня он смотрел на этот сморщенный коричневый пергамент, пока Экспатриант сидел у берегов Чульта в поисках острова. Сначала безветрие, потом туман – неужели боги сговорились держать его подальше от драконьего яйца?

Манса постучал в порог каюты и позвал:

– Капитан?

Клэй поднял голову. Мансу сопровождали полуорк и гном.

– Входите, господа.

Полуорк был одет не более чем в рваные лохмотья, скрепленные рядом ремней и лямок в стратегических точках на талии, бицепсах и бедрах. Его волосы были стянуты в тугий хвост и закреплены толстой, на вид протухшей полосой черной шкуры. На конце левой руки, там, где у большинства других моряков была кисть, у полуорка был пристегнут к разрушенному обрубку клинок с острым наконечником.

Гном же выглядел так, словно только что вышел из шикарного трактира после крепкого ночного сна и ванны. Его борода была заплетена в три длинные косы, связанные вместе около колен в блестящее медное кольцо. Чистая, сухая бандана из желтого шелка покрывала его голову, прекрасно дополняя синие штаны и фиолетовый жилет. В одном ухе он носил ряд золотых колец. Его голые руки были покрыты татуировками в виде русалок, пьющих эль из флаконов. На поясе висели украшенные драгоценными камнями ножны с острой рапирой внутри.

Собравшиеся товарищи вошли, каждый занял стул вокруг тяжелого стола.

Клэй сцепил пальцы перед подбородком и спросил:

– Есть какие-нибудь догадки об этом таинственном тумане? – Он посмотрел на гнома. – Господин Табор?

Безукоризненно одетый приятель покачал головой и ответил:

– Я бы сказал, что мы уже близко.

Клэй кивнул.

– Господин Хадар?

Полуорк хмыкнул:

– По-моему, пахнет колдовством.

Клэй хлопнул по столу и сказал:

– Да. Это значит, что кто-то не хочет, чтобы мы нашли то, что ищем. Я готов поспорить на золото, что, когда мы найдем наш остров, мы найдем мага, ответственного за наше невезение.

Трое товарищей покачали головами.

Корабельные ребра жалобно заскрипели и затрещали под внезапным давлением. Раздался хруст, за ним последовал долгий, медленный скрежет, и «Экспатриант» покачнулся. Тяжелый стол капитана сдвинулся, усилив шум, и трое помощников упали на пол. Капитан Клэй растянулся на столе, отбрасывая карту и камни, удерживавшие ее, и отправив их в полет.

– Что за...? – слова Клэя были прерваны.

– Земля!

Капитан поднялся на ноги и вскарабкался на палубу, за ним последовали гном и полуорк. Над головой виднелось небо, солнце светило сквозь большую пробоину в обшивке, защищающей корабль. Там, где раньше центр корабля был затянут туманом, обнаружились следы корабля. Густой туман казалось растворялся, отступая от досок и парусов, словно волна, уже отхлынувшая и медленно уходящая обратно в море.

Таска лежал лицом вниз на палубе, окруженный по меньшей мере пятью другими матросами, все они вытаскивали занозы из ладоней. Дозорный, сидевший высоко на грот-мачте, держался одной рукой за край «вороньего гнезда». Его ноги болтались, пока он осматривал палубу и пиратов.

Когда туманная белизна рассеялась, капитан Клэй впервые увидел то, что вызвало весь этот переполох.

– Дрожь по коже, – прошептал он.

Перед ним, не более чем в лиге от носа «Экспатрианта», находился действующий вулкан. Из его вершины поднимался столб сажистого дыма, а по бокам катилась яркая линия оранжево-красной лавы.

Клэй бросился вниз по палубе. Перегнувшись через спинакер, он посмотрел вниз на каменистый пляж.

– Господин Манса, – крикнул он.

Коренастый помощник только сейчас смог подняться с пола капитанской каюты и, пошатываясь, выйти на палубу.

– Сходим на берег.

– Да, капитан, – ответил первый помощник. – Я соберу ремонтный отряд.

Повреждения были невелики, но корабль набирал воду. Экспатриант подошел к берегу довольно мягко и остановился только тогда, когда его корпус столкнулся с огромным, оплавленным куском базальта, выступающим со дна моря.

Как только течь будет устранена, парням не составит труда оттолкнуть судно от песка и вывести его обратно в море. Команда, которую собрал Манса, сходила с корабля. Им понадобится по меньшей мере несколько часов, а то и дней, чтобы заделать пробоину. Потом еще несколько часов, чтобы очистить трюм.

– Вы знаете, что делать, господа, – крикнул капитан. Он направился к джунглям вдалеке. – Давайте нарубим немного дерева и подлатаем ее.

С мачете в руках и почти с ворчанием, вся команда, за исключением тех немногих несчастных, которые остались на борту, чтобы присматривать за кораблем, последовала за своим капитаном через волнующееся побережье.

Достигнув края деревьев, Клэй обернулся, чтобы взглянуть на Экспатриант. Его корабль, казалось, то появлялся, то исчезал в волнах жара, словно попав в бушующий шторм в глубине моря.

– Разделитесь на пары, – приказал капитан. – Каждый из вас возьмите по крепкому дереву на корабль.

– Есть, капитан, – сказали они в унисон.

– Есть.

Пираты разделились, обыскивая джунгли. Клэй повернулся к своим товарищам.

– Оставим их со своей задачей, – сказал он с улыбкой, – и займемся своей.

Трое товарищей кивнули и молча последовали за своим капитаном в джунгли. Деревья были высокими и тонкими, а земля на больших участках была совершенно лысой, как будто ее вымел легион дев с метлами. На таком расстоянии от воды влажность была еще более ощутимой. Проведя большую часть своей жизни в открытом море, Клэй привык к теплой и влажной погоде. Однако, будучи окруженным со всех сторон океаном, влажность казалась более естественной, более желанной. Здесь, в глубине тропических джунглей, это казалось неправильным.

Когда он углубился в джунгли настолько, что уже не слышал брани и ругательств своих матросов, Клэй сел на мягкую землю и развернул карту.

Господин Манса опустил свою дородную фигуру рядом с ним. Гном и полуорк встали по обе стороны.

– Есть предположения, где мы находимся, господин Манса? – спросил капитан.

Манса склонился над картой, вытирая лоб носовым платком.

Он указал на маленький остров и сказал:

– Здесь, капитан.

– Мать туманов?

– Да.

– Даже в ураган мы не смогли бы пройти такое расстояние меньше чем за день. – Капитан оттолкнул руку своего первого помощника. – На рассвете, перед туманом, я заметил южную оконечность Кобольдских гор. Это почти четыреста миль.

Манса пожал плечами и сказал:

– Здесь нет других островов. И никогда не было.

– Это кажется невозможным, – сказал капитан. – Впрочем, как и этот туман. – Он посмотрел на полуорка. – Хадар, ты знаешь эти воды лучше всех нас. Что скажешь?

Полуор даже не взглянул на карту, просто сказал:

– Мертвые острова дальше на север.

– Мертвые острова? – спросил капитан.

Хадар объяснил:

– Это острова на крайнем юге цепи Нелантера, где нет пресной воды и нет ничего, что могло бы понадобиться пирату. – Полуор покачал головой. – Ни на что не годятся, разве что на смерть.

Что-то зашуршало среди деревьев неподалеку. Хадар пригнулся, проскочил между парой деревьями и исчез в джунглях. Табор шагнул в сторону и, казалось, просто растворился в тени под навесом. Манса вскочил на ноги быстро, как кошка, двигаясь так, словно он был вдвое меньше его и на треть моложе.

Клэй тоже был наготове, держа один из своих кинжалов за сверкающее полированное стальное лезвие. Он пробежался взглядом по ближайшим окрестностям. На волнах у Клэя были одни из лучших глаз, он мог заметить толстые грузовые корабли задолго до некоторых эльфов. Но в густых, темных джунглях он оказался в невыгодном положении.

Позади него по джунглям пронесся еще один грохот, сотрясая землю. Манса чуть не подпрыгнул, испугавшись внезапного звука. Затем мужчина издал визг и попятился назад. Повернувшись, толстяк упал на зад. Вцепившись ногтями в землю, Манса попытался оттолкнуться, но поскользнулся и упал на спину.

Клэй повернулся и посмотрел на самое ужасное лицо, которое он когда-либо видел.

Глаза, горящие красным, как огонь Бездны, смотрели вниз над огромными раздувающимися ноздрями, покрытыми желто-оранжевой чешуей. Кристаллические клыки торчали из верхней и нижней челюстей, перекрещиваясь по обе стороны пасти существа, как кости Веселого Роджера.

Капитан Клэй отступил на шаг и заикаясь произнес:

– Д-дракон.

Существо стояло на задних лапах, крылья были прижаты к его огромной массе. Сгорбившись, плечи дракона доставали почти до вершины полога джунглей. Огромные костяные отростки торчали из шкуры вдоль позвоночника и хвоста. Длинная шея, толстая и мускулистая, змеилась сверху вниз.

Хотя огромная голова чудовища заполняла большую часть обзора Клэя, он видел, что оно держит в плену Табора и Хадара, по одному в передних когтях.

Дракон сделал короткий мощный вдох через ноздри, и из них вырвался шлейф водянистого пара.

Стараясь сохранять спокойствие перед лицом такого чудовища, Клэй поднял один из своих кинжалов, приготовившись к броску.

– Это было бы неразумно, – прорычал дракон.

Капитан посмотрел на Мансу – тот все еще лежал на спине – кивнул, затем опустил руку.

– Итак, – спросил капитан у дракона, – что теперь будет?

Глаза вирма сузились, и он ответил:

– Мы заключим пари. – Клэй сглотнул.

– Хорошо. Я капитан Клэй. – Он снова посмотрел на Мансу. Тот пожал плечами. – Это мой первый помощник, Манса. А эти двое, – капитан указал на двух пиратов, которых дракон держал в своей хватке, – Хадар и Табор, тоже помощники.

Взгляд дракона переместился с Клэя на Мансу, затем обратно.

– Прежде чем мы начнем, – сказал Клэй, снова кивнув на товарищей по ловушке.
– Я бы попросил освободить пленников.

Дракон фыркнул и сказал:

– Ты не в том положении, чтобы просить об уступках.

– Тогда в знак доброй воли.

Капитан пиратов сунул свой кинжал обратно в ножны.

Дракон зарычал, но отпустил двух пиратов.

Клэй поднял руки, показывая пустые ладони.

– Наш корабль – «Экспатриант» – был выброшен на берег...

– Я знаю, как вы сюда попали, – прервала его драконица. – Я привела тебя.

Клэй понял.

– Значит, ты маг.

Драконица не ответила.

Клэю уже приходилось вести подобные переговоры, но никогда с драконом. Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, а затем попытался вести разговор так, как если бы он разговаривал с капитаном соперника.

– Итак, что тебе от нас нужно?

– Вы пришли за моим яйцом, – ответил дракон.

– Яйцо? – сблефовал Клэй. – Мы ничего не знаем ни о каком яйце, наш корабль сел на мель...

Дракон выдохнул еще один сильный выдох, его губы скривились, и он сказал:

– Не играй со мной в игры, человек. Я знаю, почему ты искал этот остров. Ты пришел торговаться с ворами за мое яйцо.

Холодное копье страха пронзило позвоночник Клэя.

– Ты собираешься нас убить?

Дракон откинулся назад, давая капитану немного больше пространства, и ответил:

– Это зависит от обстоятельств.

– От чего?

– Вы не единственные, кто интересуется моим яйцом, – объяснил дракон. – Воры, которые его украли, унесли его глубоко в вулкан, куда я не могу попасть.

– Что ты хочешь от нас?

– Я хочу, чтобы вы пошли туда и вернули мое яйцо.

Капитан наклонил голову, немного смутившись.

– Ты хочешь, чтобы мы достали твое яйцо?

– Именно это я и сказала, – ответила драконица.

Капитан рассмеялся.

– Если тот, кто забрал твое яйцо, настолько силен... – Клэй с трудом подбирал слова. – Если ты не можешь достать его сама, почему ты думаешь, что мы сможем вернуть его?

Дракон отпрянул назад, скрестив свои могучие передние конечности на золотой груди. Ее глаза горели еще более темным красным цветом.

– Разбойники не могущественны. Они трусливы и малы, – сказал дракон, глядя на каждого из пиратов по очереди. – И в этом вся проблема. Они унесли мое яйцо в

вулкан, где у них есть обереги и магическая защита от представителей моего вида. Здесь я бы их раздавила, но я не могу последовать за ними в их логово.

– А что нам за это будет? – спросил капитан. – Если то, что ты говоришь, правда, и мы действительно пришли сюда за твоим яйцом, то что мешает нам просто взять его и унести на нашем корабле?

Драконница фыркнула, выпустив еще один шлейф водянистого пара, который почти достиг Клэя.

– Если вы это сделаете, я уничтожу ваш корабль и убью вас всех.

– Позволь мне прояснить ситуацию, – сказал капитан. – Либо мы рискуем жизнью, пытаюсь достать твое яйцо из вулкана, либо мы умрем. Клэй скрестил руки на груди. – Это не слишком выгодная сделка.

– Если тебе это удастся, – сказал дракон, – я отпущу тебя невредимым.

– Это очень мило с твоей стороны.

– У меня есть золото, – добавил дракон. – Много золота.

На лице Клэя появилась улыбка.

– Как, говоришь, тебя зовут?

– Кракс, – ответил дракон.

Капитан Клэй сложил ладони вместе и поклонился, как он видел это делали люди в далеком Кара-Туре во время одного из своих путешествий.

– Что ж, Кракс, думаю, мы заключили сделку.

Дракон поднял одно из своих крыльев, указывая вглубь джунглей.

– Воры унесли мое яйцо в лавовую пещеру на южном склоне, – сказала Кракс, повернулась и направилась к берегу. – Я буду ждать твоего возвращения рядом с твоим кораблем. Если ты не вернешься к ночи, твой экипаж погибнет.

На южном склоне, как раз там, где сказал дракон, круглое отверстие вело в грубую базальтовую гору. В отличие от остальных джунглей, основание вулкана было полностью лишено всякой растительности. В воздухе витал запах сгоревших растений и серы.

– Ну что ж, приятели, – сказал Клей, взявшись за рукоять одного из своих кинжалов, – нам пора спускаться вниз.

Капитан вошел в темное отверстие. Один шаг за порог, и влажная кожа Клэя мгновенно стала сухой. словно все его тело плотно окутали завесой горячего сухого воздуха, и он почувствовал себя так, словно только что шагнул в горн железной кузницы. Каждая полоска обнаженной плоти была сжата от гнетущего жара, и капитану приходилось щуриться, чтобы глаза не высыхали быстрее, чем он успевал моргнуть.

Проход был узким, едва ли достаточно широким для двух человек, и темным, если не считать солнечного света, проникающего снаружи. Впереди казалось, что туннель, по которому они шли, едва заметно поворачивает вправо. Больше Клэй ничего не мог разобрать. Свет просто не проникал так далеко. Клэй оглянулся через плечо.

– Табор, – тихо позвал он.

– Да.

– Тебе придется идти впереди, – сказал Клэй. Он отошел в сторону, чтобы пропустить дворфа. – В этой темноте мои глаза так же хороши, как парус вельдорнийца.

– Ты слишком суров к вельдорнийцам, – пошутил гном, проходя мимо своего капитана. – Может, от их паруса и не так много пользы, но даже они могут сделать такой, который работает лучше, чем твои старые человеческие глаза.

И Манса, и Хадар захихикали.

Клэй подвел полуорка к гному. Хадар хмыкнул, и они с гномом направились вниз по проходу.

Чем дальше они шли, тем темнее становилось. Вскоре Клэй вообще ничего не мог разглядеть. Он следил за звуками шагов полуорка и водил рукой по стене, чтобы не упасть. Сначала стена была шершавой, как пемза. Клэй просто позволил кончикам пальцев упереться в шершавую поверхность, чтобы ощущение твердого камня успокаивало его, пока они погружались все глубже в вулкан. Но через некоторое время камень стал гладким. Глубокие расщелины и острые выступы уступили место мягкой, почти полированной поверхности, а стены стали теплее.

– Этот вулкан напоминает мне Пик Пламени, – сказал Манса.

– Это не Пик Пламени, – сказал Хадар.

– Но что, если так? – ответил портовый пират. – Может, это Дендар Ночная Змея забрала яйцо дракона?

– Это не Пик Пламени, – повторил полуорк.

– Я просто говорю. Мы не знаем, где мы находимся. Это может быть Пик, а если это так и Змея забрала яйцо дракона, то это начало конца.

Клэй услышал потасовку, а затем почувствовал, как его подбородок врезался в спину Хадара.

– Это не Пик Пламени, – еще раз повторил Хадар.

Они продолжили путь. За следующим поворотом Клэй увидел слабое красно-оранжевое свечение. Гладкий камень отражал свет, отчего земля и стены выглядели довольно гладкими. Чем дальше они шли, тем ярче становился свет. Проход продолжал изгибаться и наконец открылся в большую камеру.

Змеящийся бассейн бурлящей лавы делил помещение пополам. Вдоль каждого края шла дорожка из затвердевшего камня, ведущая к отверстию на другом конце. Красно-оранжевый цвет расплавленного вещества освещал комнату, обнажая несколько зубчатых полок и столбы остывшей лавы.

– Берегись! – крикнул Табор.

На них упала темная фигура, скрытая сверху одной из базальтовых поверхностей. Клэй переместился вправо, подняв кинжал левой рукой. Существо приземлилось прямо на полированное стальное лезвие и издало ужасный звук – крик, похожий на муки человека и волка.

Все еще не в силах разобрать, что на него нападает, Клэй выдернул свой пронзенный клинок из тела твари и ударил по нему. Зверь поднял голову, его глаза встретились с глазами Клэя. Кинжал капитана вошел в шею существа, и зверь рухнул на землю, дернувшись один раз, а затем застыв.

Клэй отступил от тела. За неимением лучшего названия, существо, лежавшее перед ним на земле, было дворфом. Оно было невысоким и приземистым, а его руки, грудь и ноги были покрыты бугристыми мышцами. Но кроме общего размера и формы, это существо не имело никакого другого сходства с цивилизованным Табором.

- Табор, это твой кузен, – пошутил полуорк.
- Смейся, свинопас, – сплюнул дворф.
- Довольно. – Клэй наклонился над существом и спросил:
- Что это за штука?
- Похоже на дикого дворфа, – ответил Табор.
- Дикий дворф?
- Не самый лучший момент, – сообщил Табор.

Громкий гул эхом разнесся по камере, и времени на дальнейшее обсуждение не оставалось. С верхних ярусов свалилось еще больше лохматых фигур, заполнив комнату. На Клэя и его товарищей напали почти две дюжины диких дворфов.

В мгновение ока Табор выхватил рапиру и проткнул первого из диких дворфов в брюхо. Хадар проткнул еще одного своим культевым ножом. Манса схватил одного за предплечья, зажав в захват, но это было все, что увидел Клэй. Камера превратилась в шквал когтей и летящей стали. Пиратский капитан повалил одного нападавшего на землю, вогнав брошенный кинжал ему в глазницу. Уклоняясь вправо и влево, нанося удары по глазам и избегая зубов, он танцевал с рычащими врагами.

В какой-то момент он услышал, как Манса выкрикнул несколько хвалебных слов в адрес Умберли. Возникла короткая вспышка желтого света, и половина дворфов отпрянула от грузного пирата, словно увидела демона из Преисподней. На поляне, которую они покинули, Клэй увидел тела по меньшей мере полудюжины диких дворфов, лежащих у ног его товарищей. Трех он убил сам, а несколько либо прятались у дальней стены, либо бежали из комнаты.

Хадар разрубил живот еще одному, а второго поднял с земли своей здоровой рукой и бросил в бурлящую лаву. Тварь издала воющий вопль и затрепыхалась, как человек за бортом во время шторма. Из тела дворфа поднимались клубы черного дыма, а его протяжный крик боли становился все громче. Те куски открытой плоти, которые еще не были погружены в магму, вспыхнули, и извивающийся карлик был поглощен в оранжево-желтой вспышке.

Два диких дворфа встали перед Табором, угрожая ему когтями, но хорошо одетый пират сдержал их обоих кончиком своей рапиры. Его лицо было рассечено, а на его обычно ухоженных штанах была рваная дыра на бедре. Хотя он и был окровавлен, но выглядел не хуже, чем просто от пары царапин.

С полуорком все обстояло по-другому. С головы до ног он был весь в крови. Невозможно было понять, была ли это его собственная кровь или кровь его врагов. Чаще всего он ловко управлялся со своим ножом из обрубка. Но иногда жажда крови овладевала им, и он становился немного более беспорядочным.

– Чего бы я только не отдал, чтобы оказаться сейчас снова в Медной Короне, – пробормотал капитан себе под нос.

Клэй остался почти нетронутым. Первое из мохнатых существ вцепилось своими грязными когтями в его левую руку. У него был болезненный порез вдоль большого пальца и вниз по предплечью, но бывало и хуже. В ходе схватки все четверо пиратов пробрались в центр комнаты. Они оказались в опасной близости от бассейна с лавой, и капитан сделал шаг назад от края, на всякий случай.

Повернувшись, чтобы проверить Мансу, он услышал крик первого помощника:
– Берегись!

Клэй поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть еще одну волну дворфов, карабкающихся к ним. В отличие от тех, с кем они сражались в первой волне, некоторые из них несли тяжелые дубины, а у некоторых даже было хорошее стальное оружие. Если это было все племя, то Клэй не собирался вступать в переговоры с их вождем.

– Бежим! – крикнул он.

Достигнув проема на другом конце, Клэй оглянулся через плечо. Табор следовал за ним по пятам. Манса отставал на несколько шагов, а Хадар прикрывал тыл. На полу пещеры уже было не менее пятидесяти диких дворфов, и еще больше сыпалось со стен.

Пригнув голову, Клэй нырнул в кромешную тьму туннеля, спасаясь от того, что, несомненно, было бойней. Касаясь правой рукой стены, широко раскрыв глаза, Клэй неся по туннелю так быстро, как только могли нести его ноги. В любой момент он ожидал, что его сшибет низко висящий сталагмит. Позади он слышал тяжелое дыхание своих товарищей и какофонию шагов преследователей.

Темная пещера резко повернула направо, и Клэй едва не потерял равновесие на повороте.

– Правый борт, – крикнул он и помчался дальше.

За поворотом начало светать. Вырвавшись из темноты, Клэй вошел в большую пустую комнату. Пол загрохотал и треснул, превратившись в озеро расплавленной лавы. Вдоль стен пещеры змеился узкий выступ, проходящий через всю комнату. Сверху с тенистого потолка свисали огромные сталактиты, похожие на перевернутые горные вершины.

В центре расплавленного озера над насыпью из затвердевшего черного камня стояли пять светящихся столбов, расположенных полукругом. Казалось, они противоречили всему, что здесь было. Сделанные из полупрозрачного голубого камня, освещенные внутри ярким белым светом, столбы напоминали огромные сосульки, легкие и прохладные в тлеющих чашах действующего вулкана. В центре кристаллов находилась серия магических рун, начертанных на базальтовом полу пещеры, освещенных так же, как и столбы, каждая из которых соприкасалась с другой, пока вместе они не образовали форму полумесяца. В центре двух полумесяцев находился огромный драгоценный камень.

– Хвала Королеве Шлюх, – выпалил Манса.

Первый помощник застыл, устремив взгляд на драгоценный камень, словно это была сирена. Каплевидный топаз, размером с самого крупного халфлинга в мире, светился глубоким оранжево-красным светом, освещенный расплавленной лавой.

– Яйцо дракона, – прошептал Клэй.

Остров, на котором находилось яйцо, со всех сторон был окружен бурлящей лавой, за исключением небольшой дорожки, ведущей к большому отверстию в дальнем конце пещеры.

Первые дворфы начали входить в комнату. Эти мохнатые существа, казалось, чуть ли не перекатывались друг через друга в бешенстве, пытаясь добраться до четырех пиратов. Хадар уже присел, готовый схватить первого из них. Табор протиснулся мимо Мансы, чтобы поддержать полуорка. Балансируя на выступе застывшей лавы, он держал свою рапиру наготове для удара.

– Мы в ловушке, – сказал Клэй, глядя на остров застывшей лавы. Прыгать было слишком далеко. Он вытащил свои кинжалы и приготовился к бою. – Если у вас есть какие-то светлые мысли или последние слова, сейчас самое время их высказать.

Скребущие звуки диких дворфов, бегающих по краю камеры, резко прекратились. Беснующаяся масса повернулась к маленькому входу в пещеру и опустилась на колени.

Во внезапно наступившей тишине по пещере разнесся голос:

– Кто осмелится войти в покои Рас Нси?

Из темноты появилась фигура. Высокий и худощавый, его кожа выглядела бледной и нездоровой даже в красноватом отблеске расплавленного озера. Его глаза были запавшими, а голова обритой. Но самой примечательной чертой был синий треугольник, татуированный в центре лба этого человека.

Клэй повернулся к Хадару и спросил:

– Рас Нси?

Полуорк ответил:

– Бараэ, который преследовал и истребил народ Эшоу за их преступления против Убтао. – Хадар оглянулся на своего капитана. – Это было четыре тысячи лет назад.

– Ты узнаешь эту метку? – спросил Клэй, указывая на свой лоб.

– Это из Мезо, – ответил полуорк. – Священный город.

– Что это значит?

Губы Хадара скривились, и он перевел взгляд на татуированного человека.

– Это значит, что он преступник, – сказал полуорк, – и его изгнали из города.

– Ясно, – сказал капитан. – Он из тех, кто создает дурную славу уважаемым преступникам.

Татуированный мужчина прошел дальше в комнату, обогнув несколько распростертых дворфов.

– Поклонитесь Рас Нси, – прорычал он. – Я приказываю вам.

– Мы – командиры Экспатрианта, бича Сияющего Моря, – крикнул в ответ Клэй. – Мы не принимаем ничьих приказов.

Татуированный мужчина поднял руки вверх и начал скандировать. Его голос становился все глубже, отражаясь от базальтовых стен, удваиваясь и усиливаясь. Затем он отрезал последнее слово, раскинув руки в стороны.

Тени, казалось, слились воедино, отцепились от базальта и обвили вокруг бледного, покрытого татуировками мужчины. Его тело начало расти, меняя форму. Голова поднялась к вершине пещеры. Его руки вытягивались, становясь длинными

и тонкими, увеличиваясь и увеличиваясь, пока не стали похожи на паруса пиратского корабля. А его пальцы стали острыми, превратившись в злобные когти.

Человек, назвавший себя Рас Нси, полностью превратился в костяного дракона-нежить. Клэй тяжело сглотнул.

– Неплохой трюк для парня возрастом четыре тысячи лет, – сказал капитан.

Дракон-нежить вцепился когтями в землю и с воем открыл свою скелетную пасть. Из раскрытой пасти существа вырвались молнии, изгнав оставшиеся тени жутким сине-белым светом.

Все четверо пиратов бросились врассыпную, ныряя под укрытия. Клэй почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом, когда магические болты ударили в стену прямо над его головой и срикошетили в потолок. Магическая энергия прыгала взад-вперед между двумя сталактитами, и куски разбитого камня посыпались на пол.

Громкий треск наполнил комнату, и Клэй поднял голову, чтобы увидеть, как больший из двух сталактитов содрогнулся, а затем упал на него. Перебрасывая ноги через голову, капитан пиратов перекатился назад. Поднявшись на ноги, Клэй прижался к стене пещеры, стараясь сделать свое тело как можно меньше.

Кончик сталактита врезался в пол как раз в том месте, где лежал Клэй. Каменное основание рухнуло под тяжестью, и перевернутое наверхие скользнуло боком в расплавленное озеро. Опрокинувшись набок, отколотый конец сталактита упал на остров застывшей лавы рядом с драконьим яйцом.

Остальные три пирата поднялись на ноги, и дикие дворфы тоже.

– Нам их не взять, ребята, – крикнул капитан.

С этими словами Клэй прыгнул на упавший сталактит и перебрался на другую сторону, словно перебегая через abordажную доску. Почерневший камень не успел полностью опуститься, и он сдвинулся, когда капитан пересек его. Привыкший к движению океана, Клэй сделал еще один шаг, а затем перепрыгнул через озеро лавы к острову в его центре. На короткое мгновение капитан пиратов повис в воздухе, свесив ноги над мгновенно испепеляющей смертью. Затем его носок коснулся земли, и он нырнул вперед, вцепившись в твердую скалу.

Острая пемза порвала его руки и штаны, но крошечный остров был устойчив, и он не тонул в лаве. Поднявшись на ноги, он отошел от края и повернулся, чтобы помочь своим товарищам.

Табор и Хадар уже переходили импровизированную доску. Дворф прыгнул с него, кувыркнувшись один раз, а затем ловко опустился на ноги. Полуогр был менее впечатляющим, но его сильные ноги перебросили его через расплавленное озеро без особого труда.

С Мансом, однако, все обстояло по-другому.

Первый помощник потерял равновесие и вцепился в медленно тонущий сталактит. Прямо за ним дикие дворфы добрались до края и начали взбираться на каменный мост.

Не моргнув глазом, Клэй прыгнул обратно на опасную базальтовую колонну.

– Хадар, Табор, хватайтесь за этот конец.

Гном и полуогр сделали то, что им было велено.

Двумя огромными прыжками Клэй оказался рядом со своим первым помощником. Одной рукой он ухватился за заднюю часть туники Мансы. Другой рукой он метнул один из своих кинжалов в первого из приближающихся диких дворфов.

Маленькое мохнатое существо получило клинок в грудь и отпрянуло назад, упав на следующего дворфа и преградив ему путь.

С помощью Клэя Манса сумел подняться на колени.

– Достаточно хорошо, – сказал капитан.

Повернувшись, Клэй направился обратно к острову, яйцу и двум своим товарищам, частично волоча за собой Мансу.

– Подтолкните его, – крикнул он.

Хадар и Табор не колебались. Оба мужчины наклонились и со всей силы толкнули сталактит. Колонна издала короткий скрежещущий звук, а затем конец, упавший на остров, освободился.

Клэй потянул Мансу вперед и крикнул:

– Прыгай, тряпка!

Он снова бросился через бурлящее озеро лавы. В одно мгновение он оказался в воздухе, а в другое врезался в Табора и упал на землю.

Манса приземлился точно так же, врезавшись в твердые вытянутые руки полуорка.

Без поддержки острова упавший сталактит перевернулся боком и полностью скрылся в раскаленной лавой. Дикие дворфы, которые все еще стояли на нем, тоже упали, в мгновение уничтожившись, а затем растворившись в конусе пламени и дыма.

Клэй поднялся на ноги.

– Ну же, тряпки, – крикнул капитан. – Хватайте добычу и возвращайтесь на корабль. – Он посмотрел вверх лавы на дымящегося драколича. – Это бой, который мы не сможем выиграть.

Четверо моряков подняли драконье яйцо с ритуального полукруга и понесли его через туннель в дальнем конце зала. Когда они скрылись в темноте, Клэй услышал, как дракон-нежить издал воющий рев.

Яйцо было тяжелым и замедляло их продвижение по туннелю. Табор шел впереди, выкрикивая команды своим товарищам. С сокровищем в центре достаточно легко было держаться вместе. Четверо пиратов бежали и бежали, чем дальше они продвигались, тем меньше и меньше становился туннель.

За последним поворотом они увидели солнечный свет, пробивающийся из устья лавовой трубы. Быстро, как только могли, с яйцом между ними, пираты наконец выбрались на свет. Яркие солнечные лучи начали заходить на убыль.

– Будем надеяться, что в этот день солнца хватит, чтобы спасти остальных членов команды, – сказал Клэй, направляясь к густым зарослям. – В джунгли.

Вслепую продираясь сквозь деревья, пираты бежали изо всех сил. Постепенно деревья и растительность стали менее густыми, а угасающий свет заходящего солнца – более ярким. Сделав последние несколько шагов, пираты выбросили свои усталые тела из джунглей на берег.

На открытом пространстве над ними пронеслась огромная черная туча, и все четверо замерли на месте, выронив яйцо.

Перед ними стоял неживой дракон с расправленными крыльями, почти затмевающими солнечный свет.

– Никто не крадет у Рас Нси, – сказал громадный зверь.

Дракон-нежить взмахнул крыльями и снова открыл пасть, готовясь выстрелить молнией в беспомощных моряков.

Клэй потянулся за одним из своих кинжалов, но его пальцы схватили пустой бандольер, и он почувствовал, что его желудок погружается в яму, словно валун. Позади дракона он смог различить силуэт «Экспатрианта». Этот корабль был добр к нему. Ему будет его не хватать.

Как раз в этот момент поднялся ветер. Пальмовые ветви на деревьях позади них зашелестели, и песок взметнулся в воздух. Дракон-нежить дико огляделся, осматривая небо и пляж.

– Смотри, – крикнул Манса, указывая на небо.

Клэй проследил за пальцем первого помощника и увидел желто-оранжевое пятно, летящее к берегу.

Раздался пронзительный свистящий вопль, и дракон-нежить отпрянул назад, подняв в воздух один коготь. Желто-оранжевая полоса превратилась в топазового дракона, его острые когти оторвали одно из крыльев неживого дракона от тела, когда тот столкнулся с пляжем, пригвоздив драколича к земле и подбросив в воздух песок.

– Никто не крадет у Кракс, – взревел топазовый, проведя мощными передними когтями по горлу своего врага.

Дракон-нежить издал сдавленный крик, слабо пытаясь отбиться только одним крылом, остальные части тела оказались в ловушке под весом более крупного дракона.

– Здесь у тебя нет против меня защиты, – усмехнулась Кракс.

Топазовый дракон укусил драколича за грудь и покачал головой. Куски пропитанной кровью плоти посыпались дождем на почерневший песок, и пиратам пришлось прикрыть головы. Дракон-нежить продолжал сопротивляться, извиваясь под ударами.

Еще мгновение, и его тело обмякло, поддавшись более крупному дракону.

Но Кракс не прекратила своей атаки. Топазовый дракон принялся за работу над тушей. Она отрывала куски плоти от костей, как голодная чайка. Останки неживого дракона устилали пляж.

Наконец, Клэй был вынужден отвернуться. Есть вещи, которые не под силу даже пирату.

Клэй прислонился к поручню своего корабля и улыбнулся, глядя на удаляющийся вулкан. Они плыли на северо-запад, огибая мыс Чулытского полуострова, в сторону Сияющего моря. Он рассеянно вертел золотую монету между

пальцами, и его улыбка становилась еще шире, когда он думал о грудe сокровищ, надежно покоящихся в трюме «Экспатрианта». Даже яйцо топазового дракона не принесло бы столько монет. Неплохо поработать пару дней, подумал он.

Высоко над его головой развевался парус, наполненный ветром настолько, насколько он мог выдержать. На вершине мачты развевался Веселый Роджер, а сбоку от него на волшебном ветру развевался новый флаг. На нем был изображен силуэт дракона – желто-оранжевого со светящимися красными глазами.

СВЕЧА БЕЗ ФИТИЛЯ

Р.А.Сальваторе

Год Знамени (1368 ЛД)

Его невозможно было заметить в скоплении ларьков и торговых лавок, представлявших из себя торговый район Гелиогабалуса, столицы Дамары, – для Артемиса Энтрери, который годами тренировал своё мастерство, не было ничего проще. Молчаливая фигура скользила по Стенной Дороге сквозь грозу, – по мощёной улице, получившей своё название из-за близости к внешней стене города, бежали нескончаемым потоком ручьи.

Вспышка молнии осветила его силуэт, – убийца стоял между двумя находящимися по разные стороны улицы лавками, где торговали всякой всячиной. На Артемисе был чёрный блестящий от влаги плащ отличного качества – наёмник носил его нарочито так, чтобы была видна инкрустированная драгоценными камнями рукоять его знаменитого кинжала. На голову надета плоская шляпа с узкими круглыми полями – довольно необычно для страны, чьи жители предпочитали простые капюшоны и шарфы. Но она меркла в сравнении с той, что принадлежала изящной фигуре, не спеша прошествовавшей мимо него при очередном росчерке, – огромная, широкополая, одна сторона загнута вверх, а над всем этим гигантский плюмаж.

– Как мы и думали, – шепнула фигура, проходя мимо, – посторонний наблюдатель по их поведению даже не догадался бы, что они разговаривали. – Третий справа.

Стройная фигура продолжила свой путь – лишь высокие сапоги слегка цокали по мостовой.

Спустя мгновение Энтрери двинулся к двери магазина «Мешок Серебра Тазмикеллы» и, оглядевшись, проскользнул внутрь.

За одним из столов сидела хихикающая парочка – вряд ли они даже заметили его появление. Напротив них нервно перебирал статуэтки полный человек средних

лет – он стряхивал с них пыль и, ворча под нос, водружал их обратно на полку. У обладателя толстого живота было круглое лицо с красными, как яблоки, щеками и алыми губами, а глаза будто постоянно косили, хотя и были большими.

– Ну, – сказал он Энтрери. – Не дурак, если зашёл, чтобы спрятаться от дождя. Оглядишься-ка – может, даже чего-нибудь прикупишь. О, эта мысль, похоже, мало кому приходит в голову! Ну да, зачем покупать что-нибудь, если можно просто зайти в магазин и поглазеть на товар?

Артемис пристально взглянул на него, никак не прокомментировав его слова.

– Ну, как хочешь, – продолжил мужчина. – Только, пожалуйста, держись подальше от новых ковров – не хватало ещё намочить их. Может, потом кому-то они, наконец, приглянутся.

Больше не обращая на коротышку внимания, Энтрери, как и было ему сказано, пошёл направо, к третьему подсвечнику, стоящему в переднем окне магазинчика. Его основание было сделано в форме сидящей жабы. *Отвратительнейшая вещь*, подумал Энтрери, несмотря на то, что не был ценителем. Артемис сначала взял четвёртый подсвечник, бегло осмотрел его, затем второй, а потом третий. Убийца незаметно провёл рукой по его основанию. Разница между серебром и воском была «налицо».

Росчерк молнии за окном вернул его мысли к таверне – трактирная девка бросила салфетку на стол. Артемис припомнил стихи на той старой грязной тряпке и опять коснулся воска.

– Без фитиля внизу, – прошептал он.

– Что-что? – переспросил мужичок.

– Я сказал, что мне нравится эта вещь, – произнёс Энтрери уже громче – Из-за грозы у меня кончились свечи. Я зашёл лишь для того, чтобы купить новых, но наткнулся на этот весьма интересный подсвечник.

– Вы хотите его приобрести? – спросил торговец тоном, по которому можно было легко догадаться, что покупки здесь совершались отнюдь не часто.

– Как насчёт пятидесяти серебряных? – предложил Энтрери.

Коротышка хихикнул и произнёс:

– Да только, чтобы выплавить его, нужно вдвое больше!

– Это чистое серебро? – спросил Энтрери, изображая удивление, – убийца уже знал, что это действительно так, и даже прикинул его реальную цену вплоть до нескольких медяков.

– Самое, что ни на есть, – оживившись, заверил толстячок. – И стоит он пятьдесят золотых, а не серебряных.

Энтрери слегка подвинул подсвечник – тот чуть было не упал на подоконник. Артемис подержал его несколько секунд.

– Тридцать, – сказал он. – Справедливая цена.

– Справедливая?! – возопил владелец магазина. – Да он мне самому стоил целых сорок!

– Ладно, сорок.

– Сорок два! – не унимался коротышка.

Энтрери пожал плечами и достал из-за пояса кошель. Подкинув его пару раз, наёмник вытряхнул из него несколько монет, а затем, взвесив в ладони, бросил кошелек толстяку.

– Сорок два, – согласился он. – Может, даже сорок три.

Спрятав оставшиеся монеты в карман, Артемис взял подсвечник и направился к двери.

– Погодите, – произнёс коротышка. – Может, Вам ещё что-нибудь нужно? Вы же за свечами приходили... Ну, ночью темно, а Вы не... Этот подсвечник, если к нему подобрать определённые свечи, отбрасывает такие красивые тени.

Из-за соседнего столика послышалось хихиканье – до владельца магазина дошло, что он разговаривает сам с собой. Энтрери уже вышел.

Очередная вспышка молнии продержалась достаточно долго, чтобы Энтрери смог прочесть вывеску на магазинчике напротив: «Золотые монеты Ильнезары».

Быстро оглядевшись, Энтрери бесшумно двинулся прочь. Идти до южной окраины города было далековато, но на улице в такое время не было прохожих, поэтому он шёл довольно-таки быстро. Вскоре он остановился у непримечательного здания и, по устоявшейся с годами привычке, огляделся прежде, чем подняться по задней лестнице на второй этаж к двери своего жилища. Да, он один. Мужчина скользнул внутрь.

В комнате было тепло и уютно: в камине плясали языки пламени, в многочисленных канделябрах горели свечи. Войдя, Энтрери скинул промокший плащ и бросил его на вешалку у двери, где уже сохла отличная дорожная накидка. Его шляпа последовала за плащом, устраиваясь перед своей более обширной товаркой.

Вытерев лицо рукавом, Энтрери расстегнул пояс и вытащил инкрустированный самоцветами кинжал. Немного подержав его в руке, убийца метнул оружие через всю комнату – клинок, как всегда, вонзился точно в пах нарисованной на стене фигуры с огромной шляпой, всего в нескольких дюймах над кроватью.

– Оу, это наверняка больно, – произнёс Джарлакс.

– Пожалуй, – отозвался Энтрери.

Взглянув на своего спутника, Энтрери чуть не поперхнулся: повязка Джарлакса была поднята на лоб – наверно впервые наёмник мог посмотреть сразу в оба глаза тёмного эльфа.

– Знаешь, меня это беспокоит, – сказал дроу. – Ну, то, что тебе нравится, когда кинжал попадает именно в это место.

– Если бы я проснулся и почувствовав угрозу, потянулся бы за кинжалом, а там помимо него было бы что-то ещё... Уверяю, остальное я бы попросту оторвал.

– Да уж, это тоже было бы больно.

– Пожалуй.

Джарлакс рассмеялся и спросил:

– Отчего же такое скверное настроение, друг мой?

– Какое есть.

– Мы наверняка правильно расшифровали стих, – произнёс Джарлакс, кивнув взгляд на подсвечник в руках Энтрери. – Действительно, «свеча без фитиля».

Артемис было направился к нему, но остановился и поставил подсвечник на стол рядом с собой.

– А я всё это время думал, что речь идёт о тебе, – съязвил Энтрери и плюхнулся на кровать.

– Трактирная девка положила салфетку так, чтобы мы оба её видели, – напомнил Джарлакс. Он вытащил грязную тряпку из кармана и прочёл:

Практичное полезнее, коль ищешь лучших цен.

Внимательный отыщет приз вблизи крепостных стен.

Средь безделушек ты найдёшь вещь хоть для короля,

Как только сможешь отыскать свечу без фитиля.

Дроу, лукаво улыбаясь, перевернул подсвечник и ногтём отковырнул налипший на его основание воск на задку сидящей жабы.

– Да, вторая строчка была ключевой, – произнёс он, вытащив затычку. – Серебро гораздо практичнее золота – мы сделали вполне обоснованный выбор, – губы Джарлакса расползлись ещё шире, когда он просунул свой палец в отверстие и вытащил ногтём тонкий скрученный пергамент. – Правильный выбор.

– Интересно, – протянул тёмный эльф и, не дождавшись ответа, повторил вновь. – Очень интересно.

Наконец, спустя несколько долгих мгновений Энтрери ответил:

– Это карта.

– Карта? – переспросил Бэнр. – Ряд точек, круг, отдельная линия и пятнышко крови. Где ты увидел карту?

– Точки – это здания. Все здания, которые затронула эта головоломка, – объяснил Артемис. Наклонившись вперёд, он поочерёдно указывал пальцем на каждое. – Таверна, наш дом...

Убийц замолк – ему было не по душе, что тот, кто стоял за всем этим, знал, где они живут.

– А вот та самая улица вблизи крепостных стен, – подхватил Джарлакс, указывая на круг. – «Мешок серебра», «Золотые монеты»... А расстояния действительно кажутся довольно точным. – Для верности дроу измерил всё пальцами. – Но мы и так всё это знаем.

– Кроме этого, – указал Энтрери на пятнышко крови, находящееся на удалении от всех остальных точек.

– Кровь? – спросил дроу.

– Конечная точка.

Наёмники нашли «пятнышко» – довольно непримечательную хижину на склоне каменистого холма далеко за пределами Гелиогабалуса. Из хижины города не было видно, поскольку жилище находилось на дальнем склоне холма вдали от всех дорог. К тому же, моросил непрекращающийся дождь.

Энтрери с подозрением осматривал хибару, тщетно пытаясь обнаружить следы засады. Крыша была невысокой – задняя стена дома, примыкающая к холму, возвышалась не больше, чем на пять футов над каменистой почвой – и рядом не было деревьев, способных послужить отличными точками обстрела.

Таким образом, убийца был весьма удивлён, услышав женский голос с крыльца дома:

– Сообразительные и проворные. Гораздо лучше, чем можно было ожидать.

Наёмники сделали пару шагов, отступая друг от друга и рассматривая женщину: её нельзя было назвать некрасивой, хотя она и не была красавицей – довольно-таки простое лицо не скрывало несколько слоёв макияжа, вошедшего в моду у придворных дам Дамары. Оно даже казалось маленьким из-за широких для её телосложения плеч. Женщина выглядела чуть старше Артемиса – пятьдесят или около того. Цвет тонких волос до плеч был чем-то средним между серым и рыжевато-белокурым, но отнюдь не блестящим, как это могло показаться вначале.

На незнакомке было просто платье светло-голубого цвета. Низкие туфли никак не сочетались с окружавшими их грязью и камнями – такие бы больше подошли для прогулок по городу, подумал Энтрери. И, уж конечно, никакой отшельник не нацепил бы такую обувь вдали от столицы.

Энтрери почувствовал пристальный взгляд Джарлакса и, обернувшись, увидел натянутую улыбку друга.

– Приветствую тебя, леди Тазмикелла, – произнёс дроу и, склонившись в глубоком поклоне, взмахнул своей широкополой шляпой.

Артемис, озадаченный происходящим, посмотрел на женщину и заметил, что та нахмурилась.

– Ты всегда полагаешься на подобные стечения обстоятельств? – по её тону не было понятно, обеспокоена она правильной догадкой Джарлакса или же зла на то, что он узнал её.

– Я всего лишь связал одно с другим и ничего более, – учтиво объяснил дроу.

Было не похоже на то, что это впечатлило Тазмикеллу:

– Кажется, у меня для вас есть работа. Проходите.

С этими словами она развернулась и вошла в хижину, а напарники, переглянувшись и пожав плечами, последовали за ней. Волшебные сапоги Джарлакса звонко стучали даже по мягкой почве в то время, как Энтрери шёл беззвучно.

Войдя внутрь, напарники воочию убедились, что внешность бывает обманчивой, – хижина оказалась внутри очень просторной – даже слишком – и была богато украшена чудеснейшими гобеленами и коврами. На большинстве из них были сцены, изображавшие пасторальные картины жизни Дамары: пастух со своим стадом на солнечном склоне холма, женщина, поющая во время стирки на ручье, дети, играющие на турнире с длинными палками и знамёнами прославленных героев. Стол посреди комнаты украшали канделябры, соседствовавшие с красивой и надёжной посудой. Все стены были испещрены высушенными раковинами, а также приятно пахнущими травами. Над столом висела люстра с кучей ответвлений – простая, но красивая вещь, куда более подходящая для какого-нибудь помпезного зала одного из особняков в черте города.

Разглядывая убранство комнаты и обилие серебристых тонов, Энтрери понял, что Джарлак оказался прав.

– Прошу садиться, – сказала женщина.

Она указала на удобные стулья из резного дерева, стоящие вокруг стола. Наверняка далеко не дешево, решил Энтрери, коснувшись пальцами витиеватой резьбы.

– Вы не заставили себя ждать и заслуживаете того же с моей стороны, – сказала женщина.

– Вы знаете, кто мы, и хотите нас нанять, – сказал Джарлак.

– Разумеется.

– Вы не похожи на того, кто станет желать другому смерти.

Энтрери обратил внимание, что женщина побледнела, услышав предположение дроу. Это была задача Энтрери, и, когда бы они ни встречали нового перспективного нанимателя, Джарлак задавал один и тот же вопрос. Джарлаксу всегда нравилось начинать подобные беседы в резкой форме.

– Мне сказали, что вы двое достаточно опытны в... добыче нужных вещей.

– Думаю с этим у вас нет проблем, леди Таз... , – Джарлак помедлил, ожидая подсказки.

– Тазмикелла, – подтвердила она. – И, да, так и есть, спасибо, что отметили. Но вы уже, наверное, заметили, что я ни одна такая в Гелиогабалусе.

– «Золотые монеты Ильнезары», – догадался Энтрери.

– Это имя я не могу произносить без проклятий, – кивнула женщина. – Сегодня моя соперница, а некогда хороший друг. И, увы, она снова это сделала.

– Это? – хором спросили наёмники.

– Получила вещь, которую не заслуживает, – заметив непонимающие взгляды, сказала Тазмикелла и, сев на своё место, подняла руки, останавливая возможные расспросы. – Позвольте объяснить.

Женщина закрыла глаза и довольно долго молчала.

– Не так давно, – начала она нерешительно, словно не была уверена, что они поймут ход её мыслей. – Я встретила женщину, сидящую на камне в поле. Она меня не заметила, поскольку была полностью поглощена своими мыслями. Во всяком случае, так мне показалось. Она пела, её глаза были закрыты, а помыслы обращены вдаль – к тому единственному, кого она потеряла, насколько я поняла из тех немногих слов, которые сумела разобрать. Я никогда не слышала таких чувств и терзаний, звучавших в голосе, – словно она в каждую ноту вкладывала сердце и душу. Красота её песни глубоко тронула меня. Мне было нетрудно оценить это, но моя соперница...

– Ильнезара, – вставил Джарлак, а Тазмикелла кивнула.

– Ильнезара никогда не поняла бы всей красоты песни той женщины. Она бы стала высмеивать рифму слов и сокрушаться о плохой технике и мелодии. Но это были как раз те несовершенные переливы, что тронули моё сердце.

– Потому что они шли от сердца, – сказал Джарлак.

– И потому полезны, – добавил Энтрери, припоминая о стихотворении, приведшем их сюда.

– Но недостаточно хороши для Ильнезары, я полагаю, – сказал Джарлак, продолжая свою мысль. – Но красота совершенства притупила бы искренность чувств.

– Именно! – воскликнула Тазмикелла. – О, мы долго ведём этот спор. Обо всём, кажется: о живописи и скульптуре, гобеленах, песнях и историях. Я слушала многих бардов, видела, как они развлекали целые залы историями о смелых героях и их приключениях. И их слушали с неподдельным интересом и восхищением. Но стоило спросить мнения Ильнезары, моей, некогда, подруги, как она начинала убеждать меня в том, что структура повествования была построена неверно, что не были соблюдены законы и формулы, выведенные книжниками, далёкими от всего этого сброда в таверне.

– Недавно, на одном из аукционов мы поспорили из-за одной увиденной нами картины. Это были просто каракули, не вызывавшие у меня ничего кроме простого любопытства – касательно того, как это можно называть искусством, если вы понимаете, о чём я.

– Но ваша соперница смотрела на картину иначе? – спросил дроу.

– Возможно, поначалу и нет, но когда художник разъяснил ей скрытый смысл, заложенный в полотне, глаза Ильнезары вспыхнули. Никогда бы не подумала, что такие мысли могут прийти в голову при виде самой картины. Но это неважно. Само произведение было написано с учётом всех канонов, а доводы художника казались вполне очевидными, впрочем, лишь, после того как были подробно разъяснены. Таков и образ жизни людей вроде неё, понимаете? У них собственное понятие того, что такое культура, они не ценят перелива эмоций в искренней женской песне, но разделяют всё, что существует вокруг, сужая границы того, что встретит одобрение, и отторгая всё, что доступно простым людям.

– При помощи рамок и шаблонов им проще разбираться в мире искусства, – Джарлак пояснил для Энтрери, начавшему уже скучать от пространных рассуждений.

– Итак, вы хотите, чтобы мы украли не приглянувшуюся вам поначалу картину? – спросил Энтрери.

Тазмикелла рассмеялась.

– Да уж нет! Можете хоть порубить её своим славным мечом, мне всё равно. Нет, есть другая вещь, на которую Ильнезара натолкнулась незадолго до того случая и которую никогда даже не пыталась оценить по достоинству. И она хранит её лишь потому, что знает, каким сокровищем она стала бы для меня!

Наёмники непонимающе переглянулись.

– Флейта, – сказала Тазмикелла. – Флейта, вырезанная из цельного куска серого, сухого плавника. Она была сделана очень давно странствующим монахом по имени Идалия из Жёлтой Розы. Он взял этот цельный кусок уродливого, бесполезного материала и трудился над ним день за днём. Эта флейта стала средоточием всего его существования и мастерства. Он чуть не умер от голода, торопясь завершить свою чудесную флейту. И он закончил её. Флейту, рождающую прекраснейшую музыку! Ноты её были чисты, словно звук ветра в расщелинах нетронутого камня.

– И ваша соперница получила её от этого монаха?

– Идалия мёртва уже много столетий, – терпеливо пояснила Тазмикелла. – Флейта считалась потерянной. Но она как-то нашла её.

– Разве вы не можете просто купить её? – спросил дроу.

– Она не продаётся.

– Но вы сказали, что она совершенно не ценит её.

Женщина снова засмеялась и ответила:

– Она отложила её в сторону, убрала прочь, и даже не вспоминает о ней. Она ценна для неё лишь тем, что ей известно, какую боль я испытываю, не владея этой флейтой.

Наёмники снова переглянулись.

– И не только потому, что я не владею ей, – продолжала Тазмикелла, казалось бы, уже немного безумно. – Она знает, что за мука для меня и других ценителей от того, что ничьё дыхание не течёт сквозь творение Идалии. Разве вы не понимаете? Она наслаждается возможностью украсть истинную красоту у простых людей.

– Я не... – начал Энтрери, но Джарлакс перебил его.

– Это просто ужасно, – возмутился дроу. – И вы хотите, чтобы мы восстановили справедливость?

Тазмикелла поднялась из-за стола, подошла к комоду и уже через мгновение вернулась с маленьким пергаментом в руке.

– Ильнезара планирует выставку в своём магазине, – объяснила она, протягивая записку Джарлаксу.

– И она хранит флейту прямо там? – вслух усомнился Энтрери.

– Нет, она спрятана у неё дома, в уединённой башне к северо-востоку от города.

– Вы хотите, чтобы мы нанесли ей визит, пока Ильнезара будет занята своей выставкой? – спросил Джарлакс.

– Один из вас, мог бы пойти на выставку, – объяснила Тазмикелла, остановив взгляд на Джарлаксе. – Ильнезаре покажется интересным кто-то, обладающий подобного рода... красотой. Для тебя не должно представлять затруднений достать приглашение в её собственный дом.

Джарлакс скептически поглядел на неё.

– Это проще, чем вламываться в её башню, – объяснила Тазмикелла. – Она женщина не бедная и может позволить себе как покупку лучших произведения искусства, так и содержание хорошо вышколенной стражи и установку опаснейших ловушек.

– Многообещающе, – заметил Энтрери, но, несмотря на саркастичность тона, глаза его блеснули.

– Достаньте флейту, – сказала Тазмикелла, глядя прямо в лицо Энтрери. – И я вознагражу вас так, как вы и мечтать не могли. Может, сотней мешков серебра?

– А если я предпочитаю золото?

Как только эти слова слетели с его губ, и лицо Тазмикеллы исказила свирепая гримаса, – убийца понял, что он, вероятно, перешёл черту. Он слегка коснулся поля шляпы, как бы извиняясь, затем посмотрел на Джарлакса и кивнул в знак согласия.

Артемис Энтрери никогда не оставался в стороне, если ему бросали вызов. По плану он должен был спрятаться неподалёку от уединённой каменной башни и ждать появления Джарлакса с Ильнезарой, если дроу удастся достать приглашение, как намекала Тазмикелла.

В передней части тридцатифутовой башни располагался широкий каменный портик, опиравшийся на четыре изящные белые колонны, две из которых были высечены в форме атлетически сложенных мужчин, а две – в форме прекрасных женщин. Дверь башни была сделана из дорогого дерева, в её центре было искусно вырезано изображение распустившегося цветка – розы, как подумал убийца.

Дверное кольцо и замок были инкрустированы золотом, и Энтрери не мог не заметить разительного контраста между этим местом и скромным домиком Тазмикеллы.

Энтрери знал, что дверь заперта и, скорее всего, оборудована коварными ловушками и магической защитой. Однако он так и не заметил ни одного стражника, так что под покровом опускающихся сумерек начал продвигаться в сторону башни, осторожно обходя со стороны. Он заметил на гладкой поверхности каменной стены небольшой выступ, оказавшийся подоконником узкого окошка. Его пальцы машинально коснулись кладки. Артемис знал, что мог бы запросто забраться наверх.

Отметив это про себя, он решил проверить дверь.

Едва приблизившись ко входу, Энтрери сразу обнаружил первую ловушку: едва заметную пластину на полу перед дверью, чутко реагирующую на давление. Быстро разобравшись с устройством механизма, он легко его обезвредил. Затем он обнаружил вторую: пружинную иглу, мастерски скрытую внутри замка. Он достал из сумки брусочек дерева, – вещь, которую он сделал специально для подобных ловушек. В центре бруска было вырезано небольшое отверстие, которое позволяло бы вставить сквозь неё отмычку, имея некоторый простор для действий. Он просунул её внутрь, повернул несколько раз и с удовлетворением услышал глухой удар железа о дерево. Перевернув брусочек, он увидел небольшой дротик, поблёскивающий от яда. Ильнезара играла всерьёз.

Последующие несколько минут Энтрери со всей осторожностью исследовал каждый дюйм двери. Удовлетворённый тем, что он обезвредил, по крайней мере, все механические ловушки (так как обнаружить магические было намного труднее), убийца принялся за замок.

Дверь щёлкнула, открываясь.

Энтрери отскочил назад, торопясь перезарядить пластину, реагирующую на давление. Быстро двигаясь, он прыгнул на порог и тут же проскочил внутрь, рывком захлопывая дверь.

Но едва он взял отмычку, чтобы закрыть замок, дверь распахнулась внутрь, вынуждая убийцу отскочить в сторону.

– Дроу меня подери, – прорычал Артемис: на него надвигались вооружённые мраморными клинками големы, которых он ошибочно принял за статуи.

На свет показался Коготь Шарона, страшный меч Энтрери, а украшенный самоцветами кинжал сверкнул в другой руке. Но две ближайšie каменные твари даже не обратили внимания на это, одновременно нанося удар. Взметнулся Коготь Шарона, отражая атаку, и Энтрери полоснул мечом перед собой, вынуждая противников раскрыться. Затем убийца быстро отскочил в сторону и бросился вперёд между големов, по ходу ранив мечом одну и рассекая кинжалом другую. Оба клинка попали в цель, и для любого смертного создания каждый из этих ударов стал бы смертельным. Но у созданий магии не было жизненной энергии, которую мог бы высосать кинжал Энтрери, и не было души, которую Коготь Шарона сжёг бы своим прикосновением.

Энтрери знал это, и в очередной раз подумал, что легче было бы биться с существом из плоти и крови.

Но, не отвлекаясь на посторонние мысли, он с силой протиснулся меж двух мужских статуй.

Големы-женщины атаковали Энтрери быстро и яростно, со свистом рассекая воздух каменными мечами.

Неудачно перекатившись при падении, Энтрери уже не успевал подняться на ноги. Впрочем, это сыграло ему на руку: он использовал инерцию собравшихся было пнуть его големов и опрокинул их вперёд, столкнув с мужскими статуями. При этом камень треснул, в воздух взметнулась пыль, и Энтрери вскочил на ноги, атакуя големов со спины.

Как только магические создания вновь сомкнули свои ряды, Энтрери воспользовался ещё одним свойством Когтя Шарона: взмахнув клинком по широкой дуге, вызвал перед собой чёрную завесу тьмы. Воспользовавшись преимуществом, убийца отскочил в сторону, затем быстро развернулся и атаковал сразу, как только первая статуя прошла через чёрную завесу.

Коготь Шарона вновь яростно вгрызся в камень. В очередной раз отступив, Энтрери прикрылся завесой непроглядной черноты.

Слегка отдышавшись, он заметил, что две статуи были повержены и разбиты, а третья, женская, ковыляла к нему на одной ноге, тогда как вторая лежала на полу. Рядом с ней шевелился одна из мужских, по-видимому, пытаясь подняться.

Энтрери бросился вперёд, надеясь атаковать прежде, чем мужская статуя успеет подняться в полный рост. Каменный меч поднялся в воздух, но Энтрери мастерски подцепил и выбил его своим кинжалом, а затем, проскользнув мимо фигуры и пригнувшись под ударом его клинка, рубанул мечом снизу, отрубая голему-женщине вторую ногу. Она тяжело рухнула на пол, а Энтрери, кинувшись вперёд, разбил ей голову сильным ударом ноги, после чего ловко отпрыгнул, уходя от удара последней статуи.

Пару раз перекувыркнувшись, убийца тут же вскочил и остался один на один с мужским големом. Он скользнул Когтем Шарона по клинку каменного меча, и резко дёрнул вверх, поднимая вверх и оружие, и держащую его руку. Артемис шагнул вперёд и вонзил кинжал в грудь статуе, высвобождая Коготь Шарона под таким углом, чтобы он мог ударить скользящим ударом по лицу статуи. Гolem было повернулся, но ему было не успеть за ловким убийцей.

Артемис снова рубанул статую по лицу, слегка отступая назад, но это была лишь уловка, так как едва мужчина вскинул меч, чтобы отразить удар, как Энтрери развернувшись, нырнул под руку противника. Оказавшись за спиной голема, наёмник обрушил Коготь Шарона на уже повреждённую руку с мечом.

Отсечённая конечность упала на пол.

Но статуя продолжала атаковать, пытаясь воспользоваться уцелевшей рукой. Клинки Энтрери взметнулись в воздух, отрубая каменные пальцы один за другим.

Затем он быстро обрубил кисть, превратив руку в культю. Статуя попыталась боднуть его, но отколотая сильным ударом, и голова упала на пол.

– Упрямая глыба, – подумал Энтрери и, одним ударом опрокинул затихшего уже голема на пол.

Клинки убийцы мгновенно оказались в ножнах, и он осмотрелся, внимательно разглядывая комнату, в которой шёл бой. Даже прихожая походила на сокровищницу.

– Эх, не на того я работаю, – пробормотал Энтрери.

Но, пожав плечами, он принялся искать флейту Идалии. Вскоре он заметил, что разрушенные статуи постепенно разрушаются в мелкий песок, а их форма и материя двигаются обратно через открытую дверь к основанию колон – как он и ожидал.

Когда големы, наконец, вернулись на своё прежнее место, они магически восстановились, словно ничего и не произошло, а Энтрери закрыл и запер дверь. Никто из пришедших не догадался бы о визите незваного гостя.

И как только хозяйка вошла в свою башню, и убийца смог разглядеть печально известную Ильнезару, Энтрери усомнился, что причиной антипатии Тазмикеллы к её бывшей подруге было только торговое соперничество. Казалось, у Ильнезары было всё, чем Тазмикелла не обладала. Её длинные и блестящие волосы так красиво переливались оттенками, что Энтрери так и не смог понять, были ли они рыжевато-белокурыми или рыжевато-коричневыми, или, быть может, даже медными. Её голубые глаза были большими – наверно даже слишком, но на самом деле, но на самом деле они лишь подчёркивали красивое лицо. Хотя нос её был тонким и прямым, а скулы высокими и точёными, её губы были такими пухлыми и манящими, каких Энтрери никогда не видел. Она была на несколько дюймов выше, чем пяти-половиной-футовый Джарлакс, но двигалась с такой же грацией, как и проворный дроу.

– А ты и правда очень мил, – улыбнулась она дроу, игриво встряхнув густой гривой волос.

Энтрери знал, что его не могут заметить, скрытого в углу, за гобеленами и многоярусным шкафчиком с различными вазами пёстрых цветов. Но когда Ильнезара встряхнула волосами, и её лицо на миг повернулось в его сторону, он словно кожей ощутил силу её взгляда.

Она вернулась к разговору с Джарлаксом, и Энтрери тихо выбралил самого себя. Разве он когда-либо так сомневался в своих способностях? Разве бывал он раньше обманут женской красотой? Но он отбросил эти мысли и сосредоточился на разворачивающемся перед ним разговоре. Пара уже сидела на кушетке, Ильнезара прильнула к обаятельному дроу, её палец нежно вырисовывал круги у него на груди,

для чего она расстегнула две верхние пуговицы его тонкой белой рубашки. Она всё ещё говорила о столь неожиданном, но приятном знакомстве.

– Это мой образ жизни, – отвечал Джарлак. – Я бывал во многих странах, странствовал из таверны в таверну и из дворца во дворец, развлекаю и крестьян, и королей. Порой мне кажется, что моё обаяние – моя единственная защита от неизбежных предрассудков, относящихся к моему народу.

– Ты развлекаешь народ песней? Ты споёшь мне, Джарлак?

– Песней, да, но мои таланты имеют большее отношение именно к музыке.

– Ты славись своей игрой? Думаю, в моей коллекции ты найдёшь инструмент по своему вкусу.

Ильнезара грациозно поднялась с кушетки и двинулась вглубь комнаты. Энтрери знал, что там действительно хранилось много инструментов, так как он обыскал уже большую часть башни. Несколько лютен и великолепная арфа, все прекрасной работы и отличного качества, украшали дальнюю стену первого этажа.

– Должно быть, твои чудесные пальцы извлекают прелестные звуки из струн лютни, – сказала Ильнезара – довольно распутно, как подумал Энтрери – подняв лютню из мягкого чехла, чтобы показать её Джарлаксу.

– На самом деле, мой главный талант заключается в губах, – томно сказал дроу. Энтрери постарался заглушить вздох отвращения. – В губах и дыхании. Я предпочитаю флейту.

– Флейту? – эхом отозвалась Ильнезара. – Почему бы и нет, у меня есть одна с изумительным тембром, на первый взгляд и выглядит неказистой.

Джарлак подался вперёд. Энтрери задержал дыхание, не веря, что всё оказалось так легко.

Ильнезара продолжила движение вглубь комнаты.

– Хочешь взглянуть на неё? – жеманно спросила она. – Или, может, хочешь посмотреть, где я храню её?

Улыбка Джарлакса превратилась в смущённое выражение лица.

– Или, может, ты надеешься, что твой хитрый дружок уже нашёл её, и когда я открою чехол, её там не будет? – продолжала женщина.

– Моя леди...

– Он всё ещё здесь. Почему бы тебе не спросить у него? – заявила Ильнезара, и обратила свой взгляд в угол, пристально глядя прямо на спрятавшегося Энтрери.

– Поиграйте с моими друзьями! – вдруг выкрикнула Ильнезара и подняла руку, очертив круг. И тут же несколько статуэток – пара горгулий, ящерица и медведь – начали расти и изгибаться.

– С меня хватило големов! – прорычал Энтрери, выскакивая из своего укрытия.

Джарлак прыгнул с кушетки, но Ильнезара двигалась так же быстро, проскользнув за ширму и исчезнув.

– Отлично сработано, – Джарлак сказал Энтрери, когда оба бросились в погоню.

Энтрери хотел было сказать, что он обезвредил все ловушки на входе и никак не мог ожидать, что Ильнезара так подготовится, но промолчал, не зная, чем на самом деле ответить на сарказм.

За ширмой они обнаружили коридор, идущий между стеллажами с изысканными статуэтками и различными шкатулками. Недалеко впереди женская

фигура скользнула за очередную изысканно расписную ширму, и наёмники уже было подумали, что сейчас настигнут её, прежде, чем големы полностью оживут и набросятся на них.

– Тебе некуда бежать! – крикнул Джарлак, но едва он произнёс это, как они с Энтрери увидели, что стена над ширмой треснула, открывая качнувшуюся внутрь потайную дверь.

– И ты её не обнаружил? – спросил дроу.

– У меня было всего несколько минут, – возразил Энтрери, обходя ширму слева, тогда как Джарлак двинулся вправо.

Энтрери ударил в дверь первым, толкнув её плечом и ожидая, что сейчас дверь поддастся. Однако после того как дверь отварилась, и Артемис перелетел через порог, он понял, что под ногами его ничего нет. В прыжке убийца вцепился в дверь, схватившись за дверное кольцо, и держался за него, вися в воздухе пока дверь продолжала вращаться. Когда же убийца обернулся и увидел расстилающийся перед ним вид, он чуть не сорвался от удивления.

Потому что он был в освещённой магически светом комнате, колоссального размера, находящейся в межуровневом пространстве, должно быть, простирающемся далеко за пределы видимости. Служив в прошлом и состоятельным торговцам, и богатейшим пашам в Калимпорте, Артемис Энтрери не раз бывал в сокровищницах. Но никогда прежде он не видел такого количества монет, драгоценных камней и сундуков с богатствами! Холмы золота в высоту человеческого роста, словно песчаные дюны лежали на полу, играя на свету тысячами драгоценных камней, лежащих на их сияющих склонах. Мечи и броня, статуи и инструменты, чаши и восхитительная мебель были повсюду, каждая вещь демонстрировала неповторимое мастерство и опыт мастера создавшего её.

Энтрери глянул назад, увидев на пороге Джарлакса, уставившегося внутрь с не меньшим удивлением.

– Иллюзия, – сказал Энтрери.

Джарлак передвинул свою повязку с одного глаза на другой и внимательно посмотрел внутрь.

– Нет, это не иллюзия, – сказал дроу, и бросил взгляд назад на комнату у входа в башню.

Пожав плечами, Джарлак шагнул через порог и спрыгнул на пол с высоты не менее восьми футов. Слыша топот приближающихся големов, Энтрери отпустил дверное кольцо и тоже спрыгнул, в то время как дверь за ним начала медленно закрываться. Она захлопнулась с громким хлопком, и все звуки стихли.

– Выглядит прекрасно, не так ли? – спросила Ильнезара, выступая из-за груды золота.

– Боги... – прошептал Энтрери, мельком глянув на своего партнёра.

– Я слышал о таких сокровищах, добрая леди, – сказал дроу. – Но лишь в собственности у...

– Даже не произноси такого, – прошептал Энтрери, но это уже не имело значения, потому что под звуки трещащих костей, черты Ильнезары внезапно начали меняться и искажаться.

Из-за спины у неё показался огромный бронзового цвета хвост, а из плеч выросли гигантские крылья.

– Дракон, – хмуро отметил Энтрери. – Ещё один отвратительный дракон. Ты так развлекаешься, что ли? – спросил он своего партнёра. – Каждый раз одно и то же! Я за всю свою жизнь не видел ни одного из них, а как связался с тобой, имел знакомство не единожды!

– К первому нас притащил ты, – осторожно напомнил Джарлакс.

– Чтобы избавиться от того проклятого артефакта, верно! – возразил Энтрери. – Ты думаю это помнишь. Кристалл что подчинил тебя своей разрушительной воле? Разве я полез бы в логово дракона без крайней на то нужды?

– Сейчас это уже не важно, – заявил Джарлакс.

– Нет важно! – парировал Энтрери. – Ты продолжаешь таскать меня по мерзким драконам.

Тяжкая поступь Ильнезары отвлекла наёмников от спора.

– Я могу вполне обойтись без пренебрежительных эпитетов, спасибо, – сказала она, когда на неё обратили внимание. Её голос звучал почти так же, как тогда, когда она выглядела, как человеческая женщина, за исключением того, что он был во много раз громче.

– Подозреваю, нам не нужно беспокоиться об атаке големов – сказал Джарлакс.

Дракон улыбнулся, и ряды зубов длиной в руку Энтрери блеснули в магическом свете.

– Ты забавляешь меня, милый дроу, – сказала она. – Хотя мне искренне жаль, что ты не так мудр, как мне показалось. Пытаться обокрасть дракона по приказу глупца вроде Тазмикеллы? Ведь это она вас послала, верно? Глупая женщина никогда не могла понять, почему я всегда беру над ней верх.

– Давай, – прошептал Джарлакс, и убийца кинулся влево, тогда, как дроу быстро отступил вправо.

Но дракон тоже начал действовать, дохнув огнём прямо перед собой.

Энтрери вскрикнул и несколько раз перекатился, не зная, чего ожидать. Над ним пронёсся жар драконьего дыхания, но убийца, судя по всему, остался цел.

– Вы не сможете ни победить, ни сбежать, – сказала Ильнезара. – Но скажи мне, милый дроу, пришёл бы ты сюда, зная о моей истинной сущности?

Энтрери увидел, что Джарлакс просто стоит перед драконом, беззащитный перед огромной рептилией. И выражение его лица было единственным ответом, который требовался сейчас Ильнезаре.

– Думаю, нет, – произнесла она. – Так ты признаешь поражение?

Джарлакс лишь пожал плечами и развёл руки в стороны.

– Хорошо, хорошо, – сказала дракон.

Раздался треск костей, и вскоре Ильнезара вновь приняла человеческий облик.

– Я не знал, что медные драконы столь сведущи в изменении формы, – сказал дроу, неплохо совладав со своим голосом.

– Я потратила много лет, обучаясь этому искусству у архимага, – отозвалась Ильнезара. – Течение столетий может быть довольно скучным, ты же знаешь.

– Да, знаю, – ответил дроу. – Хотя мой друг...

Он махнул рукой в сторону Энтрери.

– Твой друг, который всё ещё думает, что ранить меня своим крохотным кинжалом или отрубить мою своим могучим мечом? В самом деле, это очень грозное оружие, – сказала она Энтрери. – Хочешь проверить его на Ильнезаре?

Убийца сердито посмотрел на неё, но не ответил.

– Или, может, ты отдашь свой клинок мне, в обмен на ваши жизни?

– Да, он так и сделает, – быстро ответил Джарлак.

Энтрери хмуро посмотрел на друга, но понял, что ему действительно нечего возразить.

– Или, возможно, – протянула Ильнезара. – Вместо этого вы согласитесь сослужить мне службу. Да, вы, кажется, идеально подходите для этого дела...

– Тебе нужно что-нибудь украсть у Тазмикеллы, – рассудил Энтрери.

Ильнезара рассмеялась и сказала: «Да что у неё может быть такого, что заинтересует меня? Конечно же, ничего. Я хочу её смерти»

– Убить её? – эхом отозвался Джарлак.

– Да, мне надоела эта видимость нашей дружбы, или дружеского соперничества. Я не хочу ждать несколько десятилетий, пока старость не возьмёт её или не сделает её слишком дряхлой для того, чтобы продолжать её глупые игры. Убейте её не вызвав притом подозрений у властей. И если вы сделаете это, тогда я, возможно, забуду ваш проступок.

– Возможно? – спросил дроу.

– Возможно, – ответила дракон, и когда наёмники заколебались, она добавила:

– Думаете, вам под силу заключить более выгодную сделку?

Энтрери наблюдал, как напряглась Тазмикелла, заметив Джарлакса, небрежно сидящего в кресле в глубине её скромной хижины.

– Вы достали флейту Идалии? – не дыша, спросила она.

– С трудом, – отозвался дроу. – Кажется, вы не вполне проинформировали нас касательно соотношения сил в вашем соперничестве.

Энтрери следил за реакцией Тазмикеллы из своего неприметного укрытия чуть в стороне. Они с Джарлаксом согласились, что, если женщина знала истинный облик Ильнезары, они действительно её убьют, причём без сожалений.

– Я говорила вам, что она хорошо защищена, – начала говорить Тазмикелла, и снова напряглась, когда кинжал упёрся в её спину.

– Что ты делаешь? – спросила она. – Я наняла вас чест... – она сделала паузу. – Она послала вас обратно убить меня, не так ли? Она золото вам золото взамен моего серебра.

Энтрери едва расслышал её вопрос. Он ещё даже не уколол её своим вытягивающим жизнь кинжалом, и всё же зачарованный клинок посылал по его руке такую волну энергии, что волосы вставали дыбом. Растерянный и смущённый, убийца поднял свободную руку, положив её на плечо Тазмикеллы, и толкнул.

С тем же успехом он мог бы попытаться сдвинуть гору. Энтрери застонал и, убрав кинжал, отступил на шаг.

– Восьмилапая королева демонов меня подери, – пробормотал он, отходя в сторону и с отвращением качая головой.

Он взглянул на Джарлакса, с любопытством смотрящего на развернувшуюся сцену.

– Она? – спросил дроу.

Энтрери кивнул.

Тазмикелла вздохнула и сказала: «Моя собственная сестра послала вас чтобы убить меня...»

– Ваша сестра? – округлил глаза дроу.

– Одного дракона для тебя недостаточно, да? – зарычал Энтрери на Джарлакса. Теперь ты втянул меня во вражду сразу двух!

– Всё, что вам надо было сделать – это украсть простую флейту, – спокойно сказала им Тазмикелла.

– У дракона, – напомнил Энтрери.

– Я думала, вы сообразительны и проворны.

– Было бы лучше, если бы нам была известна сила нашего врага.

– А теперь вы пришли чтобы убить меня, – сказала Тазмикелла. – О, тут уже нет места верности.

– На самом деле мы не собирались вас убивать, – сказал Джарлакс.

– Это ты сейчас так говоришь.

– Если бы мы выяснили, что вы знали, что посылаете нас в логово дракона, тогда да, мы могли бы убить вас, – добавил Энтрери.

– Вы должны принять во внимание, что мой друг не вонзил клинок вам в спину, – сказал дроу. – Мы пришли поговорить, а не убивать.

– Итак, теперь, когда вы осведомлены о моих... возможностях, вы желаете договориться? Может, мне стоит уговорить вас пойти и убить Ильнезару."

– Моя добрая... леди, – сказал дроу, и склонился в учтивом поклоне. – Мы предпочитаем не впутываться в подобные распри. Мы воры – скажу честно! – но не убийцы.

– Могу представить себе дроу, которого я не прочь убить прямо сейчас, – сказал Энтрери, и он ощутил некоторую надежду, заметив, что Тазмикелла удивлённо усмехнулась.

– Я бы посоветовал вам и вашей сестре решить эту проблему разумно. Путём переговоров, а не сражения. Ваш король носит имя Драконобор, не так ли? Сомневаюсь, что Гарета порадует, если его столица будет уничтожена битвой двух великих драконов. -

– Да, дорогая сестра, – прозвучал другой голос, и Энтрери снова застонал.

Джарлакс поклонился ещё ниже, когда Ильнезара вышла в круг света, словно появилась из ниоткуда.

– Я же тебе говорила, что они не станут попытаться убить меня, – отозвалась Тазмикелла.

– Только потому что вон тот выяснил твою истинную природу прежде, чем вонзил в тебя свой кинжал, – возразила Ильнезара.

– Это не совсем верно, – сказал Энтрери, но они его не слушали.

– Полагаю, я не смогла бы осудить их, если бы они действительно попытались меня убить, – сказала Тазмикелла. – В конце концов, приказ им отдал дракон.

– Самосохранение – сильный стимул, – согласилась её сестра, придвигаясь к Джарлаксу.

Ильнезара потянулась и расстегнула его рубашку, снова принимаясь вырисовывать длинным пальчиком линии на его груди.

– Значит, хочешь поиграть со мной, прежде чем убить? – спросил её Джарлакс.

– Убить тебя? – произнесла Ильнезара с наигранным ужасом. – Милый дроу, ну как я могу пожелать чего-то такого? О нет, у меня есть на тебя планы, но будь уверен, твоего убийства в них нет.

Она прижалась чуть ближе, когда говорила, и Джарлакс ухмыльнулся, по-видимому, весьма польщённый.

– Она дракон! – сказал Энтрери, и все трое посмотрели на него.

В голосе Артемиса Энтрери обычно было немного эмоций, но эти три слова прозвучали столь выразительно, что они поразили присутствующих так сильно, как если бы он бросился через всю комнату, схватил Джарлакса за ворот, поднял его над землёй, и швырнул в стену, яростно крича:

– Ты с ума сошёл?!

– Этот совсем лишён воображения, – сказала Ильнезара сестре. – Он практичен.

– Он скучен, – поправилась Ильнезара. Она притворно улыбнулась Энтрери. – Скажи-ка мне, человек, когда ты идёшь по грязной тропе, тебя не интересует, кто может скрываться внутри золочёной кареты, что проезжает мимо?

– Ты дракон, – сказал Энтрери.

Ильнезара посмеялась над ним.

– Ты понятия не имеешь, что это значит, – посулила Ильнезара.

Она обвинила Джарлакса рукой и притянула к себе.

– Я знаю, что если ты сдавишь посильнее, кишки Джарлакса вылезут у него изо рта, – сказал Энтрери, вызвав у Ильнезары надменную улыбку.

– У него нет воображения, – заверил её Джарлакс.

– Ты слишком ограничен, – сказала Энтрери Ильнезара. – Может, тебе стоит поближе познакомиться с моей сестрой.

Энтрери потёр лицо ладонью и взглянул на Тазмикеллу, которую, казалось, происходящее забавляло.

– Довольно, – объявила Тазмикелла. – Всё решено.

– В самом деле? – спросил Энтрери.

– Вы теперь работаете на нас, – объяснила Ильнезара. – Вы, в самом деле, продемонстрировали свои ум и сноровку, несмотря на то, что один из вас начисто лишён воображения...

– Нам нужно было всё понять, что вы из себя представляете, – добавила её сестра.

– То есть всё это была лишь проверка? – спросил Джарлакс.

– Конечно, – сказала Ильнезара.

– Драконы... – пробормотал Энтрери.

– Так вы двое не хотите сражаться насмерть?

– Разумеется, нет, – засмеялись сёстры.

– Мы хотим преумножить наши сокровища, – сказала Тазмикелла. – Вот зачем вы нужны. У нас есть карты, которые нужно исследовать, и слухи, которые нужно проверить. И вы поможете нам в этом.

– Не сомневайтесь, мы щедро вознаградим вас, – промурлыкала Ильнезара.

Она притянула Джарлакса ближе, заставив его невольно захрипеть.

– Она дракон, – сказал Энтрери.

-Деревенщина, – бросила Ильнезара. Она снова засмеялась, затем бесцеремонно встряхнула Джарлакса и позволила ему отодвинуться к двери. – Возвращайтесь в своё жилище. Мы вскоре пришлём вам кое-какие распоряжения.

– От вас потребуется осмотрительность, – добавила её сестра.

– Разумеется, – сказал Джарлакс и низко поклонился, взмахнув своей шляпой с плюмажем.

– Ах да, вот ещё что, – сказала Ильнезара. Она достала простенькую на вид флейту из серого плавника. – Вы её заслужили, – сказала она. Драконша сделала вид, что бросает её дроу, но повернулась и вместо того бросила её Энтрери. – Изучи её как следует – чтобы развлечь меня, но также и для того, чтобы обнаружить толику её собственной магии. И возможно со временем, ты сумеешь лучше оценить красоту, которую прежде понять не мог.

Джарлакс ухмыльнулся и снова поклонился, но Энтрери просто засунул флейту за пояс и направился напрямик к двери, желая убраться подальше, пока это ещё возможно. Он прошёл мимо Тазмикеллы, думая выйти прямо в ночь, но она подняла руку и остановила его.

– Осмотрительность, – напомнила она.

Энтрери кивнул и скользнул в сторону, выходя в туманную ночь, Джарлакс сразу последовал за ним.

– Я думаю, сработано неплохо, – сказал дроу, двигаясь рядом с ним.

Джарлакс протянул руку и ухватил друга за плечо, и под прикрытием этого жеста другая рука дроу проскользнула за его спиной, мягко вытягивая флейту из-за пояса Энтрери.

-Драконы... – заявил Энтрери.

Он оттолкнул руку Джарлакса и, прикрываясь этим движением, другая его рука мелькнула, тайно забирая флейту, как только Джарлакс сунул её за пояс.

– Ты и правда так невежественен, как жаловалась прекрасная Ильнезара? – спросил дроу, снова шагая рядом с партнёром. – Где твоё воображение, приятель? Разве у нас когда-нибудь были более состоятельные покровители? Или более очаровательные?

– Очаровательные? Они драконы!

– Ну да, – самодовольно сказал Джарлакс, кажется, восхищённый этим фактом.

Конечно, это не помешало ему ещё раз скользнуть рукой наискось, опять освобождая Энтрери от волшебной флейты. Дроу завёл её дальше за спину, к поджидающей петле на поясе – магической петле, которая сжималась и мешала пальцам вора.

Вот только то, что Джарлакс считал петлёй, на самом деле было сложенными пальцами Энтрери, так что убийце не потребовалось много времени, чтобы вернуть флейту.

Такова уж дружба двух воров.

СЕРПЕСТРИЛВИТ

Ричард Бейкер

Фламерул, год Знамени

В самый жаркий день лета Эрзимар въехал в пыльный город с отрядом Серебряного Ястреба за спиной. Когда Эрзимар и его спутники проезжали мимо, бондарь поднял голову от своей работы, сжимая в широких руках железный обруч. Небольшая группа женщин, разговаривавших друг с другом в тонкой тени корявого дуба, прекратила сплетничать, чтобы посмотреть на путников.

Полуэльф Гетред со скрипом кожи спешил с коня и отбросил плащ с плеч, оставив рукоять меча свободной. Несмотря на жару, красивый мечник носил нагрудник из стали с золотой чеканкой. Пот и пыль покрывали его лицо. Одним медленным взглядом он окинул сухую голую землю, крытые соломой дома и мастерские.

– Как называется этот город? – спросил он.

– Озеро Пелдит, – ответила Исильдра. Она тоже была одета в кольчугу и кожу, хотя на ее плаще красовался бессонный глаз религии Хельма. Она сняла перчатки и вытерла сильными руками лоб, хмурясь при виде грязи на себе. – Во всяком случае, так говорили в Элтуреле.

Эрзимар спустился со своего коня. Невысокий и жилистый, Эрзимар не так сильно страдал от знойной летней жары, как его спутники. Он был шааранцем, родом из знойных городов у Парового озера, с золотисто-бронзовой кожей и прямыми черными волосами. На поясе он носил короткий изогнутый скимитар. Но его любимым оружием был посох из богатого красного дерева, который висел на седельной луке.

– Вот и постоялый двор, – сказал он.

– Сойдет, – сказал дварф Брагор, осторожно спускаясь на землю со своего крепкого пони. Круглый и крепкий, как дубовая бочка, неразговорчивый гном не очень любил ездить верхом, а в жаркий день – и того меньше. – Мне все равно, та это деревня или нет, сегодня я не проеду больше ни мили.

Ваасанский воин Мургольм последовал его примеру, бросив угрюмый взгляд на уставившихся на них горожан и стряхнув пот со своих длинных черных волос. Мургольм почти не говорил на Общем, но немного владел дварфийским и поэтому старался держаться поближе к Брагору, который при необходимости переводил для него.

Они повели своих лошадей во двор гостиницы, затененной высокими пыльными тополями. Навстречу им поспешил молодой конюх с неуклюжими

длинными руками и ногами и копной рыжих волос, моргая от солнечного света. Он стоял и смотрел на путников, и на его пустой взгляд ответил Гетред.

– Позаботься о наших лошадях, парень, – позвал Гетред. – Не давай им пока пить, им жарко. Занеси наши седельные сумки и вьюки, когда закончишь.

– Да, господин!

– Итак, парень, где можно найти что-нибудь, чтобы смыть дорожную пыль с горла?

– Вон там, господин, – сказал конюх. Он указал на дверь трактира. – Внутри есть таверна. – Он снова уставился на путников, его лицо напряглось, когда он попытался что-то сказать. Эрзимар обменялся взглядом со своими спутниками, пока они ждали. Брагор отвернулся с суровым проклятием, устав ждать, но тут парень освободился от своего паралича и в порыве взволнованно спросил:

– Вы здесь из-за дракона?

Эрзимар просто кивнул мальчику. Мальчик-конюх изумленно смотрел, как путники стряхивают дорожную пыль с плащей и входят в теплый полумрак общего зала постоянного двора. Послышались тяжелые шаги по скрипучим половицам, и появился трактирщик – невысокий, крепкий мужчина с блестящим потом на лысине. Его лицо было желтоватым, с седой щетиной, обелившей щеки, и маленькими, быстрыми глазами.

– Добрый день, путники, – начал он. – Я – Ротас, хозяин этого дома. Сколько комнат вам понадобится?

– Мы возьмем три, – сказал Гетред. – А также любой хороший эль, который есть у вас в ледяном погребе, и что-нибудь поесть. Чем быстрее, тем лучше.

– Конечно, господин...

Трактирщик замешкался, точно так же, как и конюх.

Эрзимар сжалился над ним и сказал:

– Да, Ротас, мы пришли из-за дракона.

Через два часа Эрзимар снова чувствовал себя почти комфортно. Его жажда была утолена, под ребрами была хорошая еда, и он даже нашел полчаса, чтобы окунуться в холодное озеро неподалеку. Он сидел вместе с Гетредом, Брагором, Мургольмом и Исильдрой на пяти деревянных креслах, выстроенных вдоль одной из стен общего зала трактира. Напротив них сидели полдюжины старейшин озера Пелдит. Еще две дюжины зрителей столпились в глубине комнаты, молчаливые и настороженные.

Среди старейшин были трактирщик Ротас и бондарь Этерн – тот самый парень, которого Эрзимар видел, когда въезжал в город.

– Мы все здесь, старейшины, – сказал волшебник. – Давайте послушаем, что вы хотите сказать.

Старейшины переглянулись, и бондарь Этерн встал. Говоря, он сплел свои сильные руки вместе.

– Спасибо, что откликнулись на наш призыв, – начал он. – Когда прибудет остальная часть вашего отряда?

– Мы, – сказал Гетред с кривой улыбкой. – Отряд Серебряного Ястреба, пять человек. Я – Гетред Хестелл из Эверлунда. Это Бдительная Исильдра из Храма

Хельма, Брагор Железнорукий, Мургольм Стоевск из Ваасы и Эрзимар Дал Тирза из Иннарлита, наш волшебник.

Этерн изучал их, задумчиво потирая свою длинную челюсть, затем спросил:

– Пятерых вас будет достаточно?

– Это зависит от вашего дракона, – ответил Эрзимар. – Мы не сможем помочь вам, если придется иметь дело с древним красным драконом. В таком случае я бы посоветовал вам собрать свои вещи и покинуть город. – Он заметил потрясенные выражения на лицах старейшин и добавил: – В любом другом случае мы, скорее всего, сможем помочь.

– Он большой, но не настолько, – сказал бондарь. – Сильный, быстрый, с сердцем черным, как гнилое дерево. Злобный зверь.

– А еще он чертовски умен, – пробормотал Ротас.

Эрзимар откинулся на спинку стула и стал изучать старейшин. Он сразу увидел, что они напуганы. Напуганы до ужаса. Никто не хотел встречаться с ним взглядом. Горожане устали на половицы или нервно переминались с ноги на ногу.

– Послушай, Этерн, чего бы это ни стоило, мы уже убивали драконов раньше. Мы поймали черного у Высокой Пустоши и молодого, но сильного красного в Горах Меча. Мы знаем, на что идем. А теперь расскажите нам вашу историю с самого начала.

Бондарь посмотрел на своих товарищей-старейшин, которые устало пожали плечами и кивнули в ответ.

Он снова повернулся к Серебряным Ястребам и сказал:

– Все началось примерно четыре декады назад. Мы начали терять домашний скот. В этом нет ничего необычного – время от времени тролли совершают набеги на отдаленные фермы. Но мы не увидели никаких следов. Тогда шел дождь, и пастбища были грязными. Тролли, утаскивающие коров, оставили бы много следов.

– Конечно, позже мы поняли, что это дракон уносит скот на крыльях. Так или иначе, после того как это продолжалось несколько ночей, мы собрали роту дозорных, чтобы охранять пастбища. Две дюжины лучников, группами по четыре человека, плюс несколько человек, имеющих опыт борьбы с чудовищами: Элзур, наш городской колдун; брат Сторт, клирик Летандера; и Сельран, вот этот, – бондарь кивнул на высокого рыжеволосого парня, который стоял в глубине комнаты, безучастно уставившегося в пол, – он преследовал гноллов в холмах.

– Я еще не знал достаточно, чтобы бояться, – сказал Ротас, хозяин гостиницы.

– Пять ночей прошли без происшествий, – продолжал бондарь, – и некоторые люди решили, что то, что бы то ни было, ушло дальше. Но на шестую ночь... на шестую ночь опустилась тьма. Насколько мы смогли разобрать позже, он напал на Элзура и лучников с ним и убил их всех своим дыханием, прежде чем они успели понять, кто это был. Затем он повернул на соседний дом. Считая Элзура и наших стражников, за одну ночь погибло десять человек. Для города размером с Озеро Пелдит это немало.

– Могу себе представить, – сказал Эрзимар. – Продолжай.

Бондарь прочистил горло и сказал:

– Ну, мы поняли, что у нас серьезные проблемы. Мы послали за компанией искателей приключений, отрядом наемников, которые исследовали старые руины

неподалеку. Они согласились нам помочь. Братство Расколотого Щита, или Товарищи по Щиту, как они себя называли.

– Братство Щита прочесывали местность несколько дней – Сельран пошел с ними, потому что никто не знает близлежащие земли лучше, – и нашли пещеру дракона в холмах в нескольких милях отсюда. Две декады назад они отправились в путь, разобраться с чудовищем. Но никто из них не вернулся. Дракон убил их всех. Только Сельран вернулся, чтобы рассказать эту историю.

Эрзимар поерзал в кресле, посмотрел на рыжеволосого следопыта, прислонившегося к задней стене, и спросил:

– Ты видел, как дракон убил их?

Парень поднял голову. Его лицо было залито потом, а глаза казались бледными и расфокусированными, как будто он смотрел на далекие и ужасные вещи.

– Нет, – выдавил Сельран. – Они наняли меня в качестве проводника по местным землям, а также помогал следить их лошадьми. Я не входил в пещеру. Дракон позвал меня, когда все закончилось. Велел мне бежать домой и нести его требования о дани. – Он снова опустил взгляд на пыльные половицы. – Его зовут Серпестрилвит.

– Вы заплатили ему дань? – спросил Эрзимар у Этерна.

– Мы пытались. Наскребли тысячу золотых монет, двадцать голов скота, шесть бочонков хорошего вина – это было нелегко. Потом, когда мы отправили повозку туда, куда велел дракон, напала банда троллей... и забрали все. Мы думаем, что дракон подговорил их, потому что на следующий день он убил маленького мальчика и сказал его отцу, что городу лучше предложить другой выкуп взамен того, что забрали тролли.

Дварф Брагор кивнул, его борода растрепалась на груди, и сказал:

– Да, это старый драконий трюк. Украсть выкуп, который ты требовал, и получить двойную плату.

– Мы долго и упорно спорили о том, стоит ли платить еще раз. Старейшина Торбат самым решительным образом возражал против этого. Он заметил, что с таким же успехом мы могли бы потратить эти деньги на наем драконоборцев, чтобы избавиться от чудовища.

Эрзимар посмотрел на старейшин и спросил:

– Простите, но я не помню, кто из вас Торбат?

Бондарь отвел взгляд и сказал:

– Его здесь нет, господин. Он мертв. Дракон однажды ночью прокрался прямо в центр города и убил его прямо в постели.

– Он узнал, что от Торбата исходят неприятности, и позаботился о нем, – сказал трактирщик. Он неловко кашлянул. – После этого мы послали весть о том, что нам нужен драконоубийца.

– Похоже, дракон хорошо осведомлен о делах в городе, – пробормотал Гетред волшебнику на эльфийском.

– Это не неожиданно, – ответил Эрзимар на том же языке. – Он может быть искусным колдуном; многие драконы такие. Несколько заклинаний прорицания легко позволят ему следить за происходящим здесь. На всякий случай я защитил нас от наблюдения.

– У него может быть кто-то, кто шпионит для него.

– Или у него могут быть шпионы, да. Не будем пока ничего исключать, – ответил Эрзимар. Он перевел взгляд на следопыта, прислонившегося к задней стене, и снова заговорил на Общем. – Сельран, ты видел дракона?

– Да. Только мельком видел чудовище, когда он звал меня из своей пещеры.

– Какого цвета он был и какого размера? Размером с лошадь? Повозку? Дом?

– Я не уверен насчет цвета. Он был темным. Что касается размера, я бы сказал, что он размером с большую ломовую лошадь. – Следопыт оглядел зал. – Он мог бы пролезть в эту дверь, но с трудом. С крыльями, хвостом и всем остальным он почти заполнил бы эту комнату.

Эрзимар кивнул. Скорее всего, взрослый, но не особенно старый и сильный, по крайней мере, если говорить о драконах. Драконы росли на протяжении всей своей жизни, и действительно старые драконы могли быть невероятно большими и могущественными. Он оглянулся на представителя города.

– Вы видели, чем он дышал? Огнем, кислотой, молнией?

– Его дыхание – это мерзкий, удушливый, ядовитый туман. Он может убить всех в большом фермерском доме, выдув свой яд в дверь или окно.

– Те, кто умирал от его дыхания – их кожа была разъедена? Сморщена и отслоена?

Этерн побледнел, но кивнул и сказал:

– Да, так оно и было.

– Значит, зеленый. Без сомнения, – пробормотал Брагор.

Он наклонился к Мургольму и объяснил разговор ваасанца на дварфийском.

– Вы можете нам помочь? – спросил трактирщик Ротас.

– Да, – ответил Эрзимар. – Не стоит относиться к этому легкомысленно, но мы уже побеждали драконов такого размера. Не зеленых, но мы знаем, что нужно делать, я думаю. – Он посмотрел на своих спутников, ища несогласия и не найдя его. Затем он повернулся к старейшинам. – Давайте обсудим подходящую плату за убийство вашего дракона.

Остаток дня и весь следующий они отдыхали на Озере Пелдит. Компания вооружилась и приготовилась к экспедиции к логову дракона, и наняли следопыта Сельрана, чтобы показать им путь. Они выехали на холмы над городом в короткий прохладный час после восхода солнца. Сельран ехал впереди, одетый в пропотевшую кожаную куртку с железными кольцами и длинным тисовым луком за спиной.

День был тихий и знойный. Далекая полоса грозовых туч медленно собиралась на туманном западе, но низкий гром грохотал весь день, так и не приблизившись. Они перебирались через бесконечные, покрытые зарослями хребты и плескались в болотистых лощинах, мелких и грязных после летней засухи.

За час до заката Сельран привел их к разрушенному охотничьему домику у заросшего тростником озера.

– Мы все еще в пяти милях от пещеры дракона, – сказал следопыт. – Я не осмеливаюсь подводить лошадей ближе, иначе он может учуять их и найти нас ночью.

– На всякий случай мы укрепим это место нашими заклинаниями, – ответил Эрзимар. – Нельзя допустить, чтобы Серпестрилвит застал нас спящими.

Пока маг творил свою магию и ставил заслоны, Гетред и Мургольм ухаживали за лошадьми, а Брагор, как мог, готовил еду, не зажигая огня. Исильдра и Сельран стояли на страже, наблюдая за темнеющим небом и теплым, неподвижным лесом. Следопыт стоял в тени деревьев и наблюдал за работой Серебряных Ястребов, его лицо было сурово нахмуренным.

– Что такое, Сельран? – спросила Исильдра. – Что тебя беспокоит?

– Ничего, – ответил он. Затем, спустя мгновение, он вздохнул и сел на старый пенёк, срубленный около домика. – Просто... вы так похожи на других.

– Других? – Исильдра какое-то время безучастно смотрела на него, потом кивнула. – А. Братство Расколотого Щита.

Сельран бесстрастно кивнул и сказал:

– Я привел их в пещеру другим путем – было бы глупо идти по одной и той же тропе дважды. Но это похоже на... – Казалось, он боролся с собой, подыскивая нужные слова, а затем, пожав плечами, сказал. – Я боюсь за вас всех.

Жрица Хельма кивнула и сказала:

– Мы будем осторожны, Сельран. Крайне осторожны.

– Братья Щита говорили то же самое.

Эрзимар вернулся после установки магической защиты и с легкой улыбкой присоединился к разговору.

– Да, но ты забываешь – у нас есть преимущество перед Расколотыми Щитами. Мы знаем, что этот дракон убил отряд драконоборцев. Ничто так не обостряет чувство осторожности, как их пример.

Исильдра положила руку на руку Сельрана и сказала:

– Хельм вознаграждает за бдительность, Сельран. Смотри в оба и говори, когда тебя что-то беспокоит. Мы выслушаем. Ты знаешь этого дракона, ты знаешь эту местность. Твоя интуиция может стать нашим лучшим оружием.

Следопыт опустил на пенёк, упершись локтями в колени, не сводя глаз с пустого леса на другой стороне озера.

– Сомневаюсь, – тихо сказал он. – Это чертовски умный дракон.

Всю ночь они дежурили по очереди, и даже те, кто не нес вахту, спали с оружием наготове, с застегнутыми кольчужными рубашками или нагрудными пластинами, готовые в любой момент встать и вступить в бой. Но ночь прошла без происшествий, хотя в какой-то момент Сельран закричал во сне, чем вызвал у всех тревогу.

После этого Гетред отвел Эрзимара в сторону, и они отошли на некоторое расстояние от лагеря. Полуэльф наблюдал за Эрзимаром через плечо, положив руку на рукоять меча, когда заговорил.

– Что ты думаешь о следопыте? – негромко спросил он на эльфийском.

– Мне он кажется шатким, – признался Эрзимар. – Хотя не знаю, стоит ли его винить. Подумай, какое мужество нужно иметь, чтобы вернуться в логово дракона после того, как ты видел, как он убил целую группу героев.

– Полагаю большим мужеством, чем в первый раз. Но все же... не думаю, что нам стоит рассчитывать на него, если до этого дойдет.

Эрзимар пожал плечами и ответил:

– Если он сбежит, я не вижу в этом ничего плохого. Мои планы не зависят от Сельрана никоим образом. Хотя мне будет жаль парня. Если он уйдет, надеюсь, он сможет найти в себе силы простить себя.

Гетред фыркнул.

– Надеюсь и я найду в себе силы простить его, – сказал он. Гетред посмотрел в лицо волшебнику, и его глаза были темными и серьезными. – Не жди, что он сильно поможет, Эрзимар.

Незадолго до восхода солнца они пешком покинули лагерь и последовали за Сельраном через ближайший хребет. Следопыт провел их по лесистому склону холма несколько миль, прежде чем они начали спускаться к заваленному валунами руслу реки. Ручей, струившийся по пыльным камням, был темным и медленным в летнюю жару. Через полмили Сельран сделал еще один привал в густой роще.

– Там, – сказал он шепотом. – С этой стороны в двухстах ярдах.

Эрзимар проследил за взглядом следопыта и увидел пещеру – широкую горизонтальную щель высотой с человека, но около тридцати футов от края до края. Вход располагался низко, всего на несколько футов выше сухих валунов и выбеленных коряг, отмечавших уровень воды в реке, но казалось, что внутри она круто поднимается вверх.

– Я вижу, – сказал он. – Это достаточно близко. Прежде чем мы пойдем дальше, я должен позаботиться о нашей магической защите.

Следопыт резко поднял голову и спросил:

– У вас есть защитные заклинания?

– Исильдра воспользуется своими святыми молитвами, чтобы защитить нас от дыхания дракона, а также укрепит и усилит нас. Я защищу каждого из нас от его зубов и когтей и наложу заклинание темного зрения. А оружие зачарую заклинаниями, поражающими дракона.

– Ты можешь сделать нас невидимыми?

– Могу, но это мало поможет. Драконы легко видят большинство таких заклинаний. – Эрзимар посмотрел на высокого следопыта и понизил голос. – Итак, ты останешься здесь или хочешь пойти с нами внутрь? Мне нужно знать, прежде чем я начну свои заклинания.

Сельран побледнел. Он облизнул губы и устремил взгляд на устье пещеры. Он заметно вздрогнул и провел рукой по лицу.

«Я не должен был спрашивать, – упрекнул себя Эрзимар. Я опозорил его».

Волшебник мог только представить, с каким смертельным ужасом боролся следопыт.

– Тебе не нужно идти, Сельран, – добавил он тихо. – Я бы не возражал против часового снаружи, чтобы предупредить нас о драконе, если он кружится позади нас незамеченным.

– Нет, – сказал Сельран. – Нет, я пойду.

Гетред, стоявший неподалеку, хлопнул следопыта по плечу, а затем отвернулся, чтобы заняться своим оружием.

Эрзимар и Исильдра быстро и тихо начали творить заклинания и чары, а остальные стояли на страже на случай внезапного нападения.

Жрица прошептала священные слова и окропила святой водой каждого из Серебряных Ястребов, ее священный символ засиял голубым светом от силы Бога Бдения. Эрзимар уверенно произносил слова заклинания за заклинанием, осыпая своих спутников щепотками толченого алмаза и накладывая на них мощные заклинания. Защищенный таким образом, воин мог выдерживать любые удары, кроме самых сильных, и наносить ужасные раны своим зачарованным мечом. Закончив с последним заклинанием, он взял свой посох и жестом указал на логово дракона.

– Быстро, но не бездумно, – сказал волшебник. – Заклинания не будут действовать вечно.

Гетред кивнул и пошел впереди, рысью направляясь к пещере. Брагор и Мургольм последовали за ним, держа оружие наготове. Затем Эрзимар и Исильдра вышли из укрытия и последовали за ними, держась поближе к воинам впереди. Сельран тихо шел в нескольких шагах позади, его лук был натянут, а в руке была зажата стрела. Они легко пересекли высохшее русло реки и вскарабкались вверх, к темной пещере. Камни скрипели и хрустели под их сапогами, и Эрзимар вздрагивал при каждом шаге.

«Должно быть, он знает, что мы идем, – подумал он. – У драконов необычайно острые чувства. Он узнает, что мы здесь».

При мысли о том, что дракон поджидает их, у него скрутило живот, но волшебник взял себя в руки и держался рядом со своими спутниками. Пригибаясь под нависающей скалой в устье пещеры, Ястребы пробрались внутрь, моргая, когда переходили от залитого солнцем ручья к глубоким теням пещеры. Эрзимар уловил запах дракона – резкий, едкий, как из коптильни, болезненный для носа и горла.

Гетред остановился перед ним и кончиком меча указал на пол пещеры. Эрзимар взглянул вниз и сразу же увидел драконью нору – широкую дорожку в рыхлой породе, где его брюхо отполировало обломки, когда он входил и выходил из пещеры. Она была почти в ярд шириной. Он резко кивнул полуэльфу, и Гетред осторожно пробрался вглубь пещеры, следуя извилистому туннелю в глубине склона.

Проход оказался трудным и неровным, он то резко поднимался вверх, то резко опускался вниз, а пол имел V-образную форму, что не позволяло стоять на ногах ровно. Змеевидное существо с острыми когтями и гибким телом могло использовать узкие стены и грубые камни в качестве опоры, но людям на двух ногах было трудно идти. Кольчуга звенела и скрежетала, когда спутники Эрзимара поскальзывались и продирались вперед. Эрзимара особенно беспокоила высота прохода – точнее, расщелины – поскольку он криво петлял над ними на высоте тридцати футов или более. Он догнал Брагора и хлопнул дварфа по плечу.

– Скажи Мургольму, чтобы следил за верхом, – прошептал он. Дварф кивнул и пробормотал: – Не нравится мне это. Слишком просто.

Он потрепал Мургольма по плечу и пробормотал что-то на ваасанском. Мургольм вывернул шею и долго изучал темноту над головой, прежде чем броситься вслед за Гедретом. Брагор смотрел ему вслед.

Еще пятьдесят футов, и они подошли к ответвлению, который резко спускался влево. Тонкая струйка воды вытекала из стены справа и пересекала драконий проход, а затем терялась в темноте. Гетред оглянулся на Эрзимара.

– В какую сторону? – тихо проговорил он.

Волшебник указал вперед. Нижний проход показался ему мелковатым: дракон с очевидным самомнением Серпестрилвит не стал бы протискиваться в свое логово. Но он решил на всякий случай внимательно следить за отрядом, пока они шли дальше.

Пройдя некоторое расстояние от распутия, Брагор остановился и опустил на одно колено, коснувшись толстыми пальцами каменного пола.

– Здесь камень изъеден. Кислота жжет, – прошептал он.

Эрзимар подошел поближе, чтобы заглянуть Брагору через плечо.

– Дыхание дракона, – пробормотал он.

Его взгляд упал на темный комок странной формы в расщелине пола. Он ткнул его концом своего посоха. Ржаво-красные чешуйки рассыпались, обнажив белый осколок кости: человеческая рука в разъеденной кольчужной перчатке.

– Проклятье, – пробормотал Брагор. – Значит, прямо здесь.

Он посмотрел вверх, поднимая свой боевой молот.

– Маленькие людишки. Ваши мечи остры, ваши заклинания сильны. Вы пришли, чтобы убить меня? – прошелестел откуда-то сверху сиплый, странно высокий голос.

Серебряные Ястребы встали в оборону, подняв оружие вверх, прижавшись к каменным стенам прохода. Эрзимар заметил ярко-зеленое мерцание у вершины расщелины – отблеск драконьего глаза.

– Мы пришли положить конец твоим бесчинствам здесь, Серпестрилвит, – ответил Гетред. – Ты можешь уйти сейчас, улететь и никогда не возвращаться, и мы отпустим тебя. Иначе ты не выйдешь из этой пещеры живым.

– Тогда вы должны помочь мне унести мой клад. Я не могу так легко его перенести.

– Поскольку твой клад состоит из вещей, которые ты украл у убитых тобою людей, то можешь оставить его прямо здесь, – сказал Гетред.

Он оглянулся на Эрзимара и перевел взгляд на расщелину над головой. Волшебник уловил смысл сообщения – воспользуйся возможностью найти это существо, пока оно готово говорить. Все понимали, что Серпестрилвит не собирался уходить; дракон думал, что играет с ними.

– Ты прокрадываешься в мой дом, чтобы убить меня и забрать мое золото, и называешь меня вором? – В голосе Серпестрилвита звучала обида. – Если люди в этом маленьком городишке будут продолжать посылать против меня разбойников и убийц, мне придется удвоить свои усилия, чтобы показать им ошибочность их путей. С одной такой бандой я уже разобрался.

– Ты найдешь нас более грозными противниками, чем Расколотые Щиты, – крикнула Исильдра в пещеру.

– Действительно. Знаешь ли ты, что стоишь именно там, где стояли они, когда я убил их всех?

Серпестрилвит рассмеялся – странный звук, похожий на скрежет наждачной бумаги по доске, – а затем дракон опустил голову в проход и с шипением выпустил огромную струю тошнотворного зеленого пара.

Ястребы закричали и бросились в укрытие, настолько ошеломленные быстротой атаки, что на мгновение забыли о своей магической защите. Только

Эрзимар не позволил себе вздрогнуть. Вместо этого он сделал жест, произнес магическое слово и метнул яркую стрелу молнии в то место, где притаился дракон. Он увидел, как существо увернулось от магического взрыва, а затем на компанию опустилось ужасное дыхание дракона.

Едкие испарения ужалили его глаза, тысячи мелких уколов заплескали по коже, но святая защита Исильдры от дыхания дракона выдержала, и Эрзимар перенес не более чем жжение в глазах и горле, в то время как камень вокруг него почернел и отслаивался от земли, как гнилая глина.

– Вы защищены от кислоты! – обратился он к своим спутникам. – Стойте на месте!

Гетред выругался на эльфийском и сказал:

– Я не могу дотянуться до этой проклятой твари!

Он держал свой меч наготове, не отрывая взгляда от темноты над головой. Брагор, присев неподалеку, отложил свой боевой молот и снял со спины большой арбалет, быстро отводя его плечи назад. Дварф умело вложил в оружие толстую ссору.

Дракон разочаровано зашипел:

– Ваша магия защищает вас от моего дыхания. Но у меня есть и другое оружие, люди.

Эрзимар приготовил свой посох, ожидая, что дракон обрушится на них, но Серпестрилвит задумал нечто иное. Дракон, извиваясь всем телом, быстро переместился через вершину расщелины, развернулся и ударил мощным хвостом в хрупкий известняк наверху. Камень раскололся с громким и страшным треском, ошелобившем искателей приключений в нижней части драконьего прохода. Затем на них обрушился огромный вал обломков.

Эрзимар поднял руки, чтобы прикрыть голову, и почувствовал, как неровные валуны и сломанные сталактиты скользят по его укрепленной магией плоти. Мелкие куски просто отскакивали от него, как дрова, сгоревшие дотла, вроде бы твердые, но легкие, как перышко. Но затем, когда он выпрямился, его настиг гораздо более крупный кусок стены – тупой сталактит размером с маслобойку. Несмотря на защищавшую его магию, волшебник упал на землю и из него вышибло дух. В глазах заплескали яркие пятна.

«Если бы не заклинание каменной кожи, я бы погиб», – понял он.

Он потряс головой, чтобы прояснить зрение, и посмотрел на своих спутников.

Брагор и Исильдра выкапывались из-под обломков, вскакивая на ноги. Гетред, возглавлявший группу, находился перед пещерой дракона и избежал каменного обвала. Сельран, находившийся сзади, тоже избежал удара. Но Мургольм...

– Помогите... Я... помогите... – бормотал Мургольм.

Он лежал, прижатый к стене валуном размером с быка, и выдыхал проклятия на ваасанском. Его лицо было бледным, как простыня, а из уголка рта сочилась темная струйка крови. Заклинание Эрзимара защитило его от резких ударов, но неумолимый вес валуна просто раздавил его.

Волшебник сделал два нетвердых шага к раненому ваасану, прежде чем подумал поискать дракона и посмотреть, что делает Серпестрилвит. Он взглянул вверх как раз в тот момент, когда вирм спустился в проход над Исильдрой. Одним быстрым

щелчком челюстей он схватил Жрицу Хельма за голову и плечо, впиваясь клыками в плоть и дергая ее из стороны в сторону. Исильдра закричала – приглушенно, так как ее голова находилась в пасти дракона, – и стала бороться, отчаянно пытаясь вырваться.

– Отпусти ее, злодей! – воскликнул Гетред.

Полуэльф прыгнул сверху и ударил дракона мечом. Черная кровь брызнула с клинка, когда он срезал широкий участок чешуи с его шеи. Серпестрилвит зашипел от боли и бросился прочь. Все еще сжимая Исильдру в зубах, он, впиваясь когтями в мягкий камень стен прохода, вскарабкался обратно в свое убежище наверху и унес ее с собой. Гетред вскочил на ноги и снова рубанул, но дракон был вне досягаемости. Брагор наконец снова нашел свой арбалет и выстрелил в удаляющегося монстра, но болт лишь проделал маленькую бескровную дырочку в перепонке крыла.

Эрзимар начал колдовать на чудовище смертельное заклинание дезинтеграции, но дракон держал Исильдру в своих тисках – если он промахнется хоть на ширину пальца, то может испепелить собственного товарища. Он выругался и изменил заклинание на шквал огненных шаров – более легкий в прицеливании и менее опасный для жрицы, если он промахнется. Пять огненных болтов опалили размашистый хвост дракона, и он снова скрылся из виду.

Гетред взвыл в гневе:

– Эрзимар! Мы должны идти за ней!

– Знаю! – огрызнулся Эрзимар.

Исильдра все еще боролась наверху. Он слышал ее крики. Заклинание каменной кожи не позволяло Серпестрилвиту легко разорвать ее на куски, притупляя его когти и зубы, но он все равно постепенно может зажевать ее до смерти. Они должны были быстро подняться наверх.

Он снова взглянул на Мургольма. Ваасан скорчился под огромным камнем, словно просто решил лечь спать. Мертвый или без сознания – это не имело значения. Помочь он явно не мог. Но на случай, если его еще можно было спасти, Эрзимар быстро выкрикнул слова заклинания, которое разрушило массивную скалу, придавившую воина. Мургольм бессильно сполз на усыпанный обломками пол.

«Я должен был подумать об этом сразу!» – ругал себя волшебник.

– Эрзимар, быстро! – крикнул Гетред.

– Сельран, позаботься о Мургольме, – рявкнул Эрзимар.

Следопыт стоял не шевелясь с широко раскрытыми и пустыми глазами, лицо его было покрыто пылью из пещеры. Волшебник проигнорировал следопыта, пошарил в сумке на поясе и вытащил небольшую трубку из лакированного дерева. Он открутил ее верхнюю часть и достал свиток.

– Одну минуту, – позвал он Гетреда.

Крики Исильдры и ядовитое шипение дракона все еще доносились над головой, но Эрзимар вытеснил эти звуки из своего сознания и стал умело и уверенно читать заклинание, записанное на свитке.

– Эрзимар! – воскликнул Гетред.

– Мы можем лететь! – крикнул волшебник. – За монстром, быстро!

Не дожидаясь остальных, он взмыл в воздух и помчался по узкой извилистой расщелине на шум боя наверху. Гетред последовал за ним, чуть более неуклюже, как и Брагор с боевым молотом в руке. Сельран неподвижно стоял внизу.

Расщелина выходила в пол более крупной пещеры – широкого уступа или галереи, где дракону было достаточно места, чтобы наблюдать за существами, пробирающимися в его логово по крутой тропе вниз. Эрзимар обернулся, ожидая увидеть дракона позади себя, но там была Исильдра, неловко рухнувшая на каменный пол, ее голова была ужасно вывернута через плечо, шея была сломана. Но ее крики все еще разносились эхом по камере, как и шипение ярости дракона.

Просто иллюзия.

– Берегись! – Эрзимар крикнул своим спутникам. – Нас обманули!

Из тени глубокой расщелины неподалеку холодный, высокий голос дракона прошептал слова другого заклинания – заклинания дизъюнкции. Магия Эрзимара задержалась на мгновение, а затем разом развеялась. Он вскрикнул и рухнул обратно в расщелину, его заклинание полета исчезло. Брагор тоже упал, но Гетред был достаточно близок к краю расщелины, чтобы поймать себя, ухватившись за край, хотя его меч со звоном упал в глубину.

Эрзимар ударился спиной о дальнюю стену. Его череп отскочил от камня, подарив ему краткий миг милосердной тьмы, затем он перевернулся в воздухе, ударился о другую стену, снова перевернулся и неудачно приземлился на острые камни на дне расщелины. Его правая рука сломалась, как ветка, сдавленная двумя камнями. Он закричал.

– Ах, какой приятный звук, – прошипел Серпестрилвит сверху. Дракон опять появился в поле зрения Гетреда, который обеими руками цеплялся за край расщелины. Он провел длинным раздвоенным языком по окровавленным клыкам и приблизился к воину-полуэльфу. – Теперь ты не такой смелый, не так ли, друг мой?

Гетред взглянул вниз, туда, где в проходе внизу блеснул его меч. Свисая с края, он был совершенно беспомощен перед драконом.

– Я покажу тебе смелость, – выплюнул он.

Гетред позволил себе упасть. Он хорошо выдержал первый удар, согнув колени и отпрыгнув от стены, но потерял равновесие. Он перевернулся в воздухе и приземлился на неровный пол на бок с болезненным хрустом. Он всхлипнул один раз и соскользнул в неудобную V-образную расщелину вниз, в которой неподвижно лежал Брагор.

Меч находился в целых шести футах от кончиков его пальцев.

Дракон снова рассмеялся и начал пробираться обратно в нижний проход.

– В тебе есть мужество, воин. Но твоя опрометчивость погубила тебя.

Эрзимар выпрямился, опираясь на правую руку. Спина ужасно болела – скорее всего, она тоже была сломана, – и он устался на белый осколок кости, торчавший из сапога возле лодыжки. У него закружилась голова, но он все еще мог произнести заклинание. Он посмотрел на Гетреда, и их глаза встретились в темноте пещеры.

– Я не могу подняться, Эрзимар, – прошептал полуэльф. Он попытался нащупать путь к лезвию меча, но застонал и упал назад. – Спаси себя, если можешь, друг мой. В этом нет ничего постыдного.

Эрзимар выдержал взгляд полуэльфа и кивнул. Он мог телепортироваться – для этого требовалось всего одно слово, – но с переломанными конечностями он никогда бы не смог дотянуться до остальных. Онемев от шока, он не видел другого выхода.

– Сельран, – выдохнул он. – Подойди ближе, если хочешь жить. Я могу телепортировать нас отсюда, но ты должен взять меня за руку.

Он протянул руку к следопыту.

Серпестрилвит свернул в проход. Его ярко-зеленая чешуя блестела в тусклом свете, а в глазах плясала злоба. Он склонил голову набок, глядя на следопыта.

– Убей волшебника, – сказал он.

С остекленевшими глазами следопыт поднял лук, подтягивая красное оперение стрелы к уху. Эрзимар в ужасе уставился на Сельрана, наконец поняв, что следопыт не был трусом, не окаменел от страха, а был поработен драконьими чарами, не в силах ничего сделать, пока Серпестрилвит не прикажет. Эрзимар замешкался на одно ужасное мгновение, прежде чем начал произносить заклинание.

– Я не могу остановиться, – всхлипнул следопыт. – Боги помогите мне, я не могу!

Его пальцы разжались, и тетива запела.

Эрзимар хмыкнул и посмотрел вниз, на стрелу, дрожащую в его груди. Глубокая горячая боль хлынула из центра груди, и он потянулся, чтобы выдернуть стрелу, но обнаружил, что рука не работает.

«Неужели Серпестрилвит овладел им, когда убил Расколотых Щитов? – тупо задумался он. – Или он поработил его еще до этого и использовал Сельрана, чтобы привести предыдущую компанию к гибели?»

Он попытался заговорить, спросить следопыта, как это было, но мягкая тьма поднялась с пола и заглушила его вопросы в своих пустых объятиях.

Следопыт стоял и плакал, все еще сжимая лук в руке. Дракон тихо шипел от удовольствия и медленно подползал все ближе, приближая свою огромную чешуйчатую голову к лицу Сельрана.

– Ах, Сельран. Почему ты плачешь? Это сделал я, а не ты, маленький лучник.

– Убей меня, – прошептал следопыт. – О, клянусь всеми богами, убей меня и покончим с этим.

– Убить тебя? Когда ты оказался так полезен мне? Нет, думаю, я обновлю свои чары. Ты еще долго будешь мне служить.

Серпестрилвит обвился вокруг следопыта, проведя когтем по сердцу Сельрана.

– А теперь возвращайся к Озеру Пелдит и расскажи им, как эти храбрые ребята встретили такой плохой конец. Скажи им, что они должны прислать за другими героями, другими драконоборцами, потому что через десять дней я буду голоден.

ПОБЕЖДЕННЫЙ

Томас М. Рейд

Марпенот, год Ненатянутой Арфы (1371 ЛД)

– Ты не можешь в одиночку отправиться через перевал в Сильверимун, девочка! Мне всё равно, какую посылку ты должна доставить и кому. Сейчас середина зимы! Если тебя не убьёт лавина, то убьют звери! Ни одна книга не стоит всего этого.

Эти слова, сказанные в спину Линаэль Доунмантл, выходящей из дверей «Серебристые доспехи» двумя днями ранее, показались девушке вполне безобидными. Но, оказавшись на вершине перевала под завывающей, жгучей метелью, с огромным белым драконом над головой, Линаэль с внезапной ясностью осознала, как глупо поступила, проигнорировав предупреждение хозяина.

Ей отчаянно хотелось, чтобы она все еще сидела в общей зале «Серебряной жилы» Хоствина Брамблмарка, наслаждаясь прекрасным пирогом с мясом и грибами. Вместо этого из снежной завесы на полуэльфийку опустилась разинутая белая пасть – массивная, усеянная зубами пасть, которая легко могла поглотить её целиком, и как раз собиралась это сделать.

Линаэль хотела закричать, убежать, но не смогла. Она оказалась прикованной к месту, ужас сковал ее. Она не могла дышать. Когда клыки приблизились к голове, девушка зажмурила глаза, дрожа и молясь Мистре, чтобы конец был быстрым.

Но пронзающая боль смерти не наступала.

Линаэль открыла один глаз и увидела, что смотрит в другой глаз – шар размером почти с её кулак и цвета ледникового льда. Этот одинокий глаз смотрел на неё с расстояния всего в фут или два, глядя со смесью любопытства и злобного желания, в то время как вокруг бушевала снежная буря. Большой глаз находился в костлявой морде, полностью сине-белой, гладкой и сверкающей, похожей на замороженный череп птицы с крючковатым клювом, но с сотнями ледяных зубов длиной с палец полуэльфа. Голова низко покачивалась на конце змеевидной шеи, покрытой толстыми зазубренными пластинами.

Дракон.

Колени Линаэль потеряли силу, и она рухнула в окружающий её снег. Поняв, что задерживает дыхание, она резко выдохнула, а затем судорожно вдохнула воздух. Она едва не потеряла сознание, уловив запах дыхания зверя – холодный, химический запах, от которого она закашлялась и задохнулась. Он напомнил ей дистиллированную козью мочу, которую кузнец в Галеновом Форте использовал для закалки своих кузнечных работ.

Дракон.

Шея зверя тянулась вверх и в сторону, соединяясь с телом, которое возвышалось над девушкой, неясное в клубящейся дымке снега. Линаэль едва могла различить два широких кожистых крыла, изогнутых и ребристых, как у летучей мыши, которые расходились веером по обе стороны от огромного чудовища. Даже с расстояния в пять шагов они были лишь чуть более темным оттенком белого на фоне всепоглощающей белизны снежной бури. И все же они затмевали весь свет. Они могли легко дотянуться и поглотить девушку, которая дрожала от страха. Дракон!

– Ты будешь служить, – сказал зверь глубоким и жестким голосом, похожим на звук скребущихся друг о друга ледников.

От одного только голоса дракона сердце Линаэль бешено заколотилось в груди, и она зажмурилась от слов, не понимая их, но желая убежать от их суровости. Она постаралась стать совсем маленькой, погрузившись в снег по пояс и думая только о побеге. Она думала спрятаться, произнести заклинание, чтобы укрыться от дракона.

От ужаса она не смогла вспомнить ни одного заклинания.

Не успела Линаэль отвернуться, как огромная когтистая лапа поднялась вверх и потянулась к ней, широко растопырив пальцы. Девушка закричала и забилась, пытаясь перевернуться в сугробе и отползти в сторону. Но тяжесть одежды и мехового плаща, а также вес рюкзака и глубина сугроба помешали ее усилиям. Огромный коготь метнулся вперед, схватив её.

Когда когти плотно сомкнулись вокруг, Линаэль ожидала, что её раздавят. Но смертельная хватка дракона сдавливала не слишком сильно, и когти не вонзились в плоть. Тем не менее, сила драконьей хватки была неоспоримой, и девушка поняла, что попала в ловушку точно так же, как если бы оказалась скована железом. Ее руки прижимались к бокам, плащ неловко сбил в кучу, наполовину закрывая голову. Она чувствовала, как книга, эта чёртова книга, обтянутая масляной тканью в сумке, больно упирается в спину. Снег давил и набивался вокруг, тоже попавшей в ловушку драконьей хватки.

Линаэль всхлипнула, её крик заглушил меховой плащ, и она почувствовала, как отрывается от земли, легко вздымая в воздух. Она боролась между желанием выглянуть наружу посмотреть, куда несет её зверь, и ужасом, вызванным желанием уткнуться лицом в землю и зажмурить глаза, будто это могло отгородить её от мира, заставить дракона уйти.

Она почувствовала резкий толчок, и воздух с яростным свистом ударил ей в голову, сорвав капюшон плаща и растрепав длинные соломенного цвета волосы. Снег осыпал открытую кожу, жаля лицо. Любопытство на мгновение взяло верх, и она приоткрыла глаза, чтобы посмотреть, но там не было ничего, кроме бесконечного белого вихря. Она чувствовала, что находится в воздухе, что дракон летит, потому как слышала ритмичное движение, которое приравнивалось к взмахам крыльев зверя. Из-за бушующей вокруг метели девушка не могла разобрать, что её окружает, однако ветер и лёд причиняли слишком много боли.

Линаэль снова закрыла глаза от боли и отчаяния, когда белый дракон понес её прочь от Сильвермунского перевала.

Она не доберется до Сильверимуна, не поступит в Колледж Леди. Она никогда не доставит книгу, подаренную учителем старому другу в городе. Она окажется в каком-нибудь затерянном месте в горах, и её страницы сгниют вместе с её костями.

Эта мысль заставила Линаэль на мгновение всхлипнуть и отчаянно бороться, но усилия были тщетны, и в конце концов она сдалась, обмякнув в драконьей хватке.

Они летели, казалось, целую вечность, и страх Линаэль несколько притуплялся ритмичными движениями дракона. Когда первоначальный шок от захвата прошел, она начала обдумывать свое положение, а также загадочные слова, которые произнесло существо, схватив её.

«Если бы оно намеревалось меня съесть, то просто сделало бы это», – с надеждой подумала девушка. – «Если только оно не намерено сохранить меня на потом», – добавила она.

Но что он имел в виду под словом «служить»?

В голове девушки мелькнула мысль, что, возможно, дракон намерен держать её в плену, и в ней зародилась надежда. Какими бы ужасными ни были обстоятельства, в которых она окажется будучи в рабстве у дракона, это было лучше, чем смерть, а значит, Линаэль могла найти способ сбежать. Возможно, она даже сможет применить магию.

Мысль о том, чтобы причинить вред вирму её ограниченными способностями, вызывала у Линаэль смех. Но она не исключала возможности обмануть его. Если у нее появится шанс.

Размышления полуэльфийки прервались, когда она заметила, что яркость дневного света за закрытыми веками, хоть и слабая, внезапно уменьшилась. Она также заметила, что её больше не осыпает хлопьями снега. Впрочем, по-прежнему ощущала резкое дуновение ледяного воздуха.

Линаэль открыла глаза и едва не закричала снова.

Дракон падал, как камень, сквозь огромный ледяной вал – почти вертикальное отверстие в леднике, достаточно большое, чтобы дракон мог расправить крылья. Над головой тускло-серое небо представляло собой удаляющийся круг, а внизу шахта погружалась во все более глубокую тьму.

Огромный белый зверь расправил крылья, резко вздымаясь и замедляя падение. Линаэль сильно ударилась, когда зверь три или четыре раза быстро взмахнул крыльями и опустился на твердую поверхность. Опустившись на землю, дракон выпустил девушку из своей хватки, отправив её кувыркаться по полу, покрытому битым льдом в трещинах, припорошенного снегом. Она упала на спину и уставилась вверх, а книга больно вдавливалась снизу.

Сквозь шахту пробивался небольшой свет, пронизывая все вокруг жутким голубоватым свечением. Этого света было достаточно, чтобы Линаэль увидела, что находится в большой куполообразной камере, полом пузыре в огромном леднике. Шахта, по которой они с драконом спустились, открывалась в потолке комнаты с одной стороны. Округлые стены куполообразной комнаты были слегка неровными, словно задернутая занавеска, но все же гладкими и твердыми, как стекло. По этим поверхностям невозможно было бы взобраться, по крайней мере, без инструментов или магической помощи. Только пол казался шероховатым и неровным.

Камера была настоящей тюрьмой.

– Ты будешь служить мне, – сказал дракон, и его резкий, скрипучий голос гулко разнесся по камере.

Внимание Линаэль мгновенно переключилось на зверя, который навис над ней, сложив крылья и прижав их к телу. В отличающихся от прежних погодных условиях, она смогла увидеть дракона отчетливо. Он смотрел на девушку сверху вниз, слегка приоткрывая клыкастую пасть. По груди и бокам зверя пульсировали мускулы, крепкие и сильные, но защищенные пластинами, которые накладывались друг на друга по всей поверхности тела. Его тело, наверное, достигало двадцати футов в длину и заканчивалось хвостом, таким же длинным и сегментированным. Он напомнил Линаэль хвост зверя, называемого крокодилом, изображения которого ей когда-то показывала Амбриэль.

Линаэль поняла, что дрожит после езды на ветру, а также лежания на ледяном полу камеры, поэтому она села и плотнее натянула плащ, с ужасом глядя на дракона.

– Служить тебе? – спросила она, пораженная робостью своего голоса.

В отличие от голоса дракона, который громким эхом отдавался в куполообразной комнате, её собственная речь была пустой и слабой. В каком-то смысле девушка удивилась, что вообще может говорить.

– Да, – ответил дракон, усевшись на корточки и выгнув шею так, что его голова оказалась ближе к пленнице.

Линаэль невольно вздрогнула.

– Я Ториксилеос, повелитель вьюги, вершитель ледяной агонии и властелин ледяной горы, – сказал дракон, его холодное и резкое дыхание обдало Линаэль и заставило вздрогнуть. – Ты поможешь мне, или я сожру тебя! – прорычал он, отчего пол загрохотал, а Линаэль затряслась от ужаса и свернулась в клубок. Она подняла руки над головой, как бы успокаивая или отгоняя зверя. Ториксилеос метнулся вперед, приблизил голову к Линаэль и принялся к ней. – Из тебя выйдет жалкое блюдо, – сказал он, его ледяные зубы находились всего в нескольких дюймах от лица девушки, – но, возможно, это можно исправить, если я тебя заморозю.

– Нет! – вздрогнула Линаэль и крепче обхватила голову руками. – Пожалуйста, не надо! Я буду служить тебе!

Теряя всякое самообладание, она чувствовала, как слезы текут по ее лицу.

«Я не хочу умирать», – отчаянно, жалобно подумала она. «Пожалуйста, – беззвучно взмолилась она. – Амбриэль, найди меня».

Дракон рассмеялся, громоподобный рёв потряс всю ледяную пещеру и заставил пол под Линаэль задрожать.

Она закричала и попыталась вырваться. Но в своей панике не смогла устоять на скользкой поверхности, и у неё получилось лишь поскользнуться и проскользнуть пару футов.

– Очень мудро, маленькая крошка, – сказал Ториксилеос, помолчав. – Ты можешь сослужить хорошую службу. И если ты сделаешь это, то я, возможно, освобожу тебя.

Линаэль перестала безумно пытаться убежать и повернулась лицом к дракону, преклоняясь перед ним.

– Да, – сказала она, стыдясь собственной трусости, но не в силах найти в себе мужества под взглядом ужасного зверя. – Я сделаю всё, что ты скажешь. Говори.

Она ненавидела своё желание угодить дракону, но Линаэль знала, что сделает всё, что угодно, лишь бы убедить не съесть её.

– Я в твоём распоряжении, – добавила она, и от стыда её голос дрогнул.

– Тогда встань, – приказал Ториксилеос.

Когда Линаэль медленно, осторожно поднялась на ноги, дракон повернул голову к одной из стен куполообразной камеры и сказал:

– Иди туда.

Впервые Линаэль заметила туннель, проложенный в ледяной стене, хотя теперь ей стало ясно, почему он не привлек её внимания раньше. Он был частично скрыт от взора, так как открывался в комнату под углом и за ледяным выступом, выступавшим с ближней стороны. Она начала пробираться к отверстию, делая короткие, неуверенные шаги. Все тело слабело от ужаса, и она боялась потерять опору на скользком полу. Пока она осторожно шла через комнату к выходу, Ториксилеос следовал за ней, задрав голову, отчего у Линаэль по позвоночнику побежали мурашки. Затем дракон начал двигаться позади, и каждый его шаг отдавался гулким стуком по ледяному полу.

Линаэль пришлось приложить всю силу воли, чтобы побороть желание бежать.

Полуэльфийка последовала к выходу из куполообразной пещеры. Он плавно спускался вниз и изгибался вправо, затем снова влево. В результате она не могла видеть, куда он ведёт, хотя тусклый свет, проникающий сквозь лёд снаружи, был достаточно ярким, чтобы её исключительное зрение позволяло видеть достаточно четко.

Наконец Линаэль обогнула последний изгиб прохода и наткнулась на ещё одну большую камеру, хотя она была более неправильной формы, чем предыдущая пещера. Полуэльфке стало ясно, что эта комната – вытесанная из камня и покрытая льдом – на самом деле неглубокая пещера, вырубленная в самой горе. Только область вокруг прохода, в котором стояла, а также меньший участок напротив и справа от неё состояли из массивных пластов льда, видимо от огромной льдины, покрывавшей гору. Поверхности второй камеры были более неровными, с многочисленными небольшими выступами по периферии, а также зазубренными камнями и обломками, разбросанными по полу. Стены и потолок пронизывали еще несколько отверстий и проемов, различающихся по размеру, расстоянию и углу наклона.

Присмотревшись, девушка поняла, что другая ледяная стена выглядит как-то иначе. Помимо того, что она пропускала больше света, чем где-либо ещё в леднике, у нее был необычный вид, как будто она не была частью ледника.

«Она новее, – решила Линаэль. – Лёд чище, свежее».

Линаэль не осознавала, что перестала двигаться, пока не почувствовала ледяное дыхание Ториксилеоса на своей шее. Подавив дрожь, она быстро шагнула в сторону, чтобы позволить дракону войти. Только тогда она поняла, что белому крылатому дракону пришлось ползти по проходу, пробираясь на брюхе и плотно прижимая крылья к бокам. Как только он оказался в узком туннеле и полностью вошел в каменную камеру, дракон снова поднялся во весь рост и выжидающе посмотрел на девушку.

Линаэль отступала от существа, пока не почувствовала холодную твёрдость стены, прижавшейся к ней и остановившей ее. Она робко ждала, пока чудовище не даст ей понять, что ему нужно.

– Я запечатал вход, – сказал Ториксилеос, ткнув носом в сторону свежего льда. – Ты не сможешь сбежать.

Линаэль тупо кивнула, поняв, наконец, почему лёд выглядел по-другому. Дракон создал барьер, чтобы запечатать её внутри.

– Теперь есть только один выход, и ты не можешь летать, малышка. Я могу держать тебя здесь вечно.

С этими словами Ториксилеос снова наклонил голову и злобно уставился прямо на девушку.

Линаэль сползла по стене, к которой прижималась, чувствуя, как в нутре снова поднимается паника. Она начала трясти головой и открыла рот, чтобы возразить, но дракон продолжил.

– Если ты поможешь мне вернуть сокровища, я оставлю тебя в живых. Возможно, я даже выведу тебя обратно наружу и освобожу. Но только если ты будешь слушаться. Будешь ли ты послушной, маленькая крошка?

Линаэль решительно кивнула, даже вздрогнув от прозвища, которым дракон решил её наградить.

– Да, господин, – сказала она, не задумываясь. – Я буду хорошей и помогу тебе.

– Да, – сказал Ториксилеос, покачивая головой вверх-вниз, подражая нетерпеливому кивку Линаэль. – Помоги мне достать мои сокровища.

– Но как? – спросила девушка, смущенная и любопытная одновременно. – Где твоё сокровище?

– Иди сюда! – сказал дракон, возможно, более громко, чем намеревался.

При этих словах вся комната завибрировала и задрожала, и Линаэль снова вздрогнула. Испугавшись, что может разгневать зверя, если не отреагирует быстро, Линаэль поднялась на ноги и последовала за головой Ториксилеоса, когда та повернулась и он стал совать нос в отверстие небольшого туннеля на противоположной стороне комнаты. Она подошла к маленькому выходу, который находился на высоте примерно по грудь, и подождала, пока дракон отойдет в сторону, чтобы она могла заглянуть внутрь.

– Я поймал вора, который пытался украсть мои сокровища. Я ранил его, но он сбежал туда. Я слишком велик, чтобы следовать за ним. Ты должна вернуть их мне.

Линаэль отпрянула от маленького отверстия, услышав, что они с драконом не одни.

– Вор? – испуганно воскликнула она. – Как это...?

Она захлопнула рот, когда поняла, что Ториксилеос смотрит на неё.

– Ты приведешь ко мне вора и вернешь мои сокровища! – громко сказал дракон, опустив голову вровень с головой Линаэль и глядя прямо на неё. – Тебе не сбежать, поэтому делай то, что я говорю!

Линаэль снова кивнула, отчаянно пытаясь успокоить грозного зверя, стоящего перед ней. Кто бы ни находился в норе, он не мог быть таким же опасным, как разъяренный белый вирм перед ней. Она осмотрела проём, который был достаточно

велик, чтобы войти, если немного сгорбиться. В проходе было темно, и она не могла видеть очень далеко.

– Кто этот вор? – спросила она, посчитав разумным узнать как можно больше о том, с чем ей придется столкнуться, прежде чем войти в туннель.

– Мерзкий орк! – прорычал Ториксилеос, сбивая её с ног своим ледяным дыханием.

Линаэль замахала руками перед лицом, кашляя и хрипя от ледяных паров, ледящих кожу и жгущих легкие. Она кашляла и отплёвывалась, перекатившись на колени.

– Пожалуйста, – умоляла она, размахивая рукой, чтобы уберечься от новых атак. – Я не могу дышать!

– Ты можешь увидеть вора отсюда, – продолжал дракон, не обращая внимания на мольбы Линаэль. – Он ранен и не двигается. Тащи его сюда, чтобы я мог его съесть.

Линаэль с трудом поднялась на ноги и снова заглянула в проход, бросив при этом испуганный взгляд на Ториксилеоса. Дракон смотрел в туннель, сузив один глаз до ненавидящей щели. Девушка вглядывалась в темноту в туннеле, но, конечно, ничего не могла разглядеть.

– Здесь очень темно, – осторожно сказала полуэльфийка, а затем быстро добавила:

– Мне понадобится свет, чтобы видеть, – прежде чем дракон успел истолковать её слова как отказ.

Ториксилеос просто уставился на Линаэль, словно не понимая, что она хочет сказать.

– У меня нет света, – сказал дракон наконец. – Возможно, ты вовсе не такой уж хороший помощник, и мне следует просто съесть тебя и найти другого.

– Подожди! – судорожно сказала Линаэль, отступая назад и размахивая руками перед собой. – Я могу сделать свет!

Девушка не хотела выдавать свой секрет, что обладает магическими способностями, так как боялась, что это заставит дракона быть подозрительным и насторожиться, ограничив её шансы на спасение. Но у неё нет выбора, поняла она и сняла перчатку, начав копать во внутреннем кармане.

Она вытащила крошечный кусочек мха, который слабо светился бледно-зеленым светом. Затем, надев перчатку, она положила мох на ладонь и начала читать заклинание.

Так же быстро, как и начала, Линаэль снова остановилась, поняв, что Ториксилеос отпрянул от неё, сделав глубокий вдох. Полуэльфийка застыла на месте, не смея пошевелиться: белый вирм стоял над ней, пристально вглядываясь. Дракон, казалось, был готов атаковать Линаэль своим дыханием, но не сделал этого.

– Я не люблю волшебников, – сказал наконец Ториксилеос, сузив глаза. – Они хитры и используют магию, пытаясь причинить вред. – Затем он низко наклонился и склонил голову так, что один глаз оказался на одном уровне с лицом Линаэль. Следующие слова он произнес очень медленно и обдуманно. – Я съел многих волшебников.

Линаэль тяжело сглотнула и осторожно кивнула, её сердце колотилось в груди.

Она опустила руки к бокам и сказала:

– Я только собиралась сделать немного магического света. Чтобы я могла увидеть, как вернуть тебе сокровища. – Когда дракон не двинулся с места, она почувствовала, что паника снова поднимается. – Я хочу быть хорошей помощницей, – сказала девушка, отчаянно пытаясь изобразить энтузиазм, – чтобы ты был доволен мной.

Ториксилеос откинул голову назад.

– Да, – сказала существо, его голос был низким. – Моё сокровище. Иди и принеси его сейчас же. Готовь свой свет, маленькая мордашка, но не пытайся хитрить, иначе я тебя съем.

Линаэль снова энергично закивала и двинулась к отверстию.

– Я обещаю, – сказала она.

Девушка очень медленно и целенаправленно переложив мох на ладонь и начала произносить заклинание. Она пробормотала под нос простую магическую фразу, едва ли не заплетающимся языком произнося слова, которые в любое другое время произнесла бы с легкостью.

«Не часто приходится колдовать, когда дракон грозит тебя съесть», – подумала она, закончив заклинание.

Бледно-зеленое свечение мха перешло в более яркий белый свет, похожий на факел, исходящий от перчатки Линаэль. На мгновение она замерла, опасаясь, что дракон может сожрать её, несмотря на послушание, но когда зверь просто моргнул в сиянии магического света, Линаэль облегченно вздохнула. Затем она вернулась к проходу.

Ухватившись за край туннеля, она подтянулась и оказалась прямо перед отверстием. Вытанув перед собой светящуюся перчатку, Линаэль заглянула в глубину прохода.

Блеск множества сверкающих предметов ослепил её, и она тихонько вздохнула.

Туннель был коротким, около десяти шагов, и в дальнем конце он открывался в другую камеру, тоже окаймленную льдом. Блеск монет, драгоценностей и произведений искусства отражал свет Линаэль.

Как и обещал Ториксилеос, орк лежал в дальнем конце туннеля, недалеко от того места, где проход открывался в камеру сокровищ. Существо лежало на животе, лицом к Линаэль. На его туловище и конечностях были надеты толстые меховые доспехи, обтянутые кожей и стянутые ремнями. Его спина поднималась и опускалась при каждом вдохе. Он был жив, но не двигался.

Линаэль не знала, что делать: достать кинжал или использовать магию, чтобы убить тварь. Она не решалась подойти ближе, не зная, в каком состоянии находится орк.

– Тащи его сюда, чтоб я мог его съесть, а потом неси моё сокровище, – сказал Ториксилеос позади неё. – Сейчас же.

Дрожа от страха, Линаэль чувствовала себя зажатой между опасностями, подстерегавшими её сзади и впереди.

Конечно, дракон был более страшной угрозой, поэтому она стала подкрадываться к орку, держа перед собой кинжал. Она никогда не умела хорошо пользоваться им и носила оружие только потому, что Амбриэль настояла на том,

чтобы у неё имелось что-то ещё, чем можно защититься, если не будет магии. Тем не менее, пальцы подергивались от желания пустить в ход заклинания, чтобы с безопасного расстояния запустить в орка волшебную стрелу.

– Хватит терять время, – прорычал дракон, его голос гулко отдавался в проходе. – Мне нужны мои сокровища!

Линаэль подпрыгнула, едва не ударившись головой о крышу туннеля. Орк тихо застонал, заставив ее замереть на месте.

– Почему ты не можешь просто подышать и убить его оттуда? – робко спросила она, слегка склонив голову набок и не сводя глаз с гуманоида. – Тогда мне будет гораздо легче достать твои сокровища.

– Потому что это невозможно, потому что я этого не желаю! – прорычал дракон, его ледяное дыхание пронеслось над спиной Линаэль и заставило её снова подпрыгнуть. – Теперь повинуйся мне, или я съем тебя! Быстрее!

Жалобно покачав головой, Линаэль сделала еще один неуверенный шаг к орку. Она сжала кинжал в смертельной хватке, и было видно, как лезвие дрожит от её собственного страха. Затем сделала ещё шаг, и ещё. Она стояла в двух шагах от орка. Она глубоко вздохнула и приготовилась к убийственному удару, собираясь схватить тварь за непокорные зеленые волосы и резко вогнать кинжал в горло.

Набравшись сил и молясь Мистре о мужестве довести дело до конца, Линаэль еще раз взглянула на сокровища за орком и замерла.

То, что она увидела, поразило её. Как и во всех рассказах о драконах, которые девушка когда-либо слышала, сокровища были разбросаны в каждом углу камеры. Монеты высыпались из переполненных сундуков и образовывали огромные, покрытые льдом кучи по всему полу. Повсюду сверкали драгоценные камни и украшения, вделанные в толстые глыбы льда. И куда бы Линаэль ни посмотрела, повсюду были разбросаны артефакты из золота, серебра и адамантина, многие из которых отливали кристально чистым блеском. Все сверкало в свете заклинания Линаэль, искрилось и ярко переливалось. Даже сундуки, покрытые толстым слоем льда, отражали свет.

Низкое рычание, раздавшееся позади, вывело Линаэль из состояния кратковременного замешательства, и она поняла, что медлить больше нельзя. Она сделала последний шаг к орку, угрожающе выставив кинжал. Когда ничего не произошло, она толкнула орка носком сапога.

Существо тихо застонало и зашевелилось.

– Прекрати, – тихо пробормотал орк, едва ли достаточно громко, чтобы девушка услышала.

Линаэль отступила на шаг, держа кинжал перед собой обеими руками.

– Убей его сейчас, пока оно не очнулось! – прорычал Ториксилеос с дальнего конца.

Линаэль оглянулась на вход в туннель и увидела, как одна из передних лап дракона просунулась в проход и, вытянув когти, цеплялась за неё. Она испуганно вскрикнула и бросилась вперед, боясь быть пронзенной одним из смертоносных когтей. В спешке полуэльфийка споткнулась об одну из ног орка и упала на землю, приземлившись рядом с существом. Ее рука в перчатке – от нее все еще исходил магический свет – ударилась о пол туннеля прямо рядом с лицом орка.

Яркий свет заклинания заставил его вздрогнуть, и он приоткрыл один глаз, чтобы взглянуть на нее. Второй, как она видела, был опухшим закрытым. Из раны на лбу сочилась темная кровь.

Линаэль вскрикнула и отдернула руку, пытаясь на четвереньках отползти от орка. Предельный ужас придал ей скорость, но не грацию. Она скользила и скользила по замерзшему полу, едва продвигаясь вперед.

Позади девушки драконий коготь удалился, и на его месте снова появился сверкающий глаз зверя. Когда орк приподнял голову и ошарашенно осмотрелся, Линаэль переместилась в сидячее положение, поставив ноги поближе к голове орка. Она подняла одну обутую ногу, направив на лицо гуманоида, готовая пнуть его до потери сознания.

– Да, – злорадствовал Ториксилеос, наблюдая за происходящим. – Подбрось вора ко мне! Подбрось его ко мне, чтобы я мог его съесть!

Линаэль отвела ногу назад, готовясь ударить по орку, сердце резко забилося в груди. Ужас придавал ей сил. Она подумала, что одним мощным ударом ноги сможет отправить орка в туннель к ожидающему дракону.

– Подожди, – слабо сказал орк, глядя на нее своим единственным здоровым глазом. – Я не вор.

Линаэль замерла.

В дальнем конце туннеля Ториксилеос зарычал от ярости и снова начал тянуться к ней своей когтистой передней лапой.

– Что? – ошеломленно спросила девушка.

– Этот... белый, – задыхался орк, едва держась на ногах, – он вор. Моё сокровище...не его.

Орк снова обмяк и потерял сознание. Линаэль сидела, ошеломленная.

«Как? – подумала она. – Столько сокровищ должно принадлежать дракону».

И тут девушку осенило.

Лёд.

Увидев, что Ториксилеос снова убрал свои когти и что у нее мало времени, Линаэль неловко встала и схватила орка за воротник.

Она слышала, как дракон делает глубокий вдох, и ужас того, что, как она знала, должно произойти, подгонял ее.

Волоча гуманоида по полу, благодаря скользкому ледяному покрытию, Линаэль отчаянно карабкалась в сокровищницу. Поскальзываясь и соскальзывая, она затащила своего товарища за угол туннеля, с прямой линии огня, и легла рядом с ним у стены.

Когда первый арктический взрыв смертоносного дыхания дракона с ревом пронесся по туннелю, Линаэль схватила орка и потянула его на себя, изо всех сил защищая свое тело от леденящих волн холода. Пока бессознательное тело защищало ее, насколько это было возможно, девушка зарывалась лицом в плащ, прячась от жестокой бури, разразившейся в пещере.

Даже с орком, защищавшим ее, Линаэль думала, что замерзнет до смерти здесь и сейчас. На нее нахлынул оцепеняющий холод, заставляя болеть кожу и кости. Она застонала от боли, но звук заглушался плащом, который она носила. Наконец, через мгновение холод утих, и она прислушалась.

Сначала не было слышно ничего, кроме дыхания орка. Затем она услышала, как дракон заговорил.

– Маленькая крошка?

Линаэль замерла, затаив дыхание.

– Маленькая крошка, я знаю, что ты там. Я чувствую твой запах. Выходи, или я снова начну дышать.

Линаэль уже хотела крикнуть дракону «Нет!», чтобы он убирался прочь, но другой звук за пределами сокровищницы остановил ее. Это был другой голос.

– Ториксилеос! Ты осмелишься?

Голос отличался от голоса белого дракона, но был не менее сильным. Гладкий и теплый, как мед, он подарил Линаэль внезапное чувство комфорта, как когда-то голос Амбриэль.

Ториксилеос снова взревел, гораздо громче, чем прежде, но гнев дракона затмил второй рев. Два звука вместе грозили расколоть гору, и Линаэль пришлось закрыть уши руками, чтобы не закричать от боли. Девушка ощутила несколько сильных ударов, почувствовала, как каменный пол камеры под ней подпрыгнул, и наступила тишина.

Она долго ждала, прежде чем выползти из-под орка.

Девушка очень внимательно осмотрела существо, которое она спасла от белого дракона, затем сняла рюкзак и покопалась в нем, пока не нашла маленький пузырек. Положив голову орка себе на колени, Линаэль откупорила пузырек и влила немного содержимого в рот существа. Существо немного покашляло и зашипело, но большую часть зелья проглотило. Линаэль осторожно влила остаток целебного снадобья, следя за тем, чтобы ничего не пролилось.

Через несколько мгновений орк открыла глаза – оба, так как отек значительно уменьшился, – и посмотрела на нее.

– Привет, – сказал орк. – Кто ты?

– Я Линаэль. А ты кто? Не орк, это точно.

Орк улыбнулся.

– Верно, – сказал он, садясь и вставая. – Меня зовут Звездочёт.

Затем, прямо на глазах Линаэль, орк начал меняться. Его форма изменилась, стала выпуклой, увеличилась в размерах и стала более гладкой. Его черты превратились в лицо рептилии, сияющее в магическом свете девушки. Перемена заняла всего несколько ударов сердца, но на месте, где раньше стоял орк, гордо возвышался серебряный дракон, ростом не намного выше самой Линаэль.

– Должен ли я благодарить тебя за то, что ты спас меня от Ториксилеоса и защитил мое сокровище? – спросил серебряный, его голос был немного выше и мягче тех таинственных тонов, которые Линаэль слышала, бросая вызов белому.

– Я ничего не сделала, – тихо, робко ответила Линаэль. – Я только пыталась спастись. Кажется, кто-то еще прибыл и прогнал белого дракона. Я слышала второй голос.

– Это, должно быть, мама, – сказал Звездочёт, – пришла проведать меня. Ториксилеос не станет задерживаться, если она здесь. Идем, – добавил дракон и двинулся к туннелю.

Линаэль последовала за существом, слишком ошеломленная, чтобы говорить.

За туннелем, ведущим к сокровищам, главный зал был пуст, и когда пара двинулась к куполообразному помещению с ледяным валом, огромная фигура, больше даже Ториксилеоса, провалилась сквозь потолок и изящно приземлилась.

– Мама! – сказала Звездочёт, бросаясь к гораздо более крупному серебристому дракону, который блестел в жутком голубом сиянии, как закаленный клинок. – Что случилось?

– Ториксилеос больше не побеспокоит тебя, – сказал более крупный дракон, и это действительно был тот медовый голос, который Линаэль слышала ранее. От этого звука девушке захотелось плакать от радости, настолько он был утешительным. – Что случилось?

– Ториксилеос был здесь, когда я вернулся с прогулки, – сказал Звездочёт. – Я охотился с орками, надеясь узнать о планируемых ими набегах. Он застал меня врасплох, и я едва успел проскользнуть в слишком маленькое для него место, прежде чем потерял сознание.

– Тебе следует быть осторожнее, – наставлял более крупный дракон. – Ты еще недостаточно взрослый, чтобы гулять самостоятельно.

– Я знаю, – ответил Звездочёт, и Линаэль услышала смущение в тоне его голоса.

– А теперь, – сказала мать, глядя на Линаэль, – кто это?

Линаэль покраснела, когда оба вирма посмотрели на неё.

– Я Линаэль Доунмантл, скромная волшебница на пути в Сильвермун.

– Тогда ты такая же глупая, как и мой сын, – сказал огромный серебряный. – Никто не должен пользоваться проходом в это время года, особенно молодые девушки без сопровождения. Как ты здесь оказалась?

– Меня схватил Ториксилеос и привел сюда, чтобы помочь ему вернуть «его» сокровища.

Когда более крупный дракон склонил голову набок на это замечание, Линаэль поспешно добавила:

– Он сказал мне, что Звездочёт на самом деле похититель, но я ему не поверила.

– И как же ты узнала это, Линаэль Доунмантл? – спросил массивный дракон, голос его был грохочущим, хотя девушке показалось, что в словах существа прозвучала благодарность. – Как ты догадалась, что он не тот, кем кажется?

– Просто догадалась, – ответила полуэльфийка. – Ни один орк, задумавший похитить сокровища дракона, не стал бы тащить весь клад в туннели и замораживать его там. Но я не понимала, что Звездочёт на самом деле не орк, пока не начала задаваться вопросом, зачем Ториксилеосу понадобилось, чтобы я помогла ему убить его. Почему дракон просто не атаковал его своим ледяным дыханием? Когда «орк» сказал мне, что на самом деле вором был Ториксилеос, я начала понимать – это сокровище определенно принадлежит дракону, а не орку.

– Я вспомнила, как мой учитель, Амбриэль, однажды сказала мне, что серебряные драконы часто принимают облик людей, чтобы взаимодействовать с ними. И, как и белые, серебряные драконы чувствуют себя в холоде как дома. Холод не может причинить вам вреда, и вы легко могли бы защитить свое сокровище, заморозив его. Орк не смог бы пережить дыхание Ториксилеоса, но серебряный дракон, замаскированный под него, мог. Я поняла это как раз вовремя.

– Очень умно, маленькая Линаэль, – сказал более крупный дракон, казалось, улыбаясь. – И если Амбриэль, о котором ты говоришь, та, о ком я думаю, то она должна знать о серебряных драконах.

Глаза Линаэль слегка расширились, и она спросила:

– Ты знаешь моего учителя?

– Думаю, да. Когда-то, много лет назад, мы были друзьями. Мы вместе изучали магию в Колледже Леди, где я до сих пор провожу время, общаясь со студентами и учителями. Я давно не видела Амбриэль. Когда ты в следующий раз её увидишь, передай привет от Симарры Светлой Луны.

Очень тихим, потрясенным голосом Линаэль сглотнула и сказала:

– У меня есть для тебя книга, подарок от Амбриэль.

СТАНДАРТНАЯ ПРОЦЕДУРА ПОИСКА

Лиза Смедман

7 Элейнта, Год Дикой Магии (1372 ЛД)

Фривальди подошел к двери. Она была массивной, сделанной из цельного железа, петли ввинчивались в грубую каменную стену туннеля. Ручка представляла собой простой рычаг. Замочная скважина под ней имела форму щита. Под ржавчиной, испещрившей поверхность двери, он разглядел выбитый символ: изогнутый охотничий рог с шестиконечной звездой над и под ним.

– Ты был прав, – отозвался он через плечо. – Это Знак Королевства, именно там, где ты сказал.

Дурин, шедший в нескольких шагах позади в темном туннеле, хмыкнул.

– Да ладно, Дурин, – воскликнул Фривальди. – Ты должен быть немного взволнован. Никто не проходил через эту дверь более семи тысяч лет. Мы будем первыми дворфами, ступившими в Кузницу Торунна с тех пор, как она досталась гоблинам. Улыбнись немного!

– Мы еще не внутри.

Фривальди пошевелил пальцами и сказал:

– Легко, как расколоть шифер. Я еще не встречал замка, который был бы мне не по зубам.

– Ты, который стал искателем всего восемь месяцев назад. Это всего лишь твой второй поиск

– Третий, – поправил Фривальди.

– Если бы это был твой сто третий поиск, это могло бы меня впечатлить.

Фривальди отмахнулся от ехидного замечания. Дурин никогда не упускал возможности напомнить ему, насколько он молод – возможно, потому, что Дурин был очень стар. Ветерану-искателю было сто девяносто семь лет, он был уже далеко не в самом расцвете сил. На его обветренном лице был диагональный шрам, прочертивший долину через бровь, нос и щеку, а суставы его пальцев срослись от возраста. Его волосы – то, что от них осталось, – были стального серого цвета. Его борода, свисавшая в одну косу, перекинутую через плечо, кончик которой волочился по земле позади него, была белой, как кварц.

Борода Фривальди, темная и курчавая, как лишайник, выросла только год назад. Он поздно расцвел, отметив свое совершеннолетие в двадцать семь лет – на два года позже, чем большинство дворфов. Он не любил, когда ему напоминали об этом факте.

Он откинул длинные непокорные волосы с глаз и повернулся к двери. Присев на корточки, он сдул пыль с замка и яростно моргнул, когда она попала в глаза. Не обращая внимания на усмешку Дурина, Фривальди покрутил магическое кольцо на указательном пальце правой руки, отчего из простой железной полоски выскочил штырь. Он вставил его в замок.

Дурин прервал его кашлем.

– Что? – раздраженно спросил Фривальди.

Закрыв глаза, он прощупал штырем внутреннюю часть замка и обнаружил первый штифт.

– Стандартная процедура вскрытия дверей, – сказал Дурин, – «ССИЛ»: смотри, слушай, ищи ловушки. Ты смотрел, но не слушал.

– Зачем? – Фривальди повернул штырь, но тот не сдвинулся с места. Семь тысяч лет ржавчины сковали работу замка. – Толщина этой двери не меньше ширины ладони. По ту сторону может быть дракон, я его все равно не услышу.

– Но ты не искал ловушек, – продолжал Дурин.

– Прошли тысячи лет, – пробормотал Фривальди. – Любые ловушки застыли от ржавчины.

Он слышал, как Дурин удаляется, скрываясь за поворотом туннеля. Дурин назвал это стандартной процедурой поиска, подкрепив цитатой из «Тома Искателя»:

– При столкновении с потенциальной опасностью один из членов пары искателей должен оставаться в безопасном месте, чтобы в случае беды можно было доставить отчет в Орден.

Но Фривальди подозревал, что преувеличенная осторожность коренится в возрасте Дурина. Чем длиннее борода, тем больше дворф боялся о нее споткнуться.

Фривальди почувствовал, как ржавчина, удерживающая штырь, немного ослабла, и резко дернул штырь. Штырь согнулся. Ругаясь, он втянул его обратно в кольцо. Из-за угла Дурин продолжал браниться.

– Там может быть палата. Когда я исследовал Залы Хаунгданнара...

На двери не было глифов. Даже сквозь ржавую крапинку Фривальди это было видно. Когда Дурин заговорил, Фривальди поднялся на ноги и закатил глаза. Дурин был мучительно нудным – особенно когда переходил к одному из своих рассказов о поисках десятилетия назад и артефактах, которые он привез в храм Яркой Мантии, описанных до последней скучной детали. Для Фривальди поиск был связан не

столько с артефактами – конечно, у дворфов и так было достаточно волшебных топоров, – сколько с трудностями, возникавшими на пути. Этот замок, например, – вековая ржавчина, застывшая на месте штифтов, одолела бы даже самого опытного плута. Но там, где тонкость не помогла, грубая магия могла пробить путь.

Он стукнул кольцом по двери и сказал:

– *Ол-буракрин!*

Замок щелкнул, и дверь распахнулась с грохотом, от которого пол заскрипел под сапогами Фривальди, выпустив порыв спертого воздуха. За дверью оказалась лестница, ведущая вниз, в темноту. Ступени были вырублены в скале, истертой ногами веками умерших гномов. Ухмыляясь, Фривальди сделал шаг через порог...

И тут позади него на пол грохнулось что-то металлическое. Тяжелый предмет врезался ему в спину, сбив его с лестницы. Фривальди схватился за ручку, пытаясь остановить падение, но его голова ударилась о камень. Перед глазами замелькали искры, а затем все стало черным.

Дурин выбил пробку из флакона, раздвинул губы Фривальди и влил порцию целебного зелья в рот потерявшего сознание дворфа. В воздухе повис запах меда, трав и крови тролля, Фривальди зашипел, потом сглотнул. Его глаза затрепетали, и он застонал.

Дурин потрогал шишку размером с яйцо на голове Фривальди и почувствовал, как она медленно исчезает, когда зелье начало действовать. Он прищелкнул языком, не желая браниться. Мальчик либо извлечет из этого опыта урок и будет более осторожен вблизи закрытых дверей, либо нет.

Скорее всего, нет.

– Что... что случилось? – спросил Фривальди, садясь. Его голос эхом отдавался в пещерном пространстве.

– На верху лестницы была маятниковая ловушка, – сказал он Фривальди. – Если бы ты следовал стандартной...

– Она сбивала меня с лестницы и я ударился головой, – сказал Фривальди. – И что? Я как новенький, благодаря целебному зелью.

– Маятник был топором, – продолжал Дурин. – Только благодаря удаче дерево сморщилось, и расшатанное лезвие отвалилось, прежде чем ударило тебя. Этот топор мог разрубить тебя на две части и убить – и все потому, что ты не следовал стандартной процедуре поиска.

Вместо того чтобы выглядеть раскаявшимся, Фривальди закатил глаза.

– Я знаю, – сказал он. – «ССИЛ».

– «С-ССИЛ», – поправил Дурин. – «С» – слушай...

Фривальди потер голову и закончил за него:

– И спружинь ловушку.

Дурин вздохнул. Неужели он ничему не смог научить своего ученика? Он откупорил флакон и положил его обратно в боковой карман своей сумки искателя, затем отстегнул главный клапан. Потянувшись к магической сумке, он нащупал

предмет, который искал, и почувствовал, как тот уткнулся в его руку. Он достал карту, которую собирал десятилетиями, и осторожно развернул ее. Комната, в которой они стояли, была огромной, выходящей за пределы его темного зрения, и имела арочную крышу, достаточно высокую, чтобы вместить гиганта. Пол, некогда полированный, был расколот давними подземными толчками. На полу, где они упали, лежали скелеты в истлевших кожаных доспехах – скелеты с грубо вытянутыми руками и широкими челюстями с маленькими острыми клыками. Это были гоблины, захватившие королевство Огранн и твердыню Торунна Смелого.

Фривальди поднялся на ноги и огляделся.

Его взгляд остановился на статуях, стоявших по обе стороны лестницы.

– Это должны быть Морадины? – спросил он. – Они выглядят так, будто их вырубил топором.

Дурин ощетинился. Фривальди ничего не знал об искусстве.

– Они вырезаны в стиле, характерном для древнего Огранна, – терпеливо объяснил он. – Видишь острые углы их лбов, носов и подбородков?

Фривальди кивнул, но его внимание было рассеянным.

– Они должны напоминать грани драгоценных камней, – объяснил Дурин, подойдя к ближайшей статуе и проведя рукой по камню.

Поверхность была точной и гладкой, на ней не было ни скола, ни неправильного резца. Будь у него блок, канаты и команда пони, он бы с радостью утащил статуи. Они стали бы прекрасным дополнением к библиотеке в Серебряной Луне.

– Руки, ноги и пальцы нарочито шестиугольные, как горные кристаллы, – продолжал Дурин. – Эти статуи – изысканный образец своего типа, каменная метафора создания расы гномов, которую Морадин создал из драгоценных металлов и камней, вырезанных из сердца...

– Так это и есть тот зал, который мы искали? – прервал Фривальди. Он толкнул сапогом один из скелетов. Его череп развалился, и ржавый шлем упал на пол. – Я не вижу никакого топора. Много гоблинских мечей и булав, но ни одного топора.

Дурин вздохнул. Что, только блеск в глазах Яркая Мантия использовала в качестве критерия отбора в искатели в эти дни?

– Это, – заключил Дурин, – должно быть, Зал Всеотца. Погибель Каэрлеуса лежит на юго-западе, в Зале Молотов.

Он прошел по прямой линии через весь зал, который оказался шириной ровно сорок шагов. Достигнув стены, он повернул направо – стандартная процедура поиска «ИНРИН»: иди направо, развернись, иди направо – и обошел восьмиугольный зал. По дороге он цитировал «Падение Смелого» – сагу, которую он десятилетиями собирал из фрагментов: надписей на стоячих камнях и пиршественных чашах, пыльных пергаментов, давно забытых на библиотечных полках, и бардовских песен.

И когда пал Зал Молотов,

Смелый Торунн услышал свой собственный предсмертный крик.

Проклятие Каэрлеуса он создал,

Брошенный лежал, все было напрасно.

Фривальди рысил позади него, шаркая и разбрасывая скелеты.

– Я не вижу тел дворфов, – сказал Фривальди.

– Дворфы вынесли своих мертвецов, – ответил Дурин. – Это было упорядоченное отступление.

Заметив трещину в стене, которая шла под углом к полу, Дурин осмотрел ее в соответствии с процедурой «ПВОП»: почувствовать воздух, осмотреть и послушать. Он намочил палец и приложил его к трещине. Воздух не выходил. Он провел ладонью по полу, но не обнаружил никаких бороздок, которые указывали бы на то, что ноги истерли камень. Он резко ударил по стене своей киркой, но не услышал никаких отголосков. Трещина была естественной расщелиной, ведущей на небольшое расстояние в стену, а не потайной дверью.

Фривальди все это время безучастно смотрел по сторонам.

– Так почему они не забрали с собой топор?

– Оружие, – поправил Дурин, продолжая обход зала. Он миновал лестницу. – Точный перевод с языка Аулд-Детек – «оружие».

Фривальди махнул рукой и сказал:

– Топор, оружие – что угодно. Почему они не взяли его с собой, если он был так ценен?

– Погибель была слишком велика, – объяснил Дурин. – Только Торунн мог им владеть.

Он сделал паузу. Часть стены была наклонена под небольшим углом. Настало время для «МОСП»: манипулировать, осматривать, сдвигать, подталкивать». Он нажал на приподнятое место на стене рядом с ним, но ничего не произошло. Участок стены не сдвинулся, когда он прижал к нему ладони и надавил вверх, потом вниз, потом влево, потом вправо. Не открылась она и при резком толчке плечом.

Фривальди все это время продолжал бездействовать. Он мог, по крайней мере, подставить свое плечо для толчка. Вместо этого он продолжал свои глупые рассуждения.

– Торунн возглавлял отряд со щитом, который прорвался сквозь ряды гоблинов. Почему он не использовал топор против гоблинов?

Дурин вздохнул и продолжил обход зала. Фривальди явно не был внимателен в тот вечер, когда Дурин читал ему сагу. В стихах с тысяча триста пятьдесят шестого по тысяча триста семьдесят четвертый ясно говорится о назначении магического оружия, которое выковал Торунн, – убить синего дракона, который беспокоил королевство почти столетие: дракона Каэрлеуса. Магическое оружие позволило бы Торунну сражаться с драконом «коготь за коготь», согласно поэтическому языку саги. Владелец оружия был бы невосприимчив к основной атаке синего дракона – световому болту, который он извергал из своей пасти, и к ауре страха, которая, словно тень, следовала за зверем. Однако против гоблинов Погибель была не более эффективна, чем обычное оружие.

Поскольку его карта оказалась точной, Дурину оставалось лишь сдерживать свои эмоции. По меньшей мере дважды его губы подергивались, грозя растянуть рот в улыбку, но он выпрямил его в привычную мрачную линию.

Однако если бы он поддался праздному веселью, у него были бы веские причины. После десятилетий поисков в Горах Штормового Рога, он наконец-то

нашел кузницу Торунна. Он был уверен в этом. Возвращение Погибели Каэрлеуса станет величайшим достижением за всю его долгую карьеру. Ни один искатель никогда не возвращал оружие такого типа. Подумать только, что узнают из него боевые клирики Ордена. Утраченные секреты ограннской металлургии будут возвращены свету.

Жаль, что ему достался такой дурак, как Фривальди. Дурину следовало держать язык за зубами, когда Орден спросил, кто будет наставлять нового члена. Дурин представлял себе ученика, который будет жадно следить за каждым его словом, который будет *учиться*. С Фривальди все было не так. Мальчик обладал талантом открывать замки, это правда, но, по правде говоря, Дурину было бы легче искать Погибель Каэрлеуса самостоятельно. Вместо этого он остался с мальчишкой, чья борода была недостаточно длинной, чтобы заплести ее в косу.

Поняв, что он достиг места, откуда начал свой путь, Дурин остановился и обратился к своей карте. Не пропустил ли он чего-нибудь? Он оглянулся назад вдоль стены, по которой только что прошел. Ничего. Только голая стена. Зал Всеотца был одним из главных входов в кузницу Торунна, но из него не было выхода, кроме лестницы. Вывод мог быть только один: это был не Зал Всеотца. В конце концов, он не нашел кузницу Торунна. Он склонил голову, и борода соскользнула с плеча на пол.

Фривальди заглянул через плечо Дурина.

Он ткнул пальцем в карту и сказал:

– Мы здесь, верно?

Дурин рывком отдернул карту и медленно свернул ее.

– Я так думал, – сказал он. – Но я...

Он не мог заставить себя сказать это.

– И эта руна в конце линии, ведущей на юго-запад от Зала Всеотца... – продолжал Фривальди. – Это Аулд-Детек – «молот», верно?

Дурин хмыкнул. Он и не подозревал, что Фривальди умеет читать по-аулд-детекски.

Фривальди огляделся вокруг, поглаживая свою жалкую бородку.

– Тогда выход должен быть... там!

Он указал на трещину, которую Дурин тщательно обследовал ранее.

Дурин покачал головой.

– Это твердый камень, – сказал он. – Стандартная процедура поиска не выявила никакого выхода.

Фривальди фыркнул и ответил:

– Стандартная процедура поиска не позволяет фантазировать. Все эти дурацкие аббревиатуры...

У Дурина сжались кулаки. Он написал главу об аббревиатурах для «Тома Искателя». С опозданием он понял, что только что скомкал свою карту.

Фривальди вскинул голову, откидывая волосы с глаз. Эта привычка раздражала его. Она напомнила Дурину о нетерпеливом пони, на котором он однажды ехал. Проклятое богами животное ускало, прихватив с собой палатку и постель.

– Вот тебе новый акроним, – сказал Фривальди. – «Б-В-Т».

Дурин нахмурился.

Фривальди подмигнул и сказал:

– Беги в тени.

Развернувшись, Фривальди бросился прямо на треснувшую стену. Дурин вздрогнул, ожидая удара тела о камень, который означал бы, что мальчик во второй раз потерял сознание.

Звук бегущих шагов резко прекратился.

Дурин повернулся. Фривальди уже не было.

– Клянусь бровью, – пробормотал Дурин. – Это иллюзия.

Перекинув бороду через плечо, он прошел сквозь стену.

Фривальди ждал, скучая, пока Дурин осматривал коридор на четвереньках, вглядываясь в пол. Если он правильно помнил, процедура называлась «СОШПОП» и была связана с тем, что через каждые несколько шагов нужно было приседать и осматривать пол. Одиннадцать, предположил он. Это была бы вторая «О». Это показалось Фривальди глупым. Любая ловушка может сработать и на втором шаге, и на седьмом, и на двенадцатом.

Своим кинжалом он нацарапал на стене рядом с собой свое имя, вырезав его на фреске, сделанной из естественной серебряной жилы в скале. В грядущие века, когда другие искатели будут исследовать Кузницу, они увидят ее и узнают, что Фривальди Лодер был здесь первым.

Дурин поднялся, перекинул бороду через плечо и отсчитал еще одиннадцать шагов, а затем снова опустился на колени, уже, наверное, в сотый раз.

Фривальди вздохнул. Если бы он руководил поиском, они бы исследовали все манящие боковые проходы и двери, которые видели с тех пор, как покинули зал с изрубленными статуями. Например, ту, мимо которой они только что прошли. Как и дверь наверху лестницы, она тоже имела замок в форме щита. Вероятно, эта дверь вела куда-то в важное место, но Дурин прошел мимо нее.

Фривальди пошевелил пальцами. Ученик должен был практиковаться. Разве нет?

«На этот раз, – подумал он, – я буду знать, чего следует остерегаться».

Подойдя к двери, Фривальди прислушался – ничего, посмотрел – опять ничего, поискал – никаких признаков ловушки. На всякий случай он присел с одной стороны двери, вытащил штырь из кольца и вставил его в замок. Штифты отодвинулись с минимальным усилием. Фривальди повернул кольцо

и откинул назад волосы. Он слегка приоткрыл дверь, наполовину ожидая, что в любой момент с потолка покатится маятниковый топор. Ничего подобного.

Он толкнул дверь. Она застряла, упиралась во что-то. Он толкнул сильнее, упершись в нее плечом. Что-то протащилось по полу, который, как заметил Фривальди, окрасился в цвета, похожие на засохшую кровь.

Возможно, он был не первым искателем, прошедшим этим путем.

Он заглянул за дверь и увидел тело, давно уже мертвое. Это было одно из самых странных существ, которых он когда-либо видел. Высокое и тяжелое, как человек, оно имело кожистые крылья и гриву густых, сваливавшихся волос. Лицо было

вытянутым – скорее морда, а челюсть усеяна костяными чешуйками. Из-под каждого заостренного уха торчал колючий рог. На нем была пестрая одежда: рваный плащ, кожаные штаны, разошедшиеся по швам, и сапоги с отрезанными носками, из которых торчали длинные изогнутые пальцы, заканчивающиеся когтями. Вокруг шеи был кожаный ремешок, продетый через три кольца. Тело было не таким старым, как трупы гоблинов. Судя по удушливому запаху, оно умерло всего несколько месяцев назад, может быть, не больше года. В его плоти было дюжина или больше проколов размером с лезвие кинжала. Вероятно, существо активировало какую-то ловушку.

Помещение было квадратным и небольшим, не более двух-трех шагов в ширину. У задней стены лежала груда монет, высыпавшихся из прогнившего деревянного сундука. Должно быть, когда-то здесь была сокровищница. На краю кучи лежал круглый синий камень – сапфир в форме куриного яйца. На одной его стороне – той, что была наклонена в сторону Фривальди, – была вырезана руна Аулд-Детек, но он не мог прочесть ее со своего места. Он присел и потянулся к драгоценному камню.

– Не трогай его!

Фривальди вскочил на ноги и воскликнул:

– Дурин! Ты меня напугал!

Старший гном схватил Фривальди за руку и выдернул его из комнаты.

– Никогда-никогда-никогда больше не ходи в одиночку.

Фривальди стряхнул руку Дурина и сказал:

– С чего бы? Опять стандартная процедура поиска?

– Нет, – прорычал Дурин. – Просто здравый смысл, черт возьми. Мы здесь, чтобы найти Погибель Каэрлеуса, а не набивать наши карманы золотом.

– Я не...

– Нет, ты собирался. Я видел, как ты потянулся за монетами. Если бы ты дотронулся до них, то получил бы неприятный сюрприз.

– Что ты имеешь в виду?

– Смотри.

Дурин достал из кармана большую медную монету и бросил ее на кучу. Десятки золотых «монет» отрасли ноги и вяло забегали по комнате, наполняя ее металлическим звоном. Через несколько мгновений они затихли, убрав свои ножки.

Фривальди был заинтригован этими крошечными существами. Он никогда не видел ничего подобного.

– Что это такое? – спросил он, поддавшись в комнату.

– Кладовые жуки, – сказал Дурин. – Они вгрызаются в плоть и направляются прямо к жизненно важным органам. Рой может уничтожить человека за время, необходимое для того, чтобы моргнуть. Они могут лежать в спящем состоянии веками, ожидая, когда к ним прикоснется теплокровный.

– О.

Дурин вышел из комнаты.

– Так вот что его убило.

– Кого?

– С чешуйчатым лицом. Существо за дверью.

Дурин отстегнул клапан одного из длинных узких мешочков, висевших у него на поясе – в них хранились его инструменты для поиска – и достал оттуда маленькое серебряное зеркальце, закрепленное на коротком сегментированном стержне. Осторожно, не сводя глаз с кучи монет, он протянул зеркальце и заглянул в дверь. Он хмыкнул, кивнул сам себе, затем свернул зеркальный стержень и положил его обратно в сумку.

– Ты собираешься сказать мне, что это за существо? – спросил Фривальди. – Или мне придется искать его в «Томе Искателя»?

Дурин бросил на него кислый взгляд, но ответил:

– Это драконид.

– Что это такое?

– Они похожи на драконов, но не такие умные и не такие могущественные. Ни дыхательного оружия, ни заклинаний, но они могут вспороть тебе кишки одним взмахом когтей и умеют пользоваться оружием. Их тянет ко всему, что связано с магией. Они не могут устоять перед ней, так же как ворона не может отказаться от чего-то блестящего. Они выбирают места чистой магии, даже если не знают, как ею пользоваться. – Он сделал паузу, кивнув сам себе. – Так вот кто сделал царапины на полу. Драконид.

– Кольца магические? – спросил Фривальди.

– Сейчас узнаем.

Дурин открыл второй клапан и достал жезл с крючковатым лезвием на одном конце и клешнеобразной рукояткой на другом. Вытянув его, он перерезал лезвием ремешок на шее дракониды, затем перевернул его и с помощью подпружиненных щипцов достал кольца, одно за другим. Первые два он положил в сумку, а последнее протянул Фривальди для осмотра. Это было кольцо из цельного гематита с бриллиантом в форме щита.

– Это камень-кожа. Если бы драконид носил ее, жуки не смогли бы пробить его плоть.

– А сапфир? – спросил Фривальди, разглядывая его. – Я полагаю, что это самый ценный из всех магических предметов, а драконид был слишком глуп, чтобы понять, что это такое.

– Сапфир? – Дурин фыркнул. – Это синяя шпинель, а не сапфир. Это тебе любой безбородый мальчишка скажет.

Лицо Фривальди покраснело.

– И это не что иное, как магическая безделушка, – продолжал Дурин. – Дворфы Огранна раздавали их в качестве подарков на своих пирах. Я нашел сотни. Я перестал их собирать.

– Что они делают?

Губы Дурина дрогнули. Улыбка? Он сложил свой жезл с клешнеобразной рукояткой и убрал его в чехол.

– Поищи это в «Томе Искателя», когда мы вернемся в Серебряную Луну, – сказал он. – Том шестнадцать, глава четыре, номер записи восемьсот девять.

Фривальди взглянул на драгоценный камень и пошевелил пальцами. Зачем ему ждать, пока они вернутся в Серебряную Луну, если можно узнать все здесь и сейчас?

Со скоростью высвобождающейся ловушки он вбежал в комнату и выхватил драгоценный камень из кучи монет, прежде чем жуки успели облепить его руку.

– Вот, – сказал он, повернувшись к Дурину. – Теперь я могу начать свою собственную коллекцию...

Что-то странное произошло с его темным зрением. Коридор больше не был черно-серым – он стал синим. Нет, это его кожа стала синей. Она светилась жутким синим светом, который также исходил от его одежды, волос, даже от кинжала и сумки. От испуга он подбросил драгоценный камень в воздух.

– Это просто волшебный огонь, – ответил Дурин. – Прикосновение к руне активировало заклинание.

– Я так и знал, – сказал Фривальди. Он подбросил ногой упавший драгоценный камень обратно в воздух и на всякий случай оттолкнул его от локтя, а затем поймал, стараясь выглядеть невозмутимым. – Мой... племянник... будет в восторге.

Он стряхнул с плеч рюкзак и открыл его главный клапан, наслаждаясь запахом новой кожи, который исходил от него, и опустил драгоценный камень внутрь.

Дурин, осмотрев дверь, сказал:

– Ты взломал этот замок?

– Конечно. – Фривальди пошевелил пальцами. – Легко, как...

– Тогда как драконид попал внутрь?

– Это... – Фривальди пожал плечами. – Он телепортировался?

Дурин уставился в пол, бормоча про себя:

– По россыпи монет... да. Вот.

Он надел гематитовое кольцо на палец и шагнул в комнату. Кладовые жуки соскакивали с кучи монет и бросались ему на ноги, проделывая дыры в брюках и сапогах. Они отскакивали от его кожи и падали на пол. Дурин не обращал на них внимания.

– Что ты делаешь? – спросил Фривальди.

Сияние волшебного огня начало ослабевать. Он почти снова мог нормально видеть.

Дурин осмотрел участок задней стены. Он прижал ладони к камню и надавил. С визгом ржавых шарниров и негромким ворчанием участок стены размером с дверь открылся, открывая коридор.

– Стандартная процедура поиска, – пояснил Дурин. – «СПДБИ»: секретные переходы должны быть использованы.

Он уперся плечом в дверь, которая, казалось, стремилась снова закрыться, и стал возиться с кольцом на пальце.

Ожидая.

Внезапно Фривальди понял. Это была проверка его способностей. Испытание – такое же, как взлом замка.

Он оглядел кучу монет. Кладовые жуки, которые бросались на Дурина, сдались и поползли обратно к своим собратьям, но несколько все еще беспокойно шевелились на куче. А куча находилась прямо перед вращающейся дверью. Он взглянул на труп дракониды – на десятки дыр размером с монету в его плоти – потом на Дурина, который все еще крутил кольцо на пальце.

Фривальди усмехнулся, сделал глубокий вдох и помчался к двери. Один шаг, второй – кладовые жуки соскочили с кучи и роем понеслись к нему, – затем он прыгнул. Он пронесся мимо Дурина, сбив его с ног. Позади них с грохотом захлопнулась дверь. Что-то металлическое покатилося по полу: кольцо каменной кожи.

Дурин отпихнул Фривальди и сказал:

– Клянусь бородой Морадина, мальчик, неужели ты всегда такой нетерпеливый? – Он поднял кольцо и сунул его в карман. – Оно застряло у меня на пальце.

Фривальди взял себя в руки.

– Ты собирался бросить кольцо мне? – спросил младший дворф. – Я думал...

Дурин встретил его взгляд и сказал:

– Что? Что я не хотел пойти на рассчитанный риск, чтобы провести ученика через опасное место, не то кладовые жуки напали бы на меня во второй раз? – Он откинул бороду на плечо. – Ты плохо меня знаешь, парень.

Дурин снял рюкзак и достал из него железный прут длиной с его предплечье. Один конец был обтянут потертой кожей, как рукоять часто используемого меча. На другом конце был небольшой набалдашник в форме морды гончей.

– Что это? – спросил Фривальди.

– Что-то, что подскажет нам, есть ли впереди дракониды.

Фривальди вспомнил аббревиатуру:

– «ФОИВ», верно? Фланкировать, обнаружить, искоренить врагов. Мы должны убедиться, что дракониды не подкрадутся к нам сзади.

Волшебный огонь наконец-то ослаб, и он мог ясно видеть лицо Дурина.

– Не совсем, – сказал Дурин, его глаза блестели, как слюда.

– Чем сильнее двомер, тем больше дракониды чувствуют его притяжение. Их тянет к артефактам, как кладовых жуков к теплой плоти. Если мы найдем других драконидов...

Фривальди усмехнулся и закончил:

– Мы найдем Погибель Каэрлеуса.

Жезл дрожал в руке Дурина, указывая на то, что впереди враждебные существа. Прижав палец к губам, он сделал строгое движение, показывая, что Фривальди должен оставаться на месте, а затем пополз вперед по коридору. Впереди открылась галерея, идущая вдоль одной стороны большого зала. Снизу до Дурина доносился шум от полудюжины до дюжины гортанных голосов. По шипению и щелчкам он узнал драконий язык, но голоса звучали слишком низко, чтобы он мог разобрать слова.

Низкая стена галереи была украшена изящным, как кружево, узором. К сожалению, она пострадала. От нее откололись большие куски, и в нее был воткнут ржавый наконечник копья. Проползая вперед, Дурин заглянул вниз через то, что осталось.

То, что он увидел в зале внизу, заставило его расширить глаза. Он ожидал увидеть там восьмерых драконилов, но от фигуры, перед которой они стояли на коленях, его бросило в дрожь. Дракон! И не просто дракон. Чудовище находилось лишь на краю поля зрения Дурина, но даже так он мог разглядеть загнутые уши и один вильчатый рог, торчащий из лба, которые были отличительными признаками синего.

Выжил ли Каэрлеус за все эти века?

Нет, синий может прожить две тысячи лет, но не семь. Дракон внизу, должно быть, был одним из потомков Каэрлеуса. Какая горькая ирония – то, что он выбрал своим логовом кузницу Торунна.

Дракон сидел, не шевелясь, в центре большого зала. Стоя, он был бы высотой с галерею. Его длина от морды до кончика хвоста достигала тридцати шагов. По сравнению с ним драконилов казались ничтожными. Они склонились перед ним, прижав морды к земле и сложив крылья, словно поклоняясь ему. Дракон не обращал на них внимания. Казалось, он спал.

Дурин оглядел зал. Это был Зал Молотов – об этом свидетельствовали высеченные в стенах колонны, каждая из которых была увенчана стилизованной головой молота. В левом конце зала находилась массивная кузница, давшая название крепости Торунна. Перед ней находилась наковальня размером с пиршественный стол и дыра в полу глубиной до пояса, в которой когда-то хранилась вода для закалки. Стена справа была из грубого, необработанного камня.

Дурин обвел взглядом зал, ища Погибель Каэрлеуса. Согласно саге, он был только что выкован и напитан магией, когда произошло нападение гоблинов. Даже спустя семь тысяч лет оно должно было быть отполированным и блестящим. Но единственное оружие, которое Дурин мог видеть, было древним и ржавым. Некоторые из них были дворфовскими топорами и ургошами, некоторые – более грубым гоблинским оружием, но ни одно не было Погибелью Каэрлеуса.

Неужели драконилов просто унесли его с собой?

Нет, Дурин так не думал. Судя по загрязнениям на полу, драконилов сделали Зал Молотов своим домом уже несколько месяцев – хотя, как ни странно, в воздухе пахло свежестью. В воздухе даже ощущался привкус дождя, свежего камня. Возможно, это был какой-то магический эффект, призванный развеять сажу и дым кузницы.

Ответ на загадку пришел мгновение спустя, когда из твердого камня, хлопая крыльями, показался девятый драконил. Грубая каменная стена была иллюзией.

Дурин напрягся, когда драконил крутанулся вокруг галереи, но существо, похоже, его не заметило. Оно приземлилось рядом со своими собратьями на пол, скребя когтями по камню, затем присело, сложив кожистые крылья на спине.

Что-то задело его ногу, и он испугался. Повернув голову, – он не хотел делать резких движений, которые могли бы насторожить существ внизу, – Дурин увидел, что Фривальди снова его не послушался. Мальчик пополз вперед и, вытаращив глаза, смотрел на происходящее внизу.

– Это...

Дурин прижал руку ко рту молодого дворфа, заглушая шепот.

Как только мальчик замолчал, Дурин вновь обратил свое внимание на зал внизу. Драконилов поднимались на ноги. Пятеро из девяти раскрыли крылья и бросились

на иллюзорную стену, пробив ее насквозь. Оставшиеся четверо, казалось, вели беседу, которая через мгновение превратилась в уродливый разговор, когда один из драконилов выхватил что-то из рук другого. Завязалась драка, и предмет – палочка – упал на пол. Два других драконилов одновременно бросились за ней, перетаскивая палочку туда-сюда.

С опозданием Дурин понял, что Фривальди начал ползти по галерее к лестнице, ведущей вниз. Дурин хлопнул себя по лбу. Клянусь бородой Морадина, ну почему ему подсунули такого идиота? Драконилов наверняка уйдут, как только закончится их ссора – неужели у Фривальди нет хотя бы наперстка терпения? Стандартная процедура поиска диктовала точные шаги, которые нужно предпринять, столкнувшись с превосходящим числом – «СЖПМ»: сидеть и ждать подходящего момента.

В ярости Дурин подполз к мальчику и дернул его назад.

Фривальди поскользнулся, его руки ушли из-под ног. Его плечо ударилось о поручень, выбив из него кусок. На один удар сердца, на два, Дурин затаил дыхание. Затем он услышал грохот приземления внизу.

Как один, четверо драконилов повернули головы и уставились на пятно на полу. Затем, медленно, они подняли головы. Один из них указал на то место, где прятались Фривальди и Дурин. Он издал дребезжащее шипение и взмыл в воздух. Остальные трое прыгнули за ним.

– Бежим! – крикнул Дурин, поднимаясь на ноги.

– Так! – крикнул Фривальди, срывая кожаные ножны с лезвия своего топора. – Ответный удар до нейтрализации.

– Только не «ОУДН», – с досадой сказал Дурин. – Беги!

Фривальди повернулся и гаркнул

– А?

Сзади на него налетел драконилов, сбив его с ног.

Ругаясь, Дурин сунул руку в карман. Но не успел он надеть на палец кольцо каменной кожи, как один из драконьих когтей сгреб его за плечо, крутанув на месте. Задышавшись от жестокой боли, вызванной бороздами, которые только что прорезали его плоть, Дурин упал на колени, из его плеча потекла кровь. Что-то потянуло его за рюкзак, и руки вывернулись назад, когда рюкзак сорвали с его спины.

Драконилов больше не было.

Фривальди тоже.

Пошатываясь, Дурин поднялся на ноги и огляделся. Драконилов кружились в воздухе над драконом, сначала один хватал рюкзак, потом другой, и их пронзительный рев наполнял зал. Фривальди лежал на полу внизу, его рюкзак искателя болтался на одной лямке. Драконилов, должно быть, скинули его с галереи и уронили. Он все еще был в сознании – неуверенно поднялся на колени, держась за голову.

– Фривальди! – крикнул Дурин. – Отойди от дракона, пока он не проснулся.

Фривальди либо не расслышал его за шумом, который подняли драконилов, либо все еще был в беспамятстве от того, что его скинули. Ему удалось подняться на ноги, но потом он зашатался. Он ударил рукой по боку дракона, чтобы успокоиться.

Затем он внимательно осмотрел его чешую и сделал нечто такое, что заставило Дурина разинуть рот.

Он постучал по голове дракона.

Ошеломленный глупостью мальчика, Дурин едва не бросил его на произвол судьбы. Стандартная процедура поиска требовала, чтобы он сократил потери и отступил; местонахождение Кузницы Торунна было гораздо важнее жизни одного искателя. После всех десятилетий, завершившихся тем, что наконец-то был найден Зал Молотов, было бы глупо возвращаться назад, но Дурин мог вернуться снова с новым напарником. Более опытным. Орден не станет его винить, если...

– Эй, Дурин! – крикнул Фривальди. – Я нашел его. Я нашел Погибель Каэрлеуса!

Дурин вздрогнул. Четверо драконидов, продолжая играть со своей стаей в крылатую игру «поймай камень», вылетели сквозь иллюзорную стену и исчезли из виду, но дракон все еще находился в зале внизу. Наверняка крик Фривальди разбудил его. С опаской Дурин заглянул за перила галереи.

Дракон не двигался. Фривальди, стоявший рядом, яростно манил его. Заметил ли он оружие? Неужели Погибель погрузила дракона в магическую дрему? И поэтому он не просыпается?

Дурин глубоко вздохнул и поморщился от боли в раненом плече. Он надел кольцо каменной кожи, поднял оружие и медленно и осторожно спустился по лестнице. Подойдя к Фривальди, он задал вопрос шепотом.

– Где?

– Здесь, – ответил Фривальди.

Он постучал по голове дракона во второй раз. Раздалось пустое металлическое эхо.

Дурин почувствовал, что его глаза расширились.

– Это... это железо, – задохнулся он. – Статуя.

– И посмотри на это, – сказал Фривальди, оттягивая челюсть дракона вниз. Пасть плавно и бесшумно открылась, обнажив ряд кинжалов, которые были вставлены в челюсть как зубы. – Это шарнир. Крылья тоже. А чешуйки прикреплены по отдельности, чтобы сделать тело более гибким. Но самое интересное, что, несмотря на то, что он сделан из железа, на нем нет ни пятнышка ржавчины. Все детали как новые. Значит, это должно быть...

– Магия, – сказал Дурин, завершив мысль.

Он провел рукой по боку дракона. Это была правда. Железо имело необычный голубоватый оттенок, но в остальном казалось свежим, только что из кузницы. И все же это явно была вещь, сделанная очень давно. Оно не просто недавно появилось в Зале Молотов. Оно лежало там веками, ожидая момента, чтобы прорваться сквозь иллюзорную стену.

– Голем, – прошептал Дурин. – Голем в форме дракона. Так вот почему Погибель Каэрлеуса была слишком велика, чтобы двигаться.

– Именно такой вывод я и сделал.

Дурин проигнорировал дерзкий комментарий молодого дворфа. Он вздохнул. Возможно, Фривальди был прав. Может быть, он стареет. Как же он не распознал дракона?

Фривальди посмотрел на голема, наклонив голову, и спросил:

- И как же ты заставишь его двигаться?
- Никак, – ответил Дурин. – Только создатель голема может им командовать.
- Это Торунн, верно? – спросил Фривальди.

Дурин кивнул.

- А Торунн мертв, так что это бесполезно. Мы проделали весь этот путь зря.

Дурин сжал кулаки. Нет. Этого не может быть. Все эти десятилетия искать Погибель, а найти...

Минуточку. Закрыв глаза, он вспомнил двести семнадцатый стих саги и пробормотал вслух.

– И когда, наконец, была сотворена Погибель, Смелый Торунн запечатлел его мыслью. – Его цель – убить синего дракона, но этого он никогда не сделает. Дурин открыл глаза.

- Торунн действительно приказал ему, – сказал он. – Так сказано в саге.

- Тогда почему он не улетел и не напал на Каэрлеуса? – спросил Фривальди.

Он отпустил челюсть, которая с лязгом захлопнулась.

Дурин взглянул на скелет гоблина, лежавший неподалеку, потом на иллюзорную стену. Он догадался, что гоблины переполнили Зал Молотов до того, как иллюзорная стена рассеялась. Голем, не видя своей цели, оставался на месте, ожидая ее появления, на протяжении веков.

– Мы не зря проделали этот путь, – сказал Дурин с неловким волнением в голосе. – Голем лежит в спящем состоянии, как и кладовые жуки. Если появится цель – если снаружи можно будет создать иллюзию синего дракона и развеять иллюзорную стену, – можно будет заманить Погибель обратно в Серебряную Луну. Он хлопнул Фривальди по спине. – Мы сделали это!

Фривальди не смотрел на него. Он смотрел на иллюзорную стену, и с каждым мгновением его глаза становились все больше, а лицо все бледнее.

- Э, Дурин...

Дурин оглянулся через плечо и почувствовал, как побледнело его лицо, когда он заметил дюжину драконидов, которые только что пролетели сквозь иллюзорную стену. Они приземлились на пол зала и угрожающе направились к Дурину и Фривальди, щелкая когтями по каменному полу. Самый крупный из них – драконид с одним сломанным рогом и мерзкой ухмылкой на морде – нацелился на Фривальди.

– Магия, – рявкнул он на грубом подобии дворфийского языка. – Отдай. Или умри.

Позади него захихикал другой дракончик.

Фривальди взглянул на Дурина и спросил:

- Что мне делать? Отдать им свою сумку?

Дурин чуть не улыбнулся. Фривальди спрашивает у него совета? Он поднял свой топор. Даже с кольцом каменной кожи он недолго продержится против таких противников, но, возможно, если ему удастся выглядеть достаточно грозно, Фривальди сможет сбежать и передать весть о том, что они нашли Погибель, обратно в Орден. Он сохранял стоическое выражение лица, стараясь не выдать боли в раненом плече. Кровь пропитала его рукав и капала на пол. Он уже чувствовал себя немного слабым. Если бы только у него было целебное зелье, но оно было в его рюкзаке, который исчез.

– Ты моложе и быстрее, – сказал он Фривальди. – Брось свою сумку в середину их. Они будут драться за нее. Потом беги. Возвращайся в Серебряную Луну. Скажи Ордену...

Фривальди не слушал. Он присел на корточки, разворачивая свою сумку.

– Внутри много магии, – сказал он вождю драконов.

– Что ты делаешь? – спросил Дурин, задыхаясь. – Иди!

– Эти парни частично драконы, верно? – спросил Фривальди.

– Да, но...

Дракониды придвинулись ближе, расталкивая друг друга локтями, пытаясь заглянуть внутрь сумки. Их вожак зарычал, подталкивая локтями ближайших к нему.

– И голем настроен на атаку драконов.

– Не на любого дракона, – проворчал Дурин. Его руки вспотели на рукояти топора. Если Фривальди не убежит в ближайшее время... – Только Каэрлеус.

Фривальди достал из сумки пузырек с зельем и протянул его.

– Эй, ребята, магия!

Он швырнул пузырек в сторону, и тот разбился о пол. Трое драконидов тут же подскочили к тому месту и принялись лакать разлитое зелье. Еще полдюжины пытались оттащить их назад, чтобы попробовать самим.

Фривальди вытащил шпатель из своей сумки и осторожно взял ее в руки.

– В саге говорится не об этом, – сказал молодой дворф. – Его назначение... – Он подбросил шпатель в воздух. – убивать драконов синего цвета.

Когда шпатель устремилась к потолку, драконьи когти подпрыгнули в воздух, яростно хлопая крыльями. Один схватил ее – и тут же вспыхнул синим сиянием, когда активировалось заклинание волшебного огня, которое содержал драгоценный камень. За ним поднялся второй драконид, яростно хлопая крыльями, и нанес кулаками молотообразный удар по голове первого. Шпатель упала. Другой драконид подскочил и схватил ее – и тоже начал светиться жутким синим светом. Третий дракончик схватил драгоценный камень, но его выбил из рук летящий снаряд, затем четвертый...

Остальные дракониды поднялись в воздух, желая присоединиться к охоте. Предводитель драконидов что-то прорычал им, но они не слушали его. Скрежеща зубами, вожак прыгнул в воздух.

Дурин услышал позади себя звук: плавное скольжение металла по металлу и скрип петли. Он повернулся.

Железный голем поднял голову. Его металлические мышцы напряглись, крылья распахнулись, и он сделал выпад вверх, вырвав из воздуха одного из светящихся драконидов. Отрубленная нога вылетела из его челюстей и с мокрым кровавым звуком упала рядом с Дурином.

– Да! – крикнул Фривальди, ударяя кулаком в воздух. – Добей их, голем!

К тому времени больше половины драконидов прикоснулись к драгоценному камню. Их вожак – очевидно, более умный, чем остальные, – бросился на них с криком на драконьем языке, а затем бросил их и скрылся сквозь иллюзорную стену. Голем вскинул голову, отбросив в сторону то, что осталось от окровавленного трупa, а затем издал победный рев – пустой звук, похожий на гром, отдающийся в колоколе.

Драконид, державший драгоценный камень, издал пронзительный писк страха, затем выронил шпатель и бросился сквозь стену вслед за своим предводителем. Остальные последовали за ним так быстро, как только могли нести их крылья.

– Вперед! – крикнул Фривальди голему, указывая на иллюзорную стену. – Прикончи их.

Голем взмыл вверх, а затем, казалось, пошатнулся. Крыло отвалилось и с огромным грохотом ударилось о каменный пол.

– А? – спросил Фривальди, стоя и глядя на голема. – Он неисправен?

Челюсть отвалилась, едва не задев молодого дворфа. Зубы с лезвиями мечей отскочили от нее и проскакали по полу.

Дурин застонал, поняв, что происходит.

– Это не дефект, – крикнул он, перекивая грохот чешуи, сыплющейся с голема. – В саге сказано «дракон», а не «драконы». Голем убил синего дракона и выполнил приказ Торунна. Теперь элементаль, связанный внутри него, свободен.

Бросив топор, он бросился на Фривальди. Глупый, неразумный дурак. Погибель Каэрлеуса – артефакт, на поиски которого Дурин потратил десятилетия своей жизни, – развалился на части. Разрушался. Если бы он остался цел, его можно было бы наконец использовать по назначению. Но вместо этого...

Его кулаки сомкнулись на горле Фривальди, а в ушах застучала ярость. К черту стандартную процедуру поиска. Он собирался убить этого глупого, импульсивного, недисциплинированного... Что-то врезалось в голову Дурина сверху, лишив его сознания.

Фривальди зубами выдернул пробку из флакона, открыл Дурину рот и вылил остатки целебного зелья ему в глотку. Дурин зашипел. Рана на его плече закрылась, кровавая вмятина в черепе исчезла, а глаза затрепетали.

– Что... что случилось? – прохрипел он, садясь.

Фривальди поднял железную сферу размером с головку булавы.

– Одно из глазных яблок выпало из Погибели Каэрлеуса, – сказал он. – Оно приземлилось на твою голову.

Когда Фривальди начал отбрасывать его в сторону, Дурин заметил метку на сфере, рядом со стержнем, который крепил глаз в глазнице.

Он схватил запястье Фривальди и сказал:

– Дай-ка мне это.

Фривальди колебался, затем сказал:

– Ты же не собираешься ударить меня ею?

Дурин выхватил сферу из его рук. Присмотревшись, он увидел кольца рун, выгравированных на задней части глазного яблока, вокруг крепёжного столба. Они были крошечными, каждая размером не больше овсяного зерна. Очарованный, Дурин начал читать.

– Я нашел твою сумку, – сказал Фривальди, протягивая ее как мирное подношение. – Я нашел ее на полу после того, как голем... ээ... после того, как дракониды убежали. Один из них, должно быть, уронил его. Боковые карманы все разорваны – должно быть, дракониды почувствовали магические предметы внутри, но не смогли до них добраться, – и главный отсек цел. Тоже повезло. Вот откуда целебное зелье.

Дурин взглянул на рюкзак. Он представлял собой жалкое зрелище: боковые карманы висели ключьями, а на главном клапане была выдрана когтями буква «И» искателя. Неважно. Его можно починить. Он продолжал читать надпись, его волнение нарастало.

Фривальди опустил сумку и сказал:

– Извини за голема. Ты все еще сердишься?

Дурин дочитал надпись до конца.

– Клянусь всеми богами, – пробормотал он, его сердце колотилось, как военный барабан. Он взглянул на Фривальди. – Если бы не ты...

Лицо Дурина странно напряглось; мгновение спустя он понял, что ухмыляется. Фривальди сделал шаг назад, споткнувшись об один из кусков железа.

– Мне жаль. Правда, Дурин.

Дурин усмехнулся и сказал:

– Не о чем сожалеть, парень. – Он поднял сферу. – Ты знаешь, что это за надпись?

Фривальди покачал головой.

– Полный текст заклинания, использованного для создания Погибели Каэрлеуса. Если бы ты не активировал голема, его, возможно, никогда бы не обнаружили. Но теперь...

Глаза Фривальди расширились, и он сказал:

– Теперь мы можем создавать столько Погибелей, сколько захотим?

– Именно, – сказал Дурин. – И сражаться с драконом любого цвета, который мы выберем.

Он поднял свою потрепанную сумку и положил сферу в ее центральную часть, затем тщательно завязал главный клапан.

– И еще кое-что, – сказал он Фривальди. – Спасибо, что спас мне жизнь.

Фривальди усмехнулся.

– Я понял, что должен был, – сказал он. – Стандартная процедура поиска. Э-э ... Прекрасные артефакты необходимо раздобыть.

– «ПАРТНЕР», – пробормотал Дурин после минутного раздумья. – Партнер, – повторил он, сжимая руку Фривальди.

ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ

Вороника Уитни-Робинсон

16-е Альтуриака, Год Неуправляемых драконов (1373 ЛД)

Корал медленно вылезла из воды, чувствуя слабость. Песок под её панцирем грубо скрипел, когда она медленно ползла вдоль берега озера Тэйламбар. Несмотря

на то, что она была уязвима на суше больше, чем в воде, дракон-черепаха могла достичь удивительной скорости, если бы понадобилось. Но эта ночь не была похожа на все предыдущие. Эта ночь, с высокой и полной луной, предназначалась для чего-то необыкновенного и прекрасного.

Она передвигала своё тело по земле сознательно и методично, ища одно, известное только ей, место. Пусть другие и не верили, что дракон-черепаха может стать хранителем местности, Корал не сомневалась в том, что должна стать им – это место ей понравилось с первого взгляда. Именно здесь всегда находилась её кладка яиц. Место действительно удачное – причин думать иначе не было.

Своими когтистыми сине-зелёными лапами она раскидала ветки и камни и начала выкапывать небольшое углубление, время от времени помогая себе острым клювом, чтобы убрать мешающие корни. Почва, поначалу мягкая благодаря дождям, легко поддавалась под её настойчивыми движениями. Корал бережно придавала форму выходу из норы, проверила все стороны, утрамбовав их для устойчивости. Когда она была удовлетворена глубиной, дракон-черепаха развернулась, частично вылезла и сделала то зачем пришла – отложила яйца.

Вскоре пять идеальных, округлых яиц мягко засветились в лунном свете, подобно бледным жемчужинам. Корал, смотрела на них в течение нескольких мгновений с безмолвным благоговением. Это всего лишь третья её кладка, и материнство всё ещё оставалось для нее непривычным. Два предыдущих выводка были удачными – почти все выжили. И всё это благодаря надёжному, если не сказать благословенному, месту. Драконы-черепахи некоторые вещи оставляют на милость судьбе, в том числе и свои кладки, поэтому место для них выбирается очень тщательно, с естественной природной защитой. Всё, что делают оба родителя – время от времени проверяют гнездо. Корал поступала так же. Она посмотрела на своё драгоценное сокровище и улыбнулась про себя.

Через несколько мгновений она повернулась и начала закапывать свой ценный груз песком и мусором. Каждый взмах перепончатой лапы обеспечивал надёжное укрытие яйцам. Корал не нужно было оборачиваться, чтобы проверить, она знала – кладка надёжно укрыта. Её глаза проследовали по водной глади озера и увидели лишь брызги лунного света на поверхности. Это была почти идеальная ночь. На мгновение она задумалась о том, что делал сейчас её партнёр Дарго. Злился ли он всё ещё на неё? Его отсутствие – единственное, что портило всю прелесть ситуации.

Незадолго до этого драконы-черепахи горячо спорили между собой. К сожалению, это единственное, чем они занимались в последнее время. Медленный яд захлестывал мир и молва о нём, наконец, достигла их озера. Странное безумие, называемое Яростью, распространялось по землям. Драконы всех разновидностей и цветов, казалось, были уязвимы к ней. Слепая ярость охватывала каждого и прогоняла остатки разума и здравомыслия. Безумие настолько поглощало их, что они становились уязвимы к каким бы то ни было атакам, и многие из-за этого были уничтожены. А некоторые даже набрасывались на потомство. Это заставило холодное сердце Корал содрогнуться. Но она знала, что Дарго специально хотел уколоть её, помня, что близок её час откладывать яйца.

Единственным проблеском надежды, мелькнувшем на мрачном горизонте, было послание, полученное от лича из Культа Дракона. Саммастер, долгое время

считавшийся мертвым, восстал из пепла и вновь руководил Культom. И вот, он обещал, что, если драконы поклянутся ему в верности, он избавит их от безумия. В подтверждении этому, говорилось о том, что у него есть драконы, не подверженные этой болезни. Живущие поодиночке, драконы-черепахи собирались только во времена больших потрясений. И такое время настало.

– Неужели вы забыли, что было с нами? – вопрошал Дарго. – Вспомните события ранних лет, когда мы впервые ходили по земле и плавали в водах озера. Тогда такая же Ярость, как и эта, что сейчас, стремительно расползлась по миру, чуть не погубив нас. Неужели вы хотите повстречаться с ней опять?

Корал окинула взглядом бухту, полную драконов, и заметила, что многие отреагировали и даже закивали в ответ. Она должна была что-то сказать, даже если это вызовет его гнев.

– Ты хотел бы склонить нас к предложению лича? – спросила она, единственная возразившая. – Хочешь стать его рабом? Неужели это будет лучше, чем стать рабом Ярости, которой возможно и нет вовсе? У нас нет доказательств её существования. А может это какая-то зараза, которая скоро пройдёт и не коснётся нас. Но, даже если это возможно, и мы будем подвержены ей, – призналась Корал, проплывая мимо остальных, – будет ли это хуже, чем жить, пресмыкаясь перед кем-то? Мы столько времени потеряли, избавляясь от охотников, расставлявших ловушки на нас, а вы хотите обменять одно рабство на другое? – воскликнула она и опустилась на скалистый выступ пещеры, позволяя потокам воды покачивать себя.

Яйца внутри неё почти окончательно сформировались, и она не могла подолгу находиться на одном месте.

Наступила тишина. Даже Дарго ничего не сказал. Её слова ошеломили его. Он был поражен, что она не приняла его сторону бездумно, а может даже зол на то, что она была права, и отвел взгляд, огорченный тем, как другие тихо с сомнением, начали обсуждать ситуацию.

– Она права, – заметил Окара, один из старейших драконов озера.

Он был длиною около тридцати футов, его панцирь покрывало несчётное количество сколов и выщерблин – многим присутствующим и лет то было меньше чем этих отметин у Окары. Дракон-черепаха отвел свою переднюю лапу от зарослей тростника, как будто раздражённый растительностью:

– С тех пор, как Бразал Кос пленил одного из нас, охотники становятся всё более и более наглыми. Всё чаще мы тратим время на то, чтобы избежать встречи с ними, а их число постоянно растёт. Похоже, что они решили окончательно загнать нас в ловушку и уничтожить. Так будет ли прислуживание Саммастеру отличаться от рабства у охотников?

После этого среди собравшихся наступила тишина.

Дарго уплыл вскоре после того, как окончилась встреча. Корал не видела его уже нескольких дней, но подозревала, что его негодование вызвано её речью на собрании драконов. Многие прислушались к её словам. Своим отсутствием этой ночью он показывал, как несчастен с нею.

И он пропустил момент откладывания яиц. Её опечалило это решение, но она верила – Дарго будет опечален еще больше после того, как подумает над своими словами. Корал знала: несмотря на вспыльчивый характер – в глубине души он был

разумным. Ей нравилось думать, что она уравнивает его горячий нрав своим холодным голосом разума. Когда он с остальными обдумает все плюсы и минусы, она была уверена, драконы найдут другой выход.

– Вы не будете ни чьими рабами, – прошептала она и похлопала с любовью по недавно созданной насыпи, – я обещаю.

Взглянув в последний раз на гнездо, Корал, шаркая, поползла вдоль берега к холодным водам озера. Несмотря на усталость после создания кладки, дракон чувствовала новую надежду. Новая жизнь – новые возможности, и она верила в это. Поглощенная своими мыслями дракон-черепаха едва не заметила крошечную фигурку, где-то в сотне футов от берега. Это было как отблеск лунного света, что поймал её глаз на мгновение. Вспыхнула надежда: Дарго все же пришел следом за ней. Но, посмотрев повнимательнее своим острым зрением, Корал разочаровалась.

Всплески на озере были не из-за дракона, а из-за человека. И судя по тому, как он барахтался и молотил руками, это мало походило на плавание. Корал почувствовала прикосновение холодной воды к своим конечностям и начала грести, намереваясь уплыть так быстро насколько это было возможно – человек в воде никогда не предвещал ничего хорошего ни ей, ни тем другим, кто называл озеро своим домом. Все инстинкты говорили, что нужно уходить. Но она медлила. Это была многообещающая ночь, ночь надежд и мечтаний. Корал поняла, что не хотела бы запятнать этот момент какими-либо дурными знаками или воспоминаниями и осознала, что её ледяное сердце не позволит погибнуть кому-либо в эту ночь.

Дракон скользила в сторону неистово барахтающегося человека, как он вдруг дёрнулся и отпрянул. Его голова появлялась всё реже над поверхностью, и стало понятно, что он начинает тонуть в кажущихся спокойными водах. Корал знала – люди быстро замерзают. У неё и других драконов не было иммунитета к холоду, но их физиология была адаптирована к жизни в воде – специальный орган около сердца помогал сохранять тепло и регулировать температуру тела. Даже то, что их тела были холодными в водах озера, не позволяло им замерзнуть. Дракон-черепаха не единожды видела, как люди погибали в мгновение ока: их конечности наливались свинцом от холода, и они тонули в волнах. Этого человека, кажется, ждала такая же судьба.

Когда его голова исчезла из виду, Корал приняла решение и нырнула в волны, рассекая их словно нож. Несвязанная гравитацией, невесомая в воде, она маневрировала словно птица в воздухе. Было глубоко за полночь, но она могла видеть все ясно и чётко – её глаза были защищены тремя веками, последнее из которых было прозрачным. Это веко как крышка опускалось на глаза, предотвращая искажение зрения, когда дракон была в воде. Как будто зависнув в воздухе, несчастный человек был в нескольких футах от неё.

Одет мужчина был как и многие рыбаки Тэя – без признаков тяжелого вооружения, любимого теми, кто достаточно безрассуден, чтобы попытаться поймать дракона. Она ругала себя за то, что помешкала, желая убедиться в этом, но её доброжелательность всё же не могла выйти за границы самосохранения. Невдалеке дракон видела силуэт маленькой лодки, заслоняющий лунный свет как небольшое затмение. Корал рассудила, что рыбак, должно быть, запутался в сетях, а может просто резко дёрнулась леска, и он ушел под воду. Поблизости никого не

было видно – человек в самом деле глупый, раз был на озере так поздно и в одиночку. Сказать по правде, она никогда не могла понять поступки людей и их образ жизни, но она особо и не задумывалась над этим.

Пока Корал мчалась к нему, она видела, что холод уже завладел его конечностями, и они повисли мертвы грузом, но в его глазах всё ещё оставалась жизнь. Их пронзительная голубизна виднелась сквозь вихрь коричневых волос вокруг его головы. А ещё она видела проблеск страха в них. Ей было интересно, чего он боялся больше: смерти или её приближающегося силуэта.

Оказавшись под ним, она с осторожностью заняла позицию. Рыбак ещё пытался найти в себе силы. Но смог только взмахнуть беспомощно руками, прежде чем сдался. Как только она почувствовала его вес на своем панцире, то сразу начала медленно грести лапами и двигаться к поверхности, осторожно, стараясь не столкнуть свой груз. Дракон-черепаха знала – если уронит его, то в следующий раз он не выживет.

Второй раз за ночь Корал нарушила водную гладь озера и сделала глубокий вдох, заполняя легкие и придавая себе бодрости.

«Успела ли?» – задавалась она вопросом, чувствуя, как мужчина безвольно развалился не её спине.

Однако, начав движение, дракон почувствовала, что её ноша перекатилась с одной стороны панциря на другую, затем его начало рвать водой. Услышав кашель и улыбнувшись про себя, дракон поняла, что успела вовремя. Второй раз за вечер её мучал вопрос: «Интересно, что должен был подумать рыбак, обнаружив себя на спине у такого существа, как я?»

А вообще, ей казалось, что она ошиблась, решив спасти его. «А что, если всё это покажется ему очень чудесным и невероятным, – подумала, она. – Может, не стоило усугублять ситуацию? Но, что ж, что сделано, то сделано».

Когда она достигла лодки, то остановилась ненадолго, надеясь, что рыбак просто скатится с её спины прямо в своё судёнышко. Однако дракон почувствовала его спокойное дыхание и не хотела навредить ему, поэтому вздохнула про себя, прочистила горло и очень сдержанно произнесла:

– Ты в безопасности.

В конце фразы Корал запнулась, подумав, о том, что давно у неё не было возможности или повода говорить на Общем. Её слова вырывались со звуком, похожим на скрежет камней.

Мысли всё ещё бегали в голове: «А что если он потерял память? Или может он хочет что-то сказать?»

Но тут она почувствовала, как он попытался сесть. Прикосновение от его рук на панцире было необычным и незнакомым, Корал не смогла бы описать, на что это было похоже. Человек соскользнул в лодку, и дракон слегка покачнулась на воде.

Несколько мгновений они рассматривали друг друга с осторожностью: она с воды, он, спрятавшись за тонким корпусом лодки.

Корал уже повернулась, чтобы уплыть, когда трясущийся мужчина поднялся и дрожащим голосом произнес:

– Ты спасла меня.

– Да, - ответила она наконец.

– Но я думал, что...

– Что мы – чудовища? – прервала она. – То же самое я могу сказать и о вас. По крайней мере, я так слышала.

Корал окончательно развернулась, но рыбак окликнул её:

– Грегор. Меня зовут Грегор. А у тебя есть имя?

Дракон-черепаха почувствовала нарастающее внутри негодование – человек вновь обрел голос и решил им воспользоваться. Пожалуй, лучше было, когда он находился в воде и молчал. Теперь она начала жалеть о том, что помогла ему.

– Даже если захочешь, то всё равно не произнесёшь, – сказала она. – Думаю теперь у тебя есть, что рассказать друзьям в таверне. Желаю удачи и всего хорошего.

– Могу ли я как-то отблагодарить тебя? – спросил он.

Она окинула его взглядом: посмотрела на рубаху и штаны, которые были неплохо сделаны для простого рыбака; посмотрела на лодку, слишком прочную и надёжную для обыкновенного рыбацкого судна.

– У тебя нет ничего, что могло бы меня заинтересовать, – ответила дракон.

Корал начала отплывать от лодки потихоньку, чтобы не опрокинуть её и не столкнуть незадачливого человека опять в воду.

– Ты уверена в этом? – окликнул он.

Дракона терзали сомнения: с одной стороны, успокаивающая тьма глубин ждала её, с другой – растущее любопытство к человеку, который, казалось, не хотел, чтобы она его покидала. В итоге любопытство взяло верх, она развернулась и поплыла к рыбаку. Корал заметила, что он аккуратно сворачивал веревку над водой, и подумала, что как раз её резкий рывок мог послужить причиной его бедствия.

– Есть кое-что, – сказала она ему.

– Что угодно, – ответил он с нетерпением, взволнованный её возвращением.

– Скажи своим братьям, чтобы оставили нас в покое, – ответила она с надеждой, что её просьба, в сочетании с тем, что она спасла его, свело бы на нет желания рыбаков ловить их в будущем.

– Конечно, – согласился он и продолжил наматывать снасти.

Корал склонила голову и внимательно смотрела, что он делал: ей показалось довольно странным, что верёвка была намного толще, чем обычно, больше похожа на канат и для ловли рыбы явно не подходила.

Следующая мысль была неожиданной – рыбак выглядел немного неуместным здесь: довольно хорошая, но неподходящая одежда, совсем новые рыболовные снасти. А еще он был слишком разговорчив для человека, оказавшего в такой необычной ситуации – любой другой был бы потрясен, оказавшись на волоске от смерти. Ей показалось, что мужчина как будто отвлекал её.

Дракон-черепаха, опасаясь ловушки, быстро окинула взглядом вокруг – нет ли здесь других лодок, но ничего больше не увидела. И вдруг поняла: не она была добычей это ночью, а кое-что другое – её яйца.

Не промолвив ни слова, Корал погрузилась в воду и неистово поплыла туда, где оставила кладку. И снова она тащила своё неуклюжее тело сквозь песчаный берег. В этот раз ей не пришлось долго искать, потому что в лунном свете хорошо было видно замаскированное место.

Тщательно насыпанный холм был разворочен, а яйца вытащены. Все кроме одного, которое разбилось. Тот, кто их выкапывал, был настолько небрежен, что оставлял куски скорлупы под ногами. Содержимое яйца вытекало на песок и Корал видела неразвившуюся голову её детёныша, проглядывающую сквозь трещину в скорлупе. Дракон медленно подползала, дрожа всем телом.

Она протянула дрожащую лапу, как будто хотела приласкать единственное оставшееся дитя и после этого всё поняла: человек был всего лишь приманкой, чтобы отвлечь и заманить подальше от своей кладки. Это объясняло наличие у него той веревки, с помощью которой он надеялся выбраться, если бы она подплыла бы к нему. Вероятно, он ожидал нападения, но был застигнут врасплох действиями с её стороны. А может, вода оказалась слишком холодной для него. Она не знала, и ей было все равно. Единственное в чем Корал была уверена, так это в том, что он украл её будущее.

Последний раз она посмотрела на своё дитя и прошипела:

– И я ему помогла!

Она бросилась в воду и как одержимая понеслась к Грегору. Когда она устремилась к его маленькой лодке, то почувствовала, что внутри неё зарождается нечто чуждое ей. Её бушевавший гнев разгорался ещё ярче и подпитывался, казалось, чем-то извне, какой-то потусторонней силой. На мгновение ей показалось, что возможно это была та самая Ярость, о которой все говорили, но даже если и так, то её уже это не заботило.

Увидев над собой очертания лодки, Корал рванулась вверх, набирая силу с каждым взмахом лап. Её голова и передняя часть тела протаранили судно, и на мгновение дракон увидела Грегора. Она моталась из стороны в сторону, а крошечное судёнышко разваливалось словно от взрыва. После этого Корал отплыла назад, сделала круг, и с помощью широких взмахов когтистых лап развернулась на встречу лодке и её судьбе.

Мало чего осталось после её яростного натиска. Поднимаясь из глубины, она легко прокладывала себе путь сквозь обломки, которые отскакивали и устремлялись к поверхности озера. Как опавшие листья, не заметные для неё, разбившиеся брусья и доски отскакивали и ломались о сине-зеленый панцирь.

Её зоркие глаза были устремлены только к одной цели. Кроме неё Корал не замечала ничего. Еле держась в воде, раненый Грегор был на расстоянии вытянутой руки. Корал чувствовала его кровь в воде, и ничего не было слаще в тот момент для неё. Она наслаждалась и упивалась ощущениями, понимая, что Ярость растёт. С каждым ударом сердца старая жизнь отдалялась всё дальше и дальше. Дракон больше не сопротивлялась этому – пусть пожар растёт, сжигая её изнутри, пусть расплавит её холодное сердце и окончательно завладеет ею.

Дракон-черепаха устремилась к незадачливому охотнику, как ангел мщения. Он развернулся в её сторону, и в его глазах она увидела обреченность. Всё остальное для неё потеряло смысл, кроме человека впереди, который был манящим маяком. Корал быстро и ловко рассекала волны и представляла, как с бульканьем вонзает свой клюв в его тело. Это были звуки музыки, неважно какой. Она ускорила.

Когда Корал приблизилась к предателю, разорившему её гнездо, то не заметила его товарищей – тех, кто на самом деле украл яйца. Они спустили лодки на воду и

кружили позади. Быстро передвигаясь, два судна обошли дракона с боков. Благодаря своему острому зрению она увидела бы их без затруднения, и даже без лунного света: двойные линзы в ее глазах позволяли свету отскакивать назад и вперед внутри затылочной камеры, давая изображению вырастать до больших размеров. Но Ярость проглотила Корал и единственное, что она видела кроме охотника, едва держащегося на воде, было её разоренное гнездо, сломанная скорлупа и разбитые мечты. Дракон-черепаха не подозревала, что собственная смерть была так близка.

В отличие от лодки предателя, корабли его товарищей были хорошо оснащены и подходили для ловли драконов. В то время как Корал подплыла к Грегору, в воздух полетели гарпуны и копья. Дракон-черепаха, снедаемая местью, даже не заметила этого и не сделала ничего, чтобы избежать попадания. Один за другим железные наконечники били по её спине, пробивая прочный панцирь. Каким-то образом охотникам удалось остановить её в нескольких дюймах от Грегора и оттащить назад.

Корал была безумна в своей мести: вставала на дыбы и молотила лапами по захватившей её привязи. Она извергала из себя обжигающий пар, но ослепленная жаждой крови и дезориентированная, ни в кого не попала. Корал закричала – и крик её эхом расходился от озера на многие мили вокруг. Вода покрылась плёнкой из её крови, дракон слабела всё сильнее. Её внешние веки стали тяжелыми, она повернулась к Грегору и последнее, что увидела дракон-черепаха, было перепуганное лицо предателя, тонущее в красной пелене. Затем её глаза закрылись навсегда, и огромное безжизненное тело стало плавно покачиваться между двумя лодками, как марионетка.

Глаза Дарго не были созданы для слёз. Даже если бы дракон смог заплакать, то что значили бы его слёзы на фоне обширной водной глади озера? Тем не менее, в своем сердце он оплакивал Корал и её судьбу, настолько несправедливую к ней. Она заслуживала лучшего. Хоть он и предупреждал о том, что помогать этим отвратительным людям глупо: встреча с ними не могла принести ничего хорошего. Дарго оказался прав, но желал ошибаться. И сегодня он увидел больше, чем просто смерть близкого ему существа. Сегодня он убедился в том, что такое Ярость и какие последствия она может принести его народу. Он приплыл как раз в тот момент, когда ненависть и ярость захлестнули чистейшую душу, которую он когда-либо знал в жизни, и увидел, к чему привели её безрассудство и безумие.

«Будет ли у всех такая судьба? – спрашивал себя он. – Быть ослепленными Яростью до конца своих дней или быть уничтоженными ненавистными людьми? Или, что еще хуже, быть поработченными ими до самых Сумерек?»

С возрастающим гневом и внезапной свирепостью, которые удивили его самого, он сказал себе: «Нет, я не допущу этого, даже если это означает рабство у других существ».

Он твердо решил сам поговорить с другими членами совета по поводу предложения Саммастера для своего рода. Дарго был уверен, что не встретит сопротивления с их стороны на предложение лича, когда они узнают о том, какая ужасная судьба постигла главного противника сделки с Культом. Если бы он был философом и поразмышлял над всеми хитросплетениями судьбы, то увидел бы иронию в том, что самый ярый противник Саммастера стал самым величайшим примером того, что сделка лучше бессмысленной смерти. Но философия и

размышления не были сильной стороной Дарго. Он был просто тем, кто наблюдал, как его любовь встретила разрушительное пламя Ярости, и решил, что не потеряет больше никого, чего бы это ни стоило.

Последний взгляд на людей, увозивших тело Корал – и Дарго нырнул в глубины озера. Для всего мира его исчезающий силуэт остался не боле чем танцующими бликами лунного света на волнах.

Всё глубже и глубже уходил он, стараясь найти остальных до того, как возможность будет упущена. Они примут предложение Культа Дракона – это будет их спасением. И как только он нырнул в темное и глубокое сердце озера Тэйламбар, в его собственном сердце появился холод, и оно стало ледяным; как будто бесконечная зима овладела им, и никакая весна его уже не растопит.

ПОКАЯННЫЕ ОБРЯДЫ

Кейт Френсис Стром

6й день Чеса Год Разбушевавшихся Драконов

Свечной воск, словно кровь скатывался вниз по горящим свечкам в переполненной капелле.

Драккен Таал почесался через свою грубую серую робу и посмотрел на стекающую жидкость с едва скрываемым раздражением. В воздухе, плотной стеной, почти блокируя ему возможность дышать, стоял едкий запах ладана, а со всех сторон его подпирала вонючая масса людских и эльфийских тел. На отдалённых хорах глубокие голоса тянули непривлекательную мелодию. Он сильно мотнул своей, покрытой огромными рогами головой, что принесло некоторое облегчение от этой назойливой, несмолкаемой гармонии, однако вызвала неодобрительные комментарии у его соседей по толпе. Он медленно повернулся к этим причитающим имбицилам, пугая их чёрными чешуям, покрывавшими всё его лицо. Он оскалился, обнажив несколько рядов ужасных острых зубов и, при виде страха в глазах толпы, оскал этот перешёл в улыбку. Ах, как просто бы было схватить каждого из них и...

«Во имя Слёз Ильматера, - мысленно обругал себя Драккен, - что я творю?»

Он перестал двигаться вперёд, низко поклонился и мягко прорычал извинение. Прежде, чем ошарашенная толпа могла среагировать, он протиснулся мимо, остановившись лишь когда добрался до относительной безопасности затенённой апсиды.

Что-то было не так.

Выглядывая из глубины своего затенённого укрытия, Драккен остановил свой взгляд на покрытый саваном труп, лежащий на главном алтаре. Арранот Фен –

младший настоятель Монастыря Белой Ивы и единственный его обитатель, который поддержал желание Драккена обрести убежище здесь, внутри этих священных стен – теперь лежал неподвижным и безжизненным, завернутым в плотные, трижды благословенные церемониальные одеяния и был окружён своими братьями по вере в Ильматера, которые стояли на страже, пока его дух совершал своё последнее путешествие в пристанище объятий Плачущего Бога.

Там, на алтаре, лежал возможно самый верный из его друзей и всё же, Драккен ничего не чувствовал.

Нет, не ничего. Сказать так было бы ложью и, хоть в своей проклятой судьбе он много кем был, лжецом он не был никогда. Что-то шевельнулось в глубине его сердца. Знакомый зверь внутри, который до этого спал, теперь, побуждаемый голодом, просыпался. Он втянул воздух, терпеливо выжидая. Он всегда был терпелив.

Драккен почувствовал страх и отвращение и, по правде говоря, ни толики сочувствия. Когда он впервые пришёл в монастырь, пять лет назад, которые теперь казались целой жизнью, он был воеводой. Он был рождён от отца, который был настолько чудовищным, что его растерзал его собственный народ, а мать была слишком слаба, чтобы пережить его роды. Он рос в условиях травли, пока не осознал, насколько он силен. Прошло совсем немного времени, прежде чем он собрал армию таких же обиженных жизнью людей и монстров, и использовал свою драконью наследственность, чтобы проложить себе дорожку, на обочине которой оставался след из обломков и руин. Ненависть была жаждой, которая и направляла его руку и, хоть он и пытался утопить её в крови невинных, она всегда возвращалась и с каждым разом была настойчивее, чем прежде.

Но это всё продолжалось до того дня, пока он не услышал плач бога и не обнаружил себя коленопреклонённым перед воротами Монастыря Белой Ивы.

С тех пор он жил, служа избранникам Ильматера. Хоть, в начале, Драккену было сложно адаптироваться, он всё-таки нашел в тиши простой монастырской жизни и болезненном поклонении веры братства некоторое умиротворение. Он часто просыпался среди ночи, в безмолвный час, когда дыхание мира замедлялось, чтобы поглядеть на икону Сломанного Божества. Глядя на раны его бога, он чувствовал с ним родство, чувствовал свою собственную растерзанную душу. И именно в те редкие моменты, он чувствовал, что его любят и, что было немыслимо, чувствовал себя целым, будто Плачущий Бог забинтовал его раны.

Теперь это казалось таким далёким.

Молитва и мир, тишина и песнопения – теперь, это все, с того момента, как начались кошмары, оставляло привкус пепла. За прошедший месяц, каждую ночь он просыпался с душераздирающим рыком, от которого в жилах стыла кровь. Были ли это воспоминания о предыдущих злодеяниях или надежда на грядущие? Сложно было сказать. Всё, что он помнил из этих ночных видений, был металлический привкус крови. Хоть он и обращался к Брату Фенотару за пузырьком микстуры из лечебных трав, лекарство мало повлияло на прекращение кошмаров и даже скорее сделало их реалистичнее. Прошлой ночью ему в ярких красках снилось, как его когтистые руки смыкаются на шее Брата Арранота. Когда он проснулся, чтобы

приступить к дневным трудам, распространилась молва о смерти младшего приора, а также слух о том, что причины её не были естественными.

«Благословенный Ильматер, что со мной творится?»

Ему стало сложнее дышать. Протянув руку, полу-дракон опёрся на витражное окно апсида. Он отчаянно пытался слить свой голос с голосами молящихся, которые тихо повторяли молитвы Ильматеру.

Но он не мог произнести и звука.

Он метался из стороны в сторону, но куда бы он ни посмотрел, он видел только медленное, размеренное таяние воска на, прожигающих свою жизнь отгоняя тьму, свечках.

К тому времени, когда призывы аббата достигли его, Драккен уже тонул в крови.

- Беспокойство, - сказал Брат Меремонт – Аббат Белой Ивы, сложив свои длинные пальцы домиком у себя под подбородком.

В аскетичной каменной комнате, подрагивая, горел очаг. Драккен посмотрел в лицо аббата. Игра света и тени углубляла морщины на его лице. Тонкие, седеющие волосы и ухоженная козлиная бородка сияли в этом танцующем освещении, словно полированное серебро; из глубоких тёмных провалов на него внимательно смотрели глаза, цвета лунного тумана.

Сидя на стуле с высокой спинкой, полу-дракон напряжённо ожидал того, что ему скажут. Но он слышал лишь голос огня в тишине, который в одиночестве шипел и потрескивал. В этом его зловещем шёпоте Драккен мог различить прожигающий звук своей обречённости.

Хоть и мягко, аббат настоял на том, чтобы Драккен поделился тем, что его тяготит, ибо его беспокойство во время похорон Арранота не осталось незамеченным. Под добрым взглядом старого священника, полу-дракон чувствовал, что он обязан говорить. Рассказ, по началу, выходил из него медленно, даже с трудом. Жестокий воевода, по приказу которого были убиты тысячи, после нескольких горьких слов нашел, что под грузом сомнений язык его отяжелел. Аббат, однако, показал себя терпеливым слушателем. Отрывистые фразы стали короткими предложениями, которые в свою очередь превратились в поток, нисходящий с уст кающегося грешника, повествующего о своих апатии и гневе, о своём замешательстве и, наконец, кошмарах, кульминацией которых стало видение убийства Арранота своими собственными руками.

Аббат ещё ненадолго задержал на нём свой взгляд, растягивая неловкую паузу. Драккен так сильно вцепился в подлокотники, что древесина протестующе заскрипела. Наконец пожилой священник медленно встал из своего кресла и подошёл к вырезанной из камня полке, ведя пальцем по переплётam нескольких выцветших книг в кожаных переплётam.

- Не сомневаюсь, что ты слышал слухи, которыми была окружена смерть младшего приора, - сказал аббат, наполняя комнату эхом своего богатого баритона.

Осознав, как сильно он вцепился в стул, Драккен кивнул и сказал:

- Разумеется...

- Они правдивы, - прервал его аббат Меремонт. – Несколько молодых братьев нашли тело Арранота в келье.

Аббат прервался, бросив взгляд на полу-дракона:

- Его горло было разорвано.

Полу-дракон вскочил, словно ужаленный. Это резкое движение опрокинуло стул и, качнувшись назад, мебель упала на пол.

- В таком случае, Благословеннейший, я передаю себя правосудию Ильматера, - чуть ли не прорычал Драккен. Его голова кружилась от несовместимых друг с другом эмоций. Облегчение от того, что его наконец уличили боролось с внутренним гневом, а вишенкой на этом всё было беспокоящее его чувство удовлетворённости.

- Заключите меня в клетку, пока не вынесите решения, - продолжал он, фонтанируя.

- Заключите меня, пока я ещё кого-нибудь не убил. Я опасен...

- Довольно! – крикнул Меремонт.

Драккен отпрянул, словно его ударили и осознал, что ошалело глядит на этого человека, которого новички называли «Железный Аббат», так, словно видел его впервые.

- Если за последние несколько минут ничего очень необычного не случилось, - продолжил Меремонт более мягким, но не терпящим возражений тоном, - я всё ещё являюсь духовным лидером этого аббатства. И, - он бросил на Драккена, который открыл свой рот, чтобы заговорить, предупреждающий взгляд, - мне решать, виновны ли мои подопечные или нет. Это ясно?

Полу-дракон кивнул, бездумно соглашаясь, хотя и чувствовал, как у него в сердце загорается опасное пламя. Многим людям он бы вырвал язык и за куда меньшее унижение. В его огромной груди зарождалось низкое рычание. Его когтистые руки сжались, словно желали освежевать священника. Полу-дракон сделал шаг к старику.

Если это сближение и вселило в аббата какой-то страх, Драккен этого не заметил. Священник скрестил с ним свой уверенный взгляд. Чудовищное лицо полу-дракона прорезала ощетинившаяся клыками улыбка. Много времени прошло с тех пор, как он последний раз встречал соперника, достойного его уважения. Он сделал ещё шаг вперёд и остановился. Воздух в комнате аббата стал тяжёлым от напряжения, как прямо перед вот-вот готовящейся разразиться грозой.

В дверь забарабанили кулаки и напряжение мгновенно улетучилось.

- Благословенный, всё в порядке? – раздался из-за тёмной дубовой двери приглушённый тенор.

- Да, Брат Анвен, - ответил аббат, снова сделавшись добрым старичком священником. - У нас всё хорошо. Будь добр, принеси нам немного жаркого из корней и, пожалуй, чай.

Драккен услышал тяжёлый вздох, прежде чем звук шагов растворился вдали. В комнате снова воцарилась тишина. Меремонт улыбнулся и показал на упавший стул. Полу-дракон нагнулся и поставил опрокинутую мебель. Какое-бы чувство им ни овладело мгновением раньше, теперь оно испарилось, словно костёр затушенный внезапным шквалом. Но глубоко внутри он всё ещё чувствовал его угли, только и ждущие того, чтобы вспыхнуть.

Последовал ещё один стук в дверь и в комнату тихо вошли двое новичков в белых робах. Двое несли каменную посуду, а у другого был поднос с дымящимися

кружками. Они поставили еду и напитки на деревянный стол и каждый почтительно поклонился аббату перед тем, как уйти.

- С тобой действительно что-то не так, - сказал аббат, держа в своих древних руках чашку чая, - что-то очень зловещее и мистическое. Но убийство... нет, - он помотал головой, подчёркивая своё сомнение. - Я не верю, что ты - тот, кого нужно винить в смерти Арранота.

- Но как вы можете знать наверняка, Благословенный? - спросил Драккен.

Полу-дракон сидел, плотно скрестив руки на своей мускулистой груди. Только так он мог скрыть их дрожь.

- Помнишь ли ты, сын мой, что привело тебя к нам? - спросил священник.

- Разумеется, - ответил раскаивающийся полу-дракон. Затем, видя ожидающее выражение лица аббата, он вспылил. - Вы уже знаете, почему я пришел в аббатство!

Меремонт поставил кружку с чаем и снова посмотрел на полу-дракона.

- Вопрос состоит в том, знаешь ли ты? - сказал он с намёком на некоторую сталь в голосе.

Драккен задумался. Годы следования по кровавой, прорубленной мечом дорожке, показали ему, как именно стоило оценивать войну. Это была битва, в которой не было победителей.

- Моя армия тогда опустошила ещё одну деревню, - заговорил полу-дракон после мгновенного замешательства. - Не могу сказать какую именно. В моей голове они все в кровавом тумане. Мы уже убили мужчин и взялись за женщин и детей...

Он остановился, не в силах продолжать. Память об этом дне всё ещё была свежа и постоянно обжигала его. Разговоры о нём, только делали эту память ещё более реальной: запах крови, крики умирающих и тех, кто молил о смерти. Огонь, меч и боль - он снова был там и он был их владыкой, а если копнуть глубже, то, пожалуй, их рабом, ибо в течении пяти лет он непрерывно находился в этом моменте, в этом нескончаемом аду. Мир был лишь чем-то вроде забвения, коротким отдыхом от ядовитых укусов вины и позора. Как бы там ни было, вспоминая это, он чувствовал, как внутри пробуждается голод.

- Там был мужчина, - продолжал Драккен, усилием воли не давая своему сознанию утонуть в болоте горьких воспоминаний. - Он был одет в лохмотья. Он громко рыдал, заливаясь слезами над телами убитых вокруг него. Мне казалось, что в его рыданиях я могу различить голоса всех убитых в деревне. Это разозлило меня. Я вынул меч и подошёл к нему. Я увидел, что его тело было в шрамах, и искалеченное. Я занёс меч над его головой для рокового удара и он посмотрел на меня. Те глаза... - Драккен снова остановился, его лицо приняло гримасу удивления. - Они были словно звёзды, обжигающими моё сердце. Я сразу же осознал кем он был и что он оплакивал не умерших жителей деревни.

Последовала ещё одна пауза и Драккен наклонился вперёд, прежде, чем снова заговорить. И когда ему удалось выдавить из себя слова, голос его вибрировал от эмоций.

- Он оплакивал меня. Я выронил меч и уставился на него. Мне было безразлично, видят ли это мои люди. Я отвернулся на мгновение, и когда я снова посмотрел туда, его уже не было. Я обыскал всю деревню. Я страшно обругал своих воинов, когда они не смогли его найти. Я послал разведчиков в дикие леса за пределами лагеря и когда

они, в конце концов, вернулись ни с чем, я сам бродил по холмам, в поисках его. Я искал его сутками, подталкиваемый шрамами, которые его долгий взгляд прочертил в моём сердце. Следующее, что я помню, это то, как я стоял на коленях перед Белой Ивой, моля пустить меня внутрь.

Драккен положил свою чешуйчатую голову на подголовник стула и закрыл глаза. Последним, что он сказал было:

- Я так устал от крови.

- Ну вот видишь, - сказал аббат. – Вот и ответ. Ты мог бы быть убийцей Брата Арранота не больше, чем я.

Драккен проглотил тяжёлый ком. Вера Меремонта давила на него.

- Как вы можете так верить в меня, Благословенный, когда я сам себе не верю?

Старый священник осторожно отпил чай из глиняной чашки и его тонкие губы тронула мягкая улыбка:

- Дело не в твоей вере или её отсутствии, - сказал он. – На счастье или на беду, но Ильматер выбрал тебя, а не ты его. И я доверяю его выбору.

Полу-дракон нахмурился. Он всё ещё не был убеждён. Хотя время, проведённое в монастыре и способствовало укреплению его собственной веры, идея о том, что у бога были какие-то особые на него планы, была для Драккена из тех, которые вселяли беспокойство. «Кроме того, - думал он с горечью, - разве можно отрицать свидетельство его снов?» Возможно, он был вне досягаемости любой божественной сущности.

Однако, он оставил эти мысли при себе.

- Если не я убил Арранота, - спросил он, надеясь направить фокус беседы в сторону от себя, - кто тогда?

- На самом деле, - ответил аббат, - мы не знаем. Какие-то сторонние силы не дают нам применить божественное прорицание. Мы послали письмо в храм рядом с Теймаршем в надежде, что местные жрецы Ильматера смогут послать сюда кого-то более способного, чем жрецы в нашем скромном аббатстве.

Меремонт сделал паузу, чтобы поставить чашку на стол и спокойно продолжил:

- В сущности вот по этому-то я и хотел поговорить с тобой.

Драккен вылутился на старого священника, изо всех сил стараясь не выглядеть как кролик попавший в капкан и чувствуя, что не справляется.

- До тех пор, пока мы не получим помощь из Теймарша, - сказал аббат, - я хочу, чтобы ты расследовал убийство Брата Арранота.

- Я? – крикнул полу-дракон. – Почему я?

- Хотя бы просто потому, - прервал его Меремонт, - что я тебя об этом прошу.

Драккен уловил вспышку огня в строгих глазах аббата и придержал свой протест.

- Кроме того, - размышлял священник, - ты долгие годы служил братству. Твои перемещения останутся незаметными для других обитателей монастыря. Ты прекрасно подходишь для этого задания.

- И, - подвёл итог Драккен, не потрудившись скрыть горечь в голосе, - если убийца живёт среди нас, я способен «разобраться с ним».

- Возможно, - проронил аббат, несколько нахмурившись. – Но есть ещё кое-что. Разведчики из Зимолесья доложили о большой банде осов, выходящих из леса на прилегающие холмы.

- Что им нужно? Они организованы в армию? Сколько их? – спросил Драккен.

Несмотря на время, проведённое среди Слуг Ильматера, его глубоко зарытые в землю боевые инстинкты дали о себе знать. Он обнаружил себя в поисках наилучшего способа защитить стены аббатства от нашествия осов.

- Из того, что сообщили разведчики, я понял, что они спасаются от зелёного дракона известного как Шкуродёр. Около месяца назад, зверь начал разорять Зимолесье, буквально сметая всё на своём пути. Разведчики не смогли точно подсчитать их количество, но они предполагают, что в купе с несколькими шаманами их более сотни.

- Тогда нам нужно закрыть ворота аббатства и отправить на холмы разведчиков, - сказал Драккен встав и разгуливая взад и вперёд по комнате. – Нужно многое сделать.

- Верно, - согласился аббат, - и я это уже сделал. Даже сейчас посланники находятся на пути к близлежащим деревням, предлагая местным жителям укрыться в аббатстве. Каждый из братьев готовится к наплыву беженцев. Вот почему я хочу, чтобы ты сосредоточился на поиске убийцы Арранота. Мне больше некого об этом просить.

- Но я даже не знаю с чего начать, - слабо запротестовал Драккен.

Он был рождён для войны, а не для того, чтобы тайком что-то вынюхивать. Он должен был показать аббату, что он совершает ошибку. Но аббат поднял руку и этот жест предупредил любые дальнейшие дебаты.

- Начни с осмотра его кельи, - приказал аббат. – Возможно там тебе удастся найти что-то полезное.

Стук в дверь прервал священника.

- Должно быть это Брат Приор, - сказал Меремонт. – Нам нужно многое сделать. А теперь иди и сообщи мне обо всём, что удастся найти.

Драккен обречённо кивнул, так и не в силах понять, как его подбили на это задание, когда снаружи над аббатством нависла такая угроза. Полу-дракон повернулся, чтобы выйти из комнаты и аббат послал на него благословение Ильматера.

Ночь укрывала аббатство как саван, погружая холодные каменные стены в чернильную тьму. В одной руке Драккен сжимал повидавший виды светильник, чей тусклый свет прорезал тьму перед ним. На границе света причудливо танцевали толстые тени. Уже трижды за три минуты полу-дракон проклял странную судьбу, заставившую его, словно древнее привидение, блуждать по залу dormitorio.

Дважды за этот день он пытался увидеться с Братом Аббатом в надежде убедить его, что если банды осов действительно были на пути к обители, то от него будет больше толку в организации обороны монастыря Белой Ивы. Однако, оба раза

Меремонт был занят со своими советниками. Наконец, Драккен принял для себя решение выполнять поручение аббата, пока ему не выпадет возможность ещё раз поговорить со священником. Так что полу-дракон вернулся к своим обычным обязанностям: уборка, приготовление пищи и иные формы обеспечения быта обитателей обители. Всё это время он внимательно прислушивался к любым намёкам на слухи о том, что на самом деле случилось с Братом Арранотом.

Насчёт одного, Аббат Меремонт оказался прав. По большей части на Драккена не обращали никакого внимания и, в его присутствии, жрецы Ильматера говорили между собой свободно. Хоть изначально к нему относились с некоторой степенью подозрения, злости, а в некоторых случаях и буквально с ненавистью, старания полу-дракона в смиренном служении и покаянии, хотя и не всегда успешные, в конце концов заставили сердца клириков смягчиться. Внезапно, облачённый в серую робу полу-дракон осознал, что за все эти, проведённые в монастыре годы, он стал его частью, таким же обыденным элементом повседневной жизни, как колокол, призывающий братьев на молитву. Драккену было удивительно, что он не понимал этого раньше.

Как бы там ни было, он однажды заметил, что чувствует вскипающую волну ярости из-за недавних похорон. В глазах служителей Ильматера он увидел какую-то рутинность, словно это событие никак не отразилось на них. И эта злость преследовала его весь день. Не раз он останавливал себя, чтобы не зацепить какого-нибудь ничего не подозревающего брата. Чтобы отвлечься, он сконцентрировался на поиске убийцы.

Если бы все знаки не указывали на него, было бы намного легче.

Несмотря на возможность незаметно подслушать практически всё, что угодно, Драккен не слышал ничего стоящего. Не приходилось сомневаться, что убийца Арранота был на уме у каждого. И действительно, по всему аббатству это была самая популярная тема для обсуждения шёпотом. Но никто не сказал ничего полезного. Наибольший интерес представляла версия трёх старых монастырских прислужников, которые предположили, что Арранота убил злобный призрак послушника, который с десятков лет назад утонул возле аббатства.

Вот так он и обнаружил себя патрулирующим коридор dormitorio.

Драккен остановился перед закрытой деревянной дверью. Открыв её, он вошёл в просторную трапезную. Он осторожно двигался через огромный зал, избегая длинных деревянных скамей и массивных дубовых столов. Уже не в первый раз он проклял свою приобретённую в монастыре привычку ходить с источником света, ведь его полу-драконьего зрения было достаточно. Пару раз он даже напугал нескольких старых обитателей монастыря, появляясь из крошечной темноты. С тех пор он взял за правило носить с собой лампу или свечу, чтобы предупредить других о своём присутствии.

Выйдя за пределы трапезной, Драккен оказался в каменном коридоре. Ещё через три изгиба коридора он оказался перед простой лестницей, ведущей на второй этаж dormitorio. Ещё пара поворотов и полу-дракон оказался перед каменной дверью, ведущей в келью Брата Арранота.

Он немного помедлил, слушая тихое нащёптывание молитв и скрип камня и дерева. Всё вокруг него было погружено во тьму, а dormitorio тихо гудел от голосов молящихся. Драккен глубоко вдохнул и потушив лампу открыл дверь.

Через несколько мгновений глаза полу-дракона адаптировались к тьме. Драккен испытал временную дезориентацию в следствие очерчивания деталей комнаты в ином спектре. У дальней стены лежал простой соломенный матрас, грубое шерстяное постельное бельё было аккуратно сложено у одного конца. Под закрытым и занавешенным окном Драккен мог различить крепкий дубовый столик и простой стул с прямой спинкой. В дальнем углу располагался старый платяной шкаф. В чёрно-белом спектре ночного зрения полу-дракона, келья почившего монаха выглядела даже более аскетично, чем на самом деле.

Все в скромной обстановке кельи от расположения простой мебели, до того, в каком порядке на столе лежали перо, бумага и стояла склянка с чернилами, было пронизано духом человека, которого Драккен хорошо знал. Да, даже по скромным стандартам служителей Ильматера, Арранот был аскетом. Задумчивый, серьёзный и мудрый – таким его знали в монастыре, но, несмотря на это, он так же славился подлинной смирностью. Единственной вещью в комнате, которая обличала принадлежность младшего приора к лидерам аббатства, был старый, зазубренный горшок с углём, под письменным столом. По какой-то причине этот древний горшок вызвал улыбку на лице Драккена. Он подумал о ярком огне, светящимся в глазах младшего приора всякий раз, когда ему задавали вопрос, требующий размышлений. Огонь, который потушила смерть. Улыбка Драккена погасла.

Вспомнив, зачем он пришёл, полу-дракон тщательно обыскал комнату, чувствуя некий дискомфорт от мысли, что призрак Арранота мог наблюдать, как его убийца шарится по его скромному жилищу. Он осмотрел потрёпанные робы жреца, висящие в шкафу, проверил матрас и постельное бельё и взглянул на поверхность стола. Кроме того, он уделил внимание молебным чёткам и маленькому серебряному символу Ильматера. Полу-дракон не нашёл ничего, что могло бы помочь разрешить загадку смерти друга.

Расстроенный он сел на стул и бросил последний взгляд на стол. Под аккуратно сложенной стопкой бумаг он увидел тонкую книгу в переплёте из телячьей кожи, которую он чуть не упустил во время первого беглого осмотра. Он открыл книгу и тут же узнал аккуратный округлый почерк, так характерный для руки Арранота. Драккен провёл пальцем по неровному краю страницы, дивясь простой красоте работы священника. Линии почерка, наконец, сложились в слова и скоро полу-дракон погрузился во внутренние мысли усопшего жреца. Всяческие наблюдения жизни аббатства вперемежку с молитвами Ильматеру и, на удивление Драккена, мысли о природе духовной жизни, которые так глубоко его тронули, что будь он способен на то, чтобы пролить слёзы, он бы заплакал.

Внезапно журнал прервался, не завершив предложение. Этот эффект неожиданности вывел Драккена из задумчивости. Он уже было захлопнул книгу, но в последнюю секунду увидел зазубренные кусочки бумаги в корешке. Присмотревшись, полу-дракон увидел, что последние несколько страниц журнала были вырваны.

Но к чему бы Арраноту вырывать эти страницы, когда не было похоже, чтобы он подвергал какой-то редакции свои предыдущие записи? Драккен начал рассматривать возможные варианты. Возможно, кто-то другой их вырвал. Новопрос «зачем», стоял всё ещё остро.

Он пролистал оставшиеся пустые страницы. Когда он приближался к концу, на колени ему упал маленький клочок крашенной шерсти. Он взял его в свои когтистые пальцы. Его ночное зрение не обнаружило ничего особенного, но клочок шерсти всё ещё сохранил едкий запах краски. Драккен начал вставать и уже потянулся к потушенному светильнику, который он оставил на полу, но застыл...

На границе слышимости, едва различимо в ночной тишине, что-то шаркнуло по каменному полу. Полу-дракон повернул голову, слушая внимательнее. Шарканье раздалось снова, уже ближе.

Кто-то был за дверью!

Драккен подполз к проёму, стараясь держаться так, чтобы быть вне поля зрения, вздумай кто заглянуть в келью из холла. Полу-дракон не хотел напугать какого-нибудь сонного священника, на пути в гардеробную, но и предоставлять кому-то возможность всадить себе нож в спину он не собирался. Годы службы в храме мало притупили воинские инстинкты. Ещё момент ожидания...

Он выскочил в коридор, но там никого не было.

Проход был пуст. Его чувствительные уши улавливали только отдалённый храп. Он был здесь один.

Когда полу-дракон снова повернулся к пустой келье, его взгляд зацепился за одну деталь. На полу лежал скомканный кусочек бумаги. Драккен схватил его и быстро развернул.

То, что он увидел, заставило его затаить дыхание. Там, была фраза, точно вырванная из журнала Арранота:

«Встретимся через две ночи в Верхнем Погребе

Друг»

Сердце Драккена забило сильнее. Возможно там, он получит доказательство того, что он не был повинен в смерти младшего приора. Но если это было так, то в стенах аббатства происходили по-настоящему тёмные дела.

Драккен выскочил из комнаты, почти что хлопнув дверью и поспешил скрыться во тьме. Он был на половине пути в свою келью, когда понял, что забыл свой светильник.

Рассветные лучи залили внутренний двор розовым сиянием.

Драккен вдохнул свежесть ранней весны, приправленную ароматом зацветающей листвы и утренних заморозков. Вокруг него, занятые своими ежедневными делами, расхаживали священнослужители в серых робах. Домашний скот и повозки, нагруженные орехами, зерном и прочими продуктами, едва ли не сталкивались с коренастыми бородатыми мужчинами, пытящими с тяжёлыми кувшинами воды и вина. Где-то на расстоянии, нисколько не смущённый запоздалостью своего действия, пел петух, возвещая восход солнца.

Драккен, однако, не уделил этому никакого внимания. Несмотря на то, что всё утро он провёл в безрезультатных поисках кого-то или чего-то связанного с крашенным клочком шерсти в комнате Арранота, полу-дракон почти не был

расстроен. Впервые, за декаду, после возвращения в свою келью, он нормально поспал. По дороге, он подумал о том, что, возможно теперь, он, наконец, сумел освободиться от ярости, столь долго его отравлявшей. В этот момент, заслоняя солнце, над его головой пронеслось большое серое облако. Полу-дракон невольно вздрогнул.

Выйдя с внутреннего двора, который служил сердцем Аббатства Белой Ивы, Драккен пошёл по небольшой аллее, тянувшейся между несколькими каменными и деревянными зданиями. После утренней молитвы, он неторопливо ходил между служителями Ильматера, интересуясь возможным происхождением кусочком крашенной шерсти. Поняв, что никто не мог сказать ему что-то кроме разных общих сведений вроде качества краски или шерсти, он решил навестить Брата Фенотара в его целительской мастерской. Ему было любопытно, не появилась ли у него какая-либо информация о смерти Арранота.

Известный благодаря своим ядрёным зельям и вонючим мазям, молодой брат, к вящей радости остальных обитателей монастыря, расположил свою мастерскую у южной стены, которая располагалась дальше всего от dormitorios. Через несколько минут Драккен добрался до маленького деревянного домика, в котором расположился травник, постучался и вошёл.

Полу-дракону потребовалась пара мгновений, чтобы адаптироваться к бросившемуся к нему в глаза и ноздри урагану цветов и запахов. Пучки высохших и сушащихся трав свисали с каждой балки в то время как в углу кипело некоторое количество маленьких, покрытых сажей горшочков. Столы – на самом деле старые помосты, побитые, обожжённые и несшие на себе прочие следы экспериментов травника – выглядели так, что в любую минуту готовы были сложиться под весом бесчисленных либрамов, старых дистилляторов и грудой инструментов, которые Драккен даже не смог бы назвать. Облака противоречивых запахов и испарений под низкой крышей чуть ли не вызывали у полу-дракона удушье.

Он немного подождал, пока не стало очевидно, что его присутствие осталось как для травника, увлечённо рассматривавшего что-то через увеличительное стекло, так и для его подмастерий, незамеченным.

- Брат Фенотар, - сказал он мягко, не привыкший, чтобы его приметная внешность оставалась без внимания. – Брат, - повторил он громче.

Травник Белой Ивы, всё ещё держа у глаза увеличительное стекло, взглянул на посетителя с видимым удивлением. Он властно глядел на полу-дракона, хотя эффект был несколько сбит из-за чрезвычайно увеличенного через линзу глаза.

- Хмм...хмм... - ответил клирик.

Алхимик щёлкнул пальцами и подмастерье беззвучно и без вопросов вышли из комнаты.

- Вы хорошо их вымуштровали, - сказал Драккен, когда последний мальчик в белой робе вышел и закрыл за собой маленькую дверь.

- Все они плуты, - фыркнул Фенотар. – И ни у одного из них не хватит ума, чтобы отличить очищенную облепиху от сельдерея.

- И всё же, - добавил он с кривой улыбкой, - я к ним привязался. Но не говори им, что я так сказал! А то они станут неуправляемыми.

Он повернулся к маленькому подносу с очевидным раздражением.

- Брат Фенотар, - снова сказал Драккен, чувствуя что-то среднее между веселием и растущим расстройством, - я пришёл, чтобы выяснить, можете ли вы сказать что-нибудь об ... - он запнулся на слове, - об убийстве Брата Арранота.

- Хмм... хмм... - ответил травник отвлекаясь от чего-то захватившего его внимание. - Убийство... ах да, Арранот. Это было ужасно, - проговорил он, опустив увеличительную линзу. - Брат Аббат попросил меня осмотреть тело.

- Да, я знаю, - ответил полу-дракон, с нотками разочарования, закрывшимися в голос. - Поэтому я и пришёл. Аббат попросил меня провести расследование связанное с смертью младшего приора.

- И что же ты сразу не сказал? - спросил травник.

Драккен сдержал гортанный рык. Обретённое с утра равновесие растаяло во вспышке ярости.

- Что вы обнаружили? - спросил он единственное, что смог выдавить через стиснутые зубы.

- О, я что-то нашёл, не сомневайся, - ответил Фенотар, очевидно замечая раздражение собеседника, - но делать выводы ещё рановато. Мне нужно кое-что проверить.

- Когда вы будете готовы сказать что-то определённое? - спросил Драккен.

- Возможно, чуть позже этим утром..., - травник остановился. - А завтра утром уж точно.

Полу-дракон уже повернулся, чтобы уйти. С его губ уже готово было сорваться проклятье в сторону пустоголовых жрецов, когда травник спросил его насчёт результатов его собственного расследования. Он едва не вышел, оставив вопрос без ответа, но что-то в голосе клирика заставило его остановиться.

Глубоко вздохнув, Драккен повернулся к любопытному травнику и выложил всё, что ему удалось обнаружить в комнате Арранота. Он удивился, обнаружив, что не рассказал ему о таинственной записке.

Удивление полу-дракона усилилось, когда Фенотар попросил показать ему клочок шерсти. Травник какое-то время изучал его и потом схватил увеличительное стекло. Пальцами одной руки он распушил волокна шерсти и внимательно их разглядывал через инструмент.

Драккен задержал дыхание и на какое-то время забыл о всей своей злости.

- Хмм... хмм..., - промямлил травник через какое-то время. - Очень хорошая краска, но тут такой не делают. С нашими местными растениями трудно добиться такой глубины проникновения и такого насыщенного цвета. Кажется, я припоминаю..., - жрец задумался, барабанивая своими длинными измазанными чернилами пальцами по столу. - Да, - сказал он через некоторое время. - Был торговец... Валерикс, кажется, так его звали. Он пришёл в аббатство несколько месяцев назад, пытаясь заключить с нами годовой договор о поставке. У него было несколько рулонов шерсти именно этого цвета.

Драккен вздохнул, досадуя на свою невезучесть. Кем-бы он ни был, он, наверное, путешествует по всей стране и ему его никогда не найти.

- Это был самый лютый зимний жар, который я когда-либо видел, - продолжал Фенотар.

- Что? - почти крикнул Драккен. - Вы имеете в виду...

- Да, - сказал травник с улыбкой. – Он всё ещё здесь. Отдыхает в гостевом доме. Ждёт, пока его караван снова пройдёт через нашу долину.

Драккен поблагодарил священника. В страстном желании распутать клубок до конца, он забыл свою злость. Полу-дракон оставил мастерскую травника и отправился на поиски торговца.

Поиски не заняли много времени. Гостевой дом аббатства был меньше dormitorio и стоял к западу от храма Ильматера, служащей духовным сердцем монастыря. Это двухэтажное здание предлагало приют усталым путникам, больным деревенским жителям и всем, кто попросит братство о помощи. Короткий диалог с начальником гостевого дома и Драккен уже знал, что Валерикс трапезничал в одной из комнат. Молодой жрец, дежуривший по гостевому дому, провёл его через несколько коротких коридоров и, наконец, остановился перед входом, занавешенным плотной синей занавеской. Сказав приветствие, начальник гостевого дома провёл Драккена сквозь занавес в залитую солнцем комнату и ушёл.

Там, среди горы тарелок с перепелами, жареными яйцами, толстым хлебом, холодным цыплёнком и горшочками с разнообразными желе, сидел самый жирный человек, которого Драккен когда-либо видел. Раздутая, покрытая пятнами плоть обвисла вокруг почти безволосой головы и, свесившись с боков его лица, кончалась жирными щеками. Тонкие, седеющие волосы, жирные от предыдущего приёма пищи топорщились вокруг тонких губ. Ярко красный шёлк, так кричаще выделяющийся среди тусклых одеяний, которые носило большинство обитателей аббатства, натянулся и задвигался с остальной массой плоти, когда торговец встал для приветствия.

Драккен заметил удивление торговца, которое быстро сменилось холодным, оценивающим взглядом. Полу-дракон чувствовал, будто его оценивают, как коня на продажу и это нисколько не способствовало улучшению и без того мрачного настроения.

- Торговец Валерикс? – незатейливо спросил Драккен, после того, как торговец отдышался после вставания.

Толстяк поднял в ответ опухшую руку.

- К вашим услугам, - ответил он с неуклюжим поклоном.

Солнечный свет отразился от широкой золотой полосы, окружающей один из толстых пальцев. Кольцо светилось практически пламенным сиянием.

- Это настоящее произведение искусства, не так ли? – спросил Валерикс, заметив интерес полу-дракона. – Вы уже видели его раньше?

Драккен помедлил. Две полосы золота сплюснутые и переплетённые на манер змеиных хвостов. Он покачал головой.

- Нет? – ответил неугомонный торговец. – Мы большой торговый дом и все наши партнёры носят такие украшения. А вы, кажется, с нами не знакомы.

Драккен услышал послание между строк. Он почувствовал, как внутри шевельнулась знакомая ярость. Что-то в этом человеке кричало о кровавой резне. Полу-дракон погасил в себе импульс. Ему казалось, что он идёт по натянутому канату: одно неверное движение и он упадёт в море крови. Нужно было быть осторожным. Если это действительно он был убийцей Брата Арранота, он не хотел, чтобы от его неисправимой жестокости пострадал кто-то ещё. А этот торговец, хоть

и неприятный, мог быть ключом к разгадке того, что произошло на самом деле, в то время, как от его труп не было бы никакого толка.

- Прошу прощения, что прерываю вашу трапезу, - сказал полу-дракон тоном, который выдавал что угодно, кроме извинения, - но мне нужно задать вам вопрос про Брата Арранота.

При упоминании почившего младшего приора, Валерикс поднял брови.

- Брат, которого недавно убили? – спросил он, прикрывая рот своими сосискообразными пальцами. – Но что я могу знать?

Драккен подумал некоторое время, прежде, чем задать вопрос:

- Мы собираем вещи младшего приора, чтобы продать их в пользу тех, кто нуждается и у нас вопрос касает нескольких товаров, которые мы нашли.

Полу-дракон внимательно смотрел на торговца в поисках признаков того, что он понимал, что ему говорили полу-правду. Но даже если и так, то торговец себя не выдал.

- Ясно, сказал Валерикс, поглаживая свою бородку. – Чем я могу помочь?

Драккен не придавал значения его тону, который явно свидетельствовал о том, что он попусту тратил время. Он запустил руку к себе в карман и достал клочок шерсти.

- Вы видели это раньше?

Валерикс нахмурился и на его лбу образовались глубокие складки, пока он рассматривал шерсть.

- Да, а что? – ответил он вскоре. – Это образец продукта, который я раздаю, чтобы люди убедились в качестве моих товаров. Это моё.

- Ясно, - ответил Драккен. – Тогда можете ли вы сказать, как это попало в комнату Брата Арранота?

Полу-дракон всё же не смог скрыть нотки обвинения в своём голосе.

- Очень просто, - не менее уверенно ответил торговец. – Мои контракты с Братом Бротельдом – Келарём – были... скажем, приносили мало выгоды. Так что я обратился к Брату Арраноту и показал ему образцы моих товаров. И не более, - прошептал толстый торговец.

- Значит, вы не станете возражать, если я попрошу Брата Келаря это подтвердить? – спросил Драккен.

- Разумеется нет, - Валерикс махнул полу-дракону жестом, что он может быть свободен и вернулся к еде. – А теперь, если не возражаете...

Драккен чуть не сделал шаг к торговцу и не схватил его за шкуру, настолько его разозлил этот жест, но какое-то беспокойство во внутреннем дворе отвлекло его. Даже будучи в гостевом доме он мог различить гул голосов.

- Прошу прощения, - бросил Драккен и вышел от торговца.

Внутренний двор бурлил. Братья и служители стояли, сбившись в кучки и оживлённо переговаривались или бежали от стены к стене с корзинами, полными припасов.

- В чём дело? – крикнул он проходящему мимо служителю.

Женщина остановилась и когда она повернулась к полу-дракону, на её лице был ясно проступающий ужас.

- Разве ты не слышал? Они заметили осов в холмах. Менее чем в дне пути от аббатства.

Новость заставила сердце Драккена забиться. Возможно, он всё ещё мог что-то сделать.

Было ясно, что пришло время поговорить с аббатом.

Стук в дверь пробудил Драккена от кошмаров. Он застонал и попытался перевернуться и проигнорировать стуки. Не смотря на все его попытки, канонада не прекращалась и каждый удар звучал как зубодробительный удар молота, который, в конце концов, выкует цепь, чтобы навеки сковать его. Нет, он не мог скрыться от правды. Это он убил Брата Арранота.

Стук продолжался.

Драккен снова застонал и встал на ноги. Его маленькая келья лежала в руинах. Глубокие отметины от когтей расчертили каменные стены по всей длине, а пол усеивали обломки мебели и разорванной одежды.

Воспоминания волной нахлынули на него. Несмотря на три попытки увидеть аббата, ему так и не удалось поговорить с Меремонтом. Каждая неудачная попытка расшевеливала угли его ярости. Раздосадованный невозможностью принять участие в обороне монастыря, он удалился к себе в келью, где впал в дрему, из которой, казалось, не мог выйти.

Образы наводняли каждый момент его дрёмы. Видения были яркими и до ужаса детализированными. Казалось, что Драккен не просто проживает этот ужасный момент, но что он застрял в нём и снова, раз за разом разрывает горло младшего приора.

Ближе к рассвету ему удалось выбраться из этой темницы кошмаров, усугублённой яростью и чувством вины.

Ярость из-за очевидности собственной причастности к смерти Арранота сталкивалась с более глубокой ненавистью, kloкотавшей в его сердце. Зверь внутри него ослабил свои путы и уничтожал всё вокруг себя, пока, наконец, усталость не заставила его снова уснуть.

Стук в дверь стал более настойчивым, разрывая пелену вины, вызванной кошмарами.

- Что? – крикнул полу-дракон, открывая дверь и ожидая увидеть аббата и других обвинителей.

Вместо этого он увидел молодого послушника в простой белой робе. Испуганный диким видом Драккена, мальчик, выпучив глаза, отступил назад.

- Брат Фенотар желает... он срочно желает вас увидеть, - сказал послушник дрожащим голосом.

Когда он прибыл в мастерскую травника, Драккен последовал за послушником в заднюю комнату. Полу-дракон был уверен, что каждому в аббатстве было известно, что он виновен. Пока они шли через внутренний двор, он чувствовал на себе глаза братства. Успокаивая себя и готовясь к худшему, он вошёл в комнату.

Брат Фенотар едва ли заметил его появление. Травник с увлечением склонился над лежащей на широком столе фигурой, ощупывая что-то, что подозрительно напоминало человеческую руку. Драккен уже хотел было выкрикнуть учёному

священнику своё признание, но вдруг понял, что эта рука принадлежала Брату Арраноту.

Полу-дракон начал дрожать и удивился, когда голос внутри начал проклинать его за трусость.

Травник, очевидно, не замечал его состояния и продолжал осмотр.

- Взгляни на это, - без какого-либо вступления сказал Брат Фенотар, показывая на бледный след на коже на руке трупа. – Интересно, не правда ли?

Драккен осторожно подошел ближе, полностью уверенный, что труп вскочит и обличительно укажет пальцем на своего убийцу.

- Я ничего... Я ничего не вижу, - ответил он.

- Хмм... - послышался ответ. – Вчера я упомянул о том, что мне нужно кое-что исследовать. Раны, на горле нашего усопшего брата, беспокоили мене с самого начала.

- Почему? – спросил Драккен, против воли склоняясь над трупом ближе.

- Для таких чудовищных ран было маловато крови, - сказал травник, откидывая назад голову трупа, демонстрируя растерзанную шею. – Поэтому я провёл дальнейшее изучение и нашёл это.

Он указал на маленькую рану на внутренней стороне руки трупа.

- Что это? – поинтересовался Драккен.

- Сначала, - ответил Фенотар, - я думал, что это просто укусы насекомого. Но я провёл кое-какие испытания. Тогда-то я и обнаружил, что кто-то отравил Брата Арранота.

- Змеиный корень, - добавил травник. – Ужасно смертельный.

- Арранот был..., - начал Драккен.

- Когда наносили эти раны, он был уже мёртв, - подытожил Брат Фенотар. – Я продолжил изучать раны на шее и обнаружил в них маленькие кусочки металлической стружки. Чем-бы не были они нанесены, это было какое-то оружие.

Драккен упал на колени и согнулся, почувствовав, как ему полегчало. Не он был убийцей младшего приора! Все эти часы самоистязаний и ненависти к себе теперь казались просто сном. Открытие Брата Травника успокоило одну часть его сознания, в то время как другая начала просчитывать остальные возможности.

Он, заикаясь, поблагодарил Брата Фенотара и вышел. Если младшего приора убил не он, значит убийца был всё ещё на свободе и изрядно постарался, чтобы отвести подозрения на бывшего воеводу. Глядя на темнеющее весеннее небо, Драккен направился к себе в келью. У него было лишь несколько часов, чтобы подготовиться к встрече с тем, кто оставил ему послание.

Драккен тихо стоял в верхнем погребе, опершись одной рукой на связку деревянных ящиков, а другой перебирая четки, свисающие с ременной петли, пришитой к его робе. Несмотря на кусачий холодок, царящий в тёмном погребе, дух полу-дракона был на большем подъёме, чем когда-либо за последние несколько месяцев. Открытие Брата Фенотара сняло с его плеч тяжёлую ношу, которая давила на него с момента, когда он узнал о смерти младшего приора. Узнав о собственной невиновности, он едва ли мог сдержать свою радость от облегчения. Всё, на что он мог надеяться, это то, что тот, кто оставил ему то таинственное послание, прольёт ещё немного света на гибель Брата Арранота.

Полу-дракон был так поглощён мыслями об этом, что заметил атаку лишь за мгновение. Его острое обоняние уловило слабый мускусный запах за мгновение до того, как перед ним возникли две фигуры. Заострённая сталь описала в темноте дугу и понеслась в его сторону, но полу-дракон уже начал движение, ныряя под со свистом пролетающее лезвие одного из клинков. Когда он развернулся, второй клинок застрял в складках его робы, замедляя его. Покрытая чудовищными мышцами нога полу-дракона пнула одного из нападавших в живот. Нападающий, захрипев, согнулся пополам. Без промедления Драккен кувыркнулся мимо нападающего и встал на ноги.

Даже в этой кромешной тьме погребца, зрение полу-дракона смогло различить черты нападавших. Оба были людьми. Один был коренастым воином, по виду которого можно было заключить, что до того, как разжиреть, он был очень мускулистым. Он сжимал в руках жуткого вида топор. Его компаньон был жилистым стройным мужчиной с ухоженной козлиной бородкой. В одной из его рук был простой короткий меч, а в другой загнутый кинжал.

Несмотря на явно невыгодную расстановку сил, Драккен почувствовал, как близость смерти заставляет его кровь закипать. Спавший внутри него зверь начал просыпаться и на этот раз, полу-дракон никак ему не препятствовал. Он сразу же знал, что ему нужно делать. С его губ сорвался низкий рык и он набросился на убийц.

Один из них сделал быстрый тычок короткого меча. Драккен и не думал уворачиваться и казалось, просто напрыгнул на оружие. Когда клинок упёрся в его толстую чешую, он слегка изогнулся и скользнул в сторону. Всё ещё двигаясь вперёд, полу-дракон сдвинулся немного влево от нападающего, схватил его за шею одной из своих когтистых рук и потянул его к себе, как будто для объятия. Крича от отчаяния, нападающий яростно орудовал кинжалом. Драккен издал вой боли и ярости, когда клинок проник сквозь толстую чешую, словно она была шёлком.

Прежде, чем он мог закончить свою атаку, он почувствовал, как второй нападающий собирается нанести сокрушительный удар. Он развернулся, держа перед собой свою добычу, словно щит. Когда топор убийцы опустился, он глубоко погрузился в грудь его компаньона, раскалывая рёбра несчастного.

Жирный боец сделал шаг назад, высвобождая топор и его глаза расширились от ужаса. В тот момент, выпустив из когтистой руки кровавые останки первого нападающего, Драккен прыгнул вперёд. С лёгкостью отмахнувшись от слабых попыток своего оппонента защититься, полу-дракон сомкнул свои когтистые руки на его шее и, с пугающей силой сдавил. Глаза убийцы дико выпучились и мгновением позже его трахея провалилась под чешуйчатыми пальцами Драккена. Из рта падающего на пол труп хлынула кровь.

Полу-дракон посмотрел на свои покрытые кровью руки и чуть ли не зарычал от удовольствия. Зверь, которого он хорошо знал, был практически на свободе. Он уже чувствовал, как он скребётся и бьётся в дверь своей темницы. Драккен бросил последний задумчивый взгляд на груды мяса перед ним и буквально застыл, увидев на пальце мечника знакомую форму.

Он сразу понял, кто стоял за смертью Брата Арранота и это знание пробудило в нём дикий гнев. Не заботясь более о том, что кто-то мог наткнуться на эти трупы, Драккен поднялся по лестнице, направляясь к убийце.

Где-то глубоко внутри, неистовствовал зверь!

Он вошёл в толпу.

Несмотря на поздний час, братья в серых робах носились туда сюда, бормоча молитвы Ильматеру, во время того, как они носили вёдра с водой, тяжёлые сумки с зерном и мукой и множеством других предметов. У некоторых слуг аббата, в мягком лунном свете, Драккен даже различил блеск стали.

- Разведчики заметили орду существ за воротами, - рассказывал кто-то друг другу. Ему ответили:

- Осы уже были в подвалах аббатства.

Полу-дракон игнорировал, он был сосредоточен на цели. Среди этой толчеи, где каждый был сосредоточен на каком-то задании, было легко затеряться. Никто не окликнул Драккена по дороге в гостевой дом. Немного времени проведённого за изучением книги регистрации поведало ему всё, что он хотел знать. Через несколько мгновений он уже стоял перед простой деревянной дверью. На секунду у него появилась мысль о том, чтобы постучать, но воспоминание о выражении ужаса, застывшем на мёртвом лице Арранота, тут же прогнало её прочь. Дверь разлетелась в щепки под его тяжёлыми ударами.

Он ворвался в комнату как вихрь, в поиске разбрасывая шёлковые одеяла, богато вышитые одеяния и бухгалтерские книги. Он знал, что то, что он хотел найти, было где-то здесь. Не беспокоясь о производимом шуме, он начал обыскивать кедровые сундуки, просто вытряхивая их содержимое на пол. Но с каждым мгновением, когда он ничего не находил, его расстройство росло. В его разум начали втыкаться холодные стальные иголки сомнения. А что, если он ошибся?

И всё же он продолжал поиски, оставляя на своём пути след разрушения. Наконец он добрался до простой соломенной кровати в углу комнаты. Он со злостью разорвал матрас, разбрасывая старую солому. Он уже собирался разломать каркас кровати, когда, среди соломы, он заметил маленький свёрток бумаги. Когда он увидел знакомые, аккуратные линии почерка Брата Арранота, он чуть не издал победный вопль.

Мне теперь ясно, что Валерикс, оставаясь в монастыре, преследует какие-то более потаённые цели, нежели просто коммерция. Я и раньше подозревал, что он может быть членом культа дракона, но сегодня я обнаружил доказательство. Как только брат Аббат вернётся из деревни, я должен немедленно сообщить ему об этом. Мне остаётся лишь надеяться, что я успею.

Пока Драккен читал отсутствующую страницу журнала, его руки чуть ли не дрожали. Валерикс... культист! Теперь всё обретало какой-то смысл. Он должен пойти к аббату и ...

Звук медленно аплодирующих ему рук заставил полу-дракона застыть на месте.

- Прекрасно, мой чешуйчатый друг, - раздался знакомый голос торговца, который, казалось, эхом разносился по комнате. – Отлично сработано.

Драккен повернулся на голос. Торговец Валерикс стоял у входа в комнату и его жирное лицо лоснилось от жирного пота. Губы мужчины были поджаты в полуулыбку.

- Вижу, тебе удалось пережить встречу с моими компаньонами, - сказал он. – Какой позор, но, я полагаю, это было довольно ожидаемо.

Полу-дракон сделал шаг вперёд. С его губ сорвался вопрос:

- Почему ты...?

- Да ладно, - прервал его торговец с хрипотцой в голосе. – Ты определённо не так глуп, верно? Ты прочитал журнал Арранота. Он прав. Я посланец Культа Дракона. Меня направили сюда проследить как продвигаются дела у Шкуродёра и тут я обнаружил тебя.

- Арранот, - продолжил он, размахивая своими пухлыми пальцами, - просто встал у меня на пути.

Драккен сделал ещё шаг вперёд, обнажая зубы.

- Я сам тебя прикончу, - почти прорычал полу-дракон. Зверь внутри него снова был выпущен из клетки.

- На твоём месте я бы контролировал свой гнев, - отчитал его Валерикс с улыбкой на заплывшей физиономии.

- Да что ты об этом знаешь, - прорычал полу-дракон. Его пальцы дёрнулись с импульсом разорвать этот кусок сала на части. Драккен почувствовал, как его контроль над собой слабеет и он с ужасающей определённостью понял, что если он сейчас поддастся ярости, его личность окончательно растворится.

- Больше, чем ты можешь себе представить, - ответил культист. – Те наёмники должны были оставить в погребке ещё одно тело, убитое в точности, как Арранот. Я думал, этого будет достаточно, чтобы сломать тебя и вытолкнуть за грань. Но когда на следующий день ты нанёс мне визит, я понял, что ты подобрался слишком близко.

- И поэтому ты послал их убить меня, - заключил Драккен.

Валерикс пожал плечами и от этого движения, его жиры под шелковой робой заколыхались как рябь на воде.

- В тот момент это казалось самым разумным решением.

- А теперь? – спросил полу-дракон.

- Если ты меня убьёшь, мы всё равно победим, - ответил Валерикс, с его лба валились крупные капли пота.

- Каким образом? – чуть ли не прокричал Драккен.

- Ты же чувствуешь это, правда? – ответил торговец. – Эту сладкое, манящее безумие. Как жар в крови. Это чувство повелевает тобой, разве нет?

В ужасе от истины, прозвучавшей в словах культиста, Драккен отступил назад. Глаза мужчины светились лихорадочным светом.

- Почему ты позволяешь этим проклятым священнослужителям обращаться с тобой как со слугой? – продолжил Валерикс. – Они пытались слепить из тебя что-то, чем ты не являешься. Убей их. Они заслуживают смерти. Выпусти свою ярость, пусть она прольётся. Ты слишком долго сдерживал её.

Драккен помотал головой, но в сердцах он знал, что Валерикс был прав. На мгновение он увидел изувеченные тела жрецов Ильматера, убитых его руками. Он не чувствовал вины, даже наоборот – глубокое чувство удовлетворения. Но потом он вспомнил, кто о нём позаботился, когда он был совсем один и заблудился в себе. А также он вспомнил о том, что мужчина, стоявший перед ним, отравил его единственного во всём мире друга.

Видение оборвалось.

Рыча, он подошёл к потеющему культисту. Когда он завизжал как поросёнок которого режут, Драккен почувствовал, что улыбается.

В этот момент колокол монастыря зазвонил.

- Ааа, - пролепетал культист, - кажется... кажется осы пробились через ворота аббатства. Теперь ты должен выбирать. Отомстить и убить меня или... или спасти своих братьев от неминуемой гибели.

Колокола определённо били тревогу и даже в гостевом доме Драккен мог слышать крики. Он замешкался на мгновение, затем, с рыком, он которого комната содрогнулась, он отпихнул культиста и побежал к воротам.

- Прощай, мой друг, - кинул ему вслед Валерикс насмешливым голосом. – Сомневаюсь, что мы встретимся снова.

Полу-дракон не обратил на его слова никакого внимания.

Когда он добрался до ворот, он обнаружил, что внутренний двор кишел телами осов, гоблинов и людей. Группа служителей Ильматера жалась к стене под напором банды осов. Драккен вырвал из одного из тел зазубренный меч и с криком бросился в бой.

Зверь внутри него полностью пробудился, но всё ещё был в клетке. Три огромных прыжка и он очутился в гуще противников. Он взмахнул древним мечом со всей доступной ему силой и яростью. Двое мечей, когда осы суетливо бросились защищаться, треснуло под этим ударом. Следующим ударом он выпотрошил оса с топором и поднырнул под удар другого противника.

Он бы отсёк головы ещё двум осам, но бросившийся вперёд гоблин метнул сеть с грузиками, которая обвилась вокруг ног Драккена. Полу-дракон слегка пошатнулся, открываясь для атаки. В его грудь врезались три копья. Сила удара была такой, что полу-дракон даже попятился несколько шагов.

Его сознание прорезала кровавая ярость, словно огромная волна, несущая в себе боль, неистовство и безумие. Он издал рык и этот рык сделался ниже и kloкотавшая в нем ярость трансформировалась в плевок кислотой. С мрачным наслаждением он глядел, как банда осов, обожжённая кислотой, отскочила назад; их кожа стекала, как плавящийся лёд. Со сдавленными стонами, те твари, которые были всё ещё способны бежать, спешили прочь, роняя за собой куски шипящей плоти. С рыком триумфа он вынул древки копий, застрявших у него в груди и повернулся к глупым, дрожащим перед ним людишкам. Наконец-то он был свободен! Свободен от их проклятого вмешательства, их суеты и, самое главное, от их проклятых молитв. Не обращая внимания на хлещущую из ран кровь, он подошёл к ним. Одним рывком он сорвал с себя серую робу, наслаждаясь ощущением прохладного ветра на своих грубых чешуях.

Ещё один шаг и он стоял лицом к лицу со священником, стоящим перед всеми остальными. Он не трясся. Мужчина стоял перед Драккеном с высоко поднятой головой, одна рука его словно защищала тех, кто был позади него. По венам полу-дракона разлилась ярость.

«Этот, - подумал он, - заплатит за свою наглость».

Одно движение когтистой руки разорвало лицо этого клирика, повергнув его на колени. Драккен подошёл ближе, намереваясь сломать ему шею, но когда священник

посмотрел на него, полу-дракон увидел глаза другого старика, глаза, которые он узнал даже окружённый туманом ярости.

Время застыло. С занесёнными для удара руками, он стоял, глядя в глаза, которые были не просто глазами, а зеркалами его собственной души.

«Это не я!», - кричал какой-то далёкий голос, прорывая пелену неистовства.

«Это ты, - казалось, отвечали ему глаза, - и я люблю тебя таким».

Драккену хотелось убежать от действительности осознания этой любви, но его ноги словно пустили корни. Под этим взглядом он осознал, что в течении последних пяти лет он убегал от себя, пытаясь стать чем-то, чем он не являлся. Он глядел на зверя на вершине его силы и знал, что он никогда не сможет по-настоящему избавиться от него, если продолжит держать его под замком. Он и зверь были единым существом. В конце концов, всё, что ему оставалось – это выпустить его.

В одно мгновение боль от его ран стала невыносимой. Полу-дракон упал на колени перед пораненным Аббатом Меремонтом.

- Простите меня, - прошептал он и на его губах образовался пузырь крови.

- Ты прощён, сын мой, - ответил Меремонт, кладя окровавленную руку на лицо Драккена.

Вот так, прохладной весенней ночью, после того, как три копья пронзили его сердце, Драккен Таал открыл свою душу любви и сдался на милость тайны, которая была даже древнее, чем боги. Он упал на землю.

Наконец-то обретя покой.

ОСТРЕЕ ЗМЕИНЫХ КЛЫКОВ

Дейв Гросс

25 день Чесса, Год разбойных драконов

Акт I

- Потому что... - сказал Талбот Ускеврэн, повышая голос на каждом слове, пока эхо его не зазвенело по всему театру Широких Королевств, - мы... не... работаем... на... заказ!

Маллион отступил так быстро, что Эннис должен был подхватить его, чтобы он не свалился со сцены. Сивана вздрогнула от силы этого крика, а Пресбарт зажмурил глаза и поморщился. Никогда ещё, с момента смерти своего отца, Талбот так не выходил из себя. Он опасался худшего, но взгляд на его сжатый кулак, которым он грозил Маллиону, показал, что по меньшей мере его руки всё ещё выглядели как человеческие. Слава Тиморе! Хотя в этом им повезло.

Его партнеры, по искусству слишком хорошо знали, что не смотря на человеческую внешность, лидер их труппы был не совсем человеком. Прошло уже два года с момента, когда Талбот стал оборотнем - на самом деле даже больше, чем оборотнем – но к этому времени он сумел научиться контролировать свое превращение. Даже при полной луне. Но как бы там ни было, в те моменты, когда он злился, ему было трудно не дать зверю прорваться сквозь личину.

Талбот разжал кулаки и расслабил большие плечи. Он задумался над тем, чтобы извиниться, но это только бы ослабило его позицию, если уж не с точки зрения закона, то уж с точки зрения морали. Он был главным совладельцем театра, так что любое решение требовало его одобрения, но он не хотел растерять свою труппу, особенно остальных совладельцев. Уже с десять дней они терзали его одним и тем же разговором и он решил, что наконец пришло время поставить в нем точку. Он ждал, что Маллион заговорит снова, ведь подстрекателем был именно он.

Ища поддержки Маллион посмотрел на Сивану, но она лишь пожала плечами и, в свою очередь, посмотрела на Пресбарта. Как самый возрастной актёр в труппе, который путешествовал по королевству с Госпожой Куикли задолго до того, как она основала театр в Селгонте, Пресбарт наслаждался стелившейся вокруг него дымкой авторитета, которая намного перевешивала его весьма скромные акции в компании. Мерно поглаживая свои усы, с видом, будто он сосредоточенно размышляет о том, чего-бы вкусенького съесть на ужин, старый трагик делал вид, что не замечает ожидающего взгляда Сиваны.

Тогда Сивана повернулась к Эннису. Здоровенный актёр почти догонял по габаритам Талбота, но его неказистая внешность хотя бы не была обманчивой. Он глядел на Сивану с любопытством, пока его лицо не пересекла слабая улыбка. Он любил её, как и все в этой компании и с радостью поддержал бы её в любом споре. Но он бы сделал тоже самое для любого другого друга, что в контексте данного спора, делало его помощь бесполезной.

Вздохнув, Сивана скрестила на груди руки и повернулась к Малллиону.

- Не смотри на нас так, мой костлявый приятель, - сказала она. После смерти их предыдущего лидера труппы, молодая актриса переняла у Куикли много загадочных выражений. – Это ведь ты нашёл спонсора.

- Что? – голос Талбота сотряс перегородки на новой крыше театра – скрипучем плоском конусе, который закрывал от дождя открытый двор, оставляя открытое пространство между своей кромкой и карнизом здания, к которому примыкал театр. Обитавшие под перегородками толсои вскрикнули и забрались повыше. Даже Ломми – низкорослый глава клана этих обитателей джунглей, который слушал их дискуссию с кромки балкона втянул свою голову и скрылся из виду, когда Талбот прогремел:

- Я что, говорил, что нам нужно попрошайничать...

- Она сама вышла на него, - предположил Пресбарт.

Его спокойный и рассудительный тон несколько притушил гнев Талбота. Трудно было кричать на человека, который играл королей и высших жрецов, но Талбот скептически поднял бровь.

- Так и было! – настаивал Маллион. – Ей понравились выступления, которые она видела весной. А ещё она отдельно упомянула как ты играл в «Азуне».

- Верно, - поддержала Сивана.

Её волосы только начали отрастать после того, как она сбрила их для предыдущей роли. Однако, она уже успела их выкрасить в зелёный, поддерживая вечную загадку о её истинном цвете волос.

- И что вы сказали её про наши условия? – спросил Талбот.

- Что мы не работаем на заказ, - ответил Маллион, стараясь не передразнивать Талбота, что было, по мнению самого Талбота, вполне разумно.

- Хорошо, - сказал он. – Отлично! Значит этот вопрос решён. Давайте вернёмся к работе.

Он прыгнул со сцены и направился к связке досок, которые они купили, чтобы отремонтировать крышу. С тех пор, как на предыдущей открытой крыше заклинание сдерживающее дождь потеряло свою силу, совладельцы предпочли построить конусообразное укрытие, нежели платить волшебнику непомерную цену. К сожалению, с тех пор они поняли, что постоянный ремонт и потребность в постоянных заклинаниях иллюминации, чтобы освещать сцену были, пожалуй, столь же разорительны, как и услуги волшебника.

- Но почему? – спросил Эннис.

Несмотря на свои более, чем тридцать лет и три сотни фунтов, когда Эннис что-то не понимал, он звучал, как ворчливый ребёнок.

- Что почему? – уточнил Талбот.

- Почему мы не работаем на заказ?

Талбот расхохотался, но вскоре понял, что никто более не разделял его веселья. Остальные актёры смотрели на него скрестив руки и, вопросительно подняв брови, ожидая ответа.

- Мы все знаем почему, - сказал он, вынимая доску из связки и перенося её на сцену, словно не хотел смотреть в глаза своим товарищам. – Скажи ему, Сивана.

Сивана фыркнула:

- Ну, когда-то я могла сказать, что мы дорожим нашей репутацией, но беря во внимание, что все в Селгонте обсуждают «Азуна» и «Розу»...

- Давай позабудем об этом, - сказал Талбот. Ему не нравилось вспоминать о том, что последние постановки в Широких Королевствах стали поводом для самых едких сплетен среди дворян. В то время как «Объединённая Роза» была пошленькой комедией, участием в которой никто из актёров не гордился, «Азун» был трагедией, в которой ему, наконец, удалось сыграть главную роль. К сожалению злые языки критиков и сплетни оказались на поверку острее клыков дракона, сразившего короля Кормира.

- Помимо этого ещё море других причин, - сказал Талбот, кивая Эннису. – Скажи ему, Маллион.

- А что я должен сказать? – спросил актёр. Ему только стукнуло тридцать и он наконец стал выглядеть на свой возраст. По правде говоря, Талбот частенько завидовал этому актёру, чья хорошая внешность и природный талант делали его очевидным кандидатом на главную роль в большинстве постановок. – Я вот не могу придумать причину, почему бы нам не стоило работать на заказ, когда наша казна истощала и со дня на день собирается и вовсе опустеть.

- Да что с тобой такое? Не иначе, как какая-то артистическая простодушность! – настаивал Талбот. – Мы же не можем позволить дилетанту набирать нам в труппу актёров, чтобы потешить своё тщеславие. Пресбарт вот со мной согласится, верно?

Пресбарт старательно изучал свои ногти, но когда стало ясно, что от него просто так не отстанут, он вздохнул и сказал:

- Дорогой мой мальчик, случись мне в этом месяце пообедать в месте поэлегантнее, чем телега уличного торговца, мне бы было проще встать на твою сторону.

- Если бы мы хотели стабильной жизни, - сказал Талбот, - мы бы были клерками, разве нет? Жизнь актёра полна приключений и иногда случается пережить несколько голодных месяцев. Послушайте, ведь даже после покупки этих припасов от моей доли ещё что-то осталось. Может настало время раздать летний бонус.

- Да не в этом дело, Талбот, - сказала Сивана. – Ты и Эннис тратите больше времени на ремонт театра нежели на репетиции. И это начинает сказываться на представлениях. Даже на боевых сценах.

- Верно, - сказал Эннис.

Талбот тут-же вспомнил о некогда интригующей битве, которая во время последнего показа «Азуна» деградировала до уровня детской битвы на палках.

- Заткнись, - сказал он Эннису.

Он вздрогнул, услышав свой выпад. Не было никаких причин изливать своё раздражение на Энниса.

- Она сказала, что выбрала нас, потому, что ей понравилось, как ты сыграл Азуна, - напомнил Маллион.

- Так и сказала? И кто именно эта... - Таллбот чувствовал подвох. – Иначе говоря, если ты думаешь, что лезть что-то изменит...

- Вот, что она сказала, - сказала Сивана, приготовившись цитировать. – Он само олицетворение короля. Да, кажется, так она и сказала. Поверь, мы удивились не меньше.

- И пьяной она не казалась, - добавил Маллион.

- Может быть она на него запала, - ухмыляясь, предположил Эннис.

- Ладно, - сказал Талбот. – Думается мне, не будет вреда, если выслушать её, перед тем, как донести до неё, что мы не работаем на заказ.

- Вот это правильный настрой, - сказала Сивана.

Маллион похлопал Талбота по руке и сказал:

- Ты не пожалеешь.

Акт II

Она пришла сразу после заката, когда Талбот был единственным в театре, кто ещё бодрствует. Талбот провёл ночь, заканчивая троны, которые предназначались не для актёров, а для гостей, которые готовы были заплатить премиальную сумму, чтобы смотреть спектакль прямо со сцены, где все могли их видеть. Это была традиция, которая пошла ещё со времён управления Госпожи Куикли и он надеялся с помощью этого соревнования в тщеславии среди дворян выгадать достаточно денег для пошива костюмов для следующего представления.

Ломми загнал своё племя назад, под перекрытия крыши, после того, как они провели целый день прыгая по стропилам, инстинктивно отрабатывая способ передвижения, который был им необходим в джунглях, откуда были похищены их родители. Если Ломми служил в театре в качестве любимого клоуна труппы, его подруга Оттер, а также их отпрыски, были всего лишь постоянными жителями театра Широкие Королевства. И до тех пор, пока от Талбота что-то зависело, им будут здесь рады. Всю ночь эти ночные существа развлекали его своей болтовнёй и вознёй. Молодёжь была более способна к человеческому языку, чем их родители, который говорил на смешанном языке, но со своей матерью они общались только свойственными им цоканьем и криками.

После того, как они затихли, Талбот отложил молоток, чтобы не будить остальных. Он размышлял о том, обить ли сиденья кожей или же попросту покрасить древесину, когда он почувствовал, что волосы на его загривке стали дыбом. С того момента, когда в нем пробудился Чёрный Волк, он привык доверять своим чувствам. Один напрягся и повернулся к главному входу.

Он учуял её прежде, чем увидел. Запах её тела был сухим, тёплым и пряным с намёком на какой-то импортный фимиам, но вскоре он инстинктивно понял, что это был не парфюм, а её собственный запах.

Когда он никого не увидел на входе, он поднял голову и увидел, что она стоит на бельэтаже. Она стояла столь неподвижно, что её можно было принять за изваяние, на которое кто-то накинул бардовый плащ. Даже с расстояния тридцати футов он мог почувствовать тепло её тела и утренние сумерки никак не затеняли блеск её волос. Это мог быть парик золотистых кудрей, на манер тех, что носили леди Старого Совета, но пряди выглядели слишком ухоженными и там, где они ниспадали на плечи, они словно парили, как мягкие колосья, подхватываемые летним бризом.

Талбот осознал, что потеет и его омыло какой, то невидимой силой, словно тёплый воздух во время холодного, ненастного утра. Вне зависимости от происхождения ауры этой женщины, она заставляла его тела тянуться к ней, даже не смотря на то, что его первобытные инстинкты кричали ему «беги». Она была могущественной.

- Мномена, - сказала она.

Талбот открыл рот, осознал, что таращится на неё с открытым ртом и захлопнул его.

- Меня зовут Мномена, - уточнила она. – Это вы Талбот Ускеврен, драматург?

До этого никто и никогда не называл его драматургом иначе, как у шутку. Он никогда не писал весь сценарий самостоятельно. Обычно, они покупали сценарии и адаптировали их под свои силы – бои на мечах и юмор. Это создало вокруг труппы не очень удачную репутацию: «Для актёров они слишком хорошие фехтовальщики» - было обычное замечание. В то время, как другие актёры вздрагивали от такого колкого комплимента, Талбот был в тайне польщён, что под его началом, его приятели прослыли столь же искусными, как знаменитые ученики мастера Феррика.

- Да, - сказал он. – Я это он.

Мномена подошла ближе к перилам и Талбот увидел, что она улыбалась. Его щёки запылали, думая, что её развеселило его самоуверенное построение

предложения, но он не мог отвести взгляда от её золотистой кожи, идеально гладкой, словно только что отчеканенная монетка.

- Вы тот, кто мне нужен, - сказала она и в следующую же секунду, Талбот воздал молитву Суне, чтобы это оказалось правдой. Как бы там ни было, Мномена тут же перешла к делу. – Мне нужно, чтобы вы поставили трагедию, чтобы разбить сердце одного скряги. Исполняйте её каждую ночь трижды и я щедро буду оплачивать каждый показ.

Это было хорошее предложение. Даже если зрителей будет немного, гарантированная плата за представление сильно поможет смягчить убытки за последний год. От его крайнего неприятия перспективы работы на заказ не осталось и следа, Талбот почти тут же согласился, но годы жизни с отцом и его суровые уроки оставили несмываемый след в его мировоззрении. Как бы сильно он не старался уйти от судьбы, его наследственность всегда будет оставлять в его душе лаз для клерка, который привык считать каждую монетку.

- Вы оплатите ремонт театра, - сказал он. – Плюс расходы за костюмы, сценическое оборудование и реквизит. В этом случае мы можем обсудить детали.

На этот раз пришла очередь Мномены стоять с открытым ртом. Постепенно она пришла в себя, улыбаясь Талботу с балкона с выражением растущего уважения. Он заметил, что она была очень высокой, а её шея была длинной и элегантной, словно лебедь.

- Я оплачу половину ремонта, - возразила она. – И если уж я заплачу за костюмы и реквизит, я лично буду тем, кто их одобрит. Кроме того, в театре всегда должны быть забронированы лучшие места для моих гостей.

Талбот кивнул и подошел к основанию балкона. Перила находились в двенадцати футах от пола, но он перепрыгнул их и приземлился на деревянный пол. Одним из преимуществ жизни в качестве Черного Волка было то, что сила зверя оставалась при нём даже когда он был в человеческой форме. Однако он был немного разочарован тем, что судя по выражению лица Мномены, его трюк не вызвал в ней ни одобрения ни даже удивления.

- Наверное вы захотите множество боевых сцен, - сказал он с надеждой.

- Если вы считаете, что это поможет привлечь большую аудиторию, то как вам будет угодно, - ответила она. – Я хочу, чтобы зрителей было как можно больше и чтобы молва о представлении разошлась далеко. Придерживайтесь этой концепции, а остальное я поручаю вам.

С этими словами она вручила ему свёрнутые в трубочку страницы пергамента, запечатанные красной восковой печатью с золотыми вкраплениями.

Талбот взял свиток и сломал печать. Его пальцы покалывало, пока он разворачивал страницы и знакомился с содержанием. Пока он читал, Мномена, грациозно, словно птичка на ветке, уселась на перила балкона. Всякий раз, когда Талбот отрывал глаза от текста, чтобы взглянуть на неё, он замечал, что она, в свою очередь, тоже на него смотрит и чувствовал, как его щёки начинают гореть. В конце концов он не мог выдержать этих продолжительных взглядов.

- Это... имеет потенциал, - заключил он.

- Здесь нужна рука талантливого человека, - сказала Мномена. Она соскользнула с перил и положила ладонь на его руку.

- Этот Король Крион, - начал Талбот, - из него мог бы получиться неплохой трагический герой.

- Нет, - сказала Мномена. – Не пытайся делать из него героя. Он жалкий старый дурак, который в упор не видит достоинств своего потомка.

Она не повысила голоса, когда она с удивительной силой сжала его руку, он почувствовал, как температура её тела возросла. Она была всего лишь на ладонь ниже него и он понял, что она была самой высокой женщиной, какую он когда-либо встречал.

- Может оно и так, миледи, - сказал он, - но зрители должны найти в нем что-то, чему можно сопереживать, иначе постановка их не тронет.

Мномена помедлила, размышляя.

- Нужно, чтобы они были тронуты, - согласилась она. – Но они должны видеть и его жадность и понимать, что он поступает плохо, утаивая свои сокровища от принца и принцессы.

- Хорошо, - сказал Талбот. – Было бы хорошо, если бы дети оказались не столь невинными. Возможно, двое из них будут строить козни, чтобы завладеть всем богатством в одиночку, оставив других ни с чем...

Мномена нахмурилась, но затем медленно кивнула:

- Тоже вариант. Однако младшая дочь должна оставаться положительной. Она должна быть главной героиней.

Талбот посмотрел на неё. Наконец он чувствовал себя достаточно комфортно, чтобы улыбнуться ей так, как он мог бы улыбнуться хорошенькой разносчице напитков в баре.

- Так значит младшая дочь?

Мномена выпрямилась и отпустила его руку, но затем тут же выставила свою раскрытую для рукопожатия ладонь:

- Так вы берётесь за дело?

Талбот вообразил, как Маллион будет ликовать узнав о его стремительной капитуляции перед событием, которому он так яростно противостоял. Ему казалось, что красота Мномены припёрла его к стенке, но можно ли было спорить с тем, что он заключил хорошую сделку? Он пожал её руку и почувствовал, что её железная хватка не уступает его собственной.

Акт III

Сивана перевернулась в воздухе и покатилась по сцене, пока со всего маху не ударилась о крайнюю колонну справа. Меч Перивела, который висел над её головой в качестве постоянной декорации, закачался на своих крепежах. Этот массивный клинок, который Талбот унаследовал у своего дяди, был слишком опасен для того, чтобы использовать его для сценического фехтования, но Талбот держал его там в качестве впечатляющей декорации и в качестве оружия, которое должно быть под рукой, на случай если в Широкие Королевства снова пожалуют серьёзные проблемы.

Сивана бросила опасливый взгляд на чудовищный меч, потёрла плечо и сказала:

- Аккуратнее, здоровяк!

- Прости, - промямлил Эннис, держа свой составной посох так, словно он внезапно стал горячим.

Пресбарт забрал у него оружие.

- Тал, - крикнул Пресбарт. – Ты нам тут нужен. Эту хореографию надо доработать.

- Да проблема не в хореографии, - пробормотал Маллион, потирая обратной стороной руки свой подбородок.

Там, где Эннис приложил его немного ранее уже начал образовываться синяк. Позади Маллиона, двое актёров помоложе держались за свои локти.

Эннис ссутулился и понурил голову. С того момента, как он встретил Мномоу, он стал удивительно неуклюж. А когда она присутствовала на репетиции, его неуклюжесть только возрастала, но даже через день, после её последнего визита для консультации с Талботом, её аура всё ещё висела в воздухе, вводя почти всех актёров в творческое иступление. Все хотели угодить новому спонсору. Вернее все, кроме таслов, которые, когда она приходила, торопились убраться подальше и Пресбарта, который в её присутствии становился на удивление тихим. Казалось даже, что старый актёр хотел отказаться от заказа – довольно бесполезный акт, учитывая, что все остальные дольщики театра были за – пока не увидел чемодан, полный драгоценных камней, которые она предложила в качестве первоначальной оплаты.

Талбот взглянул вниз с верхней галереи, где он соорудил себе, между зрительскими скамьями, стол, чтобы он мог работать на свежем воздухе. Во время репетиций он уделил пристальное внимание боевой сцене, где опозоренный, но верный королю вассал сражался с солдатами мятежных принца и принцессы. Обычно, Талбот находил особенное удовольствие в постановке именно таких сцен, однако в этот раз, он, впервые в жизни обнаружил себя ушедшим в текст.

Когда он убедился, что все в сознании и ни у кого не идёт кровь, он снисходительно махнул пером и сказал:

- Маллион, позаботься об этом. Мне нужно поработать над диалогом между Кримоном и Несмой.

- Да ладно тебе, Тал, - возмутилась Сивана. - Ты тоже самое говоришь о каждой сцене с ними. Диалог и без того хорош, чего я не могу сказать об этой битве.

- Он *довольно* хорош, - подтвердил Пресбарт.

Эта ремарка привлекла внимание Талбота, ведь Пресбарт всегда был исключительно критично настроен к любым текстам, которые он декламировал со сцены, даже к тем, которые были написаны профессиональными драматургами.

- Думаю Талу просто нужен повод для обсуждений сценария с Мномоной, - сказал Эннис.

Его улыбка испарилась, когда он увидел как Сивана, глядя на него, нахмурилась и, с выражением мести в глазах, подняла тренировочный меч.

Тал отложил перо, посыпал страницу, над которой работал, песком.

- Ну ладно, - сказал он, вздохнув.

Он встал и потянулся, пока кости его шеи не хрустнули. Затем он соскользнул по опоре на перила балкона, с которых он, сделав сальто, прыгнул на сцену.

От главного входа раздались аплодисменты от единственного зрителя. Все актёры повернулись и увидели входившую Мномену. Но Талбот почуял её на мгновение раньше.

- Что за выпендрёж? – громко прошептала Сивана.

Обострённые чувства Талбота и его физические возможности уже не удивляли никого из актёров.

Талбот бросил на Сивану укоризненный взгляд. Да, он выпендривался, но он не хотел, чтобы это было так очевидно, особенно для мномены.

- Приветствую, миледи. Мы не ожидали вас до завтра, - сказал он. – К сожалению, я ещё не закончил проверки.

- Ничего страшного, - сказала она, грациозно показывая жестом на балконы. – Они наверху?

- Да, но они не готовы к...

Но, прежде, чем Талбот успел закончить предложение, Мномена, с помощью левитации уже поднялась на балкон и мягко приземлившись рядом с его столом, начала изучать написанный им материал.

- Я же говорил, что она колдунья, - прошептал Маллион.

Талбот пожал плечами. Его брат тоже был волшебником, хотя никто, до недавнего времени, об этом не знал. Члены его семьи были столь эксцентричными личностями, что от любого человека, входящего в его жизнь, ожидалось, что он окажется магом, монстром или какой-нибудь потусторонней сущностью.

В тот момент, задрав наверх голову и глядя, как Мномена читает его текст, он даже не задался вопросом, кем именно она является. Всё, на что он надеялся, это то, что она одобрит изменения, которые он сделал. Эти поправки не совсем соответствовали тому, о чём они договаривались в прошлый раз.

- Ну ладно, труппа, - сказал Талбот, поворачиваясь к собравшимся актёрам. – Давайте разберёмся с этой батальной сценой. Смотри и запоминай, Эннис. Я сейчас буду играть за сенешаля.

Мномена читала около получаса и актёры всё это время репетировали. Как Талбот ни старался, он всё таки не мог удержаться от того, чтобы время от времени поглядывать на балкон, пытаясь прочитать её реакцию. Пока Мномена читала новый, четвёртый, акт и переход к развязке, её лицо было образцом стойкости. Когда Талбот увидел, как она нашла что-то шокирующее и её рука непроизвольно поднялась ко рту, он тут же понял, на каком она была моменте и снова вернулся к работе над битвой.

Талбот вернул роль сенешаля Эннису, который впервые понял, что надо делать. Они репетировали снова и снова, быстрее и быстрее. Остальные актёры постепенно присоединялись попарно и четвёрками, а Талбот и Пресбарт отошли подальше, чтобы взглянуть на происходящее глазами зрителей.

- Здорово, - сказал Пресбарт.

Талбот кивнул и сказал:

- Она оказалась вдохновением, которого всем нам не хватало.

- Тебе, может и да, - сказал он, - но для остальных она больше отвлекающий фактор. Ты так и не понял, что сегодня нужно было Эннису?

- Просто пример, - ответил Талбот.

- Ага, верно, - парировал Пресбарт, - но не в обращении с мечом.

Талбот перевёл взгляд вниз, на невысокого аккуратного мужчину. Откровенно говоря, его нельзя было назвать низким, но все в театре, за исключением Энниса и Мномены, с момента, когда Талбот вдруг начал расти, казались коротышками.

- Ты на что намекаешь? – поинтересовался Талбот.

- Когда трупной заведовала Куикли, - сказал Пресбарт, - она была для нас больше, чем работодатель. Она была нам как...

- Прошу прощения, что вмешиваюсь, - сказала Мномена. Она, как пёрышко, подхваченное ветром спустилась с галереи; слишком тихо и слишком быстро, для того, чтобы Талбот учуял её приближение. – Может вы объясните мне, почему вы отдали все сюжетные ходы Несмы этому идиотскому персонажу?

- Ох, я думаю меня кличит моя дорогая престарелая матушка, - сказал Пресбарт, прикладывая сложенную чашечкой ладонь к уху и ковыляя к сцене.

- Ну, - сказал Талбот, - мне показалось, что основная проблема между Несмой и Крионом - это то, что они ни разу не говорили друг с другом о том, что они действительно чувствуют.

- И что с того?

- А то, что если она признается, что любит его, как мы можем поверить, что он отверг её любовь?

- Потому, что он жадный старик, который всё отрицает! Потому, что он неправ!

- Верно, - сказал Тал, - но почему он неправ? В чём ошибка? Что между ними не так?

Мномена нахмурилась и сказала:

- Всё между ними нормально. Он единственный кто во всём виноват. Это *его* вина.

- Но это просто делает его плохим королём и плохим отцом. В твоём описании, он когда-то был великим героем. В нем должна сохраняться тень этого величия, однако его дети не могут этого разглядеть.

- Но он не видит того, что они его любят.

- Совершенно верно! Он не может дать себе отчёта в своих чувствах, также, как и Несма не может открыть ему своего сердца. Вот почему там нужен шут, чтобы сказать ему правду, но он не верит ему, потому, что эту правду говорит ему тот, кто призван постоянно кривляться.

- И поэтому, - сказала Мномена, - к тому времени, когда он осознает истину...

- Будет уже слишком поздно, - сказал Талбот. – Потому, что она уже будет мертва.

- Что?

Мномена хрустнула страницами, открыв последнюю сцену.

- Хм... - прокомментировал Талбот. – Я думал вы дочитали.

Её глаза расширились, когда она прочитала последние страницы:

- Ты убил её!

- Вы же сказали, что хотите, чтобы сердца публики...

- Нет, нет, - сказала она, скользая пальцем по диалогу на последней странице. – Вы были правы. Это ужасно. Я имею в виду, это великолепно. Я хочу увидеть эту сцену.

- Ну, Пресбарт ещё её не читал.
- Тогда ты сыграй Криона.
- О, нет, - сказал Талбот. – Пресбарт лучше подойдёт для роли, уверяю вас.
- Вы говорите не то, что думаете, разве нет?
- Ну, по большей части, - признался Тал. – Остальные всегда говорили...
- Тогда решено, - сказала Мномена. – Мне понравилось, как вы сыграли Азуна, так что я хочу, чтобы вы играли Короля Криона.

Акт IV

Пресбарт не возражал обменять роль короля на дурацкий колпак. На самом деле, вся труппа казалась была довольна тем, что Талбот сыграет ещё одну титульную роль и он мог сказать почему, ведь ему теперь приходилось проводить каждый час своего бодрствования в постоянном заучивании текста и отработки своих сценических действий. Репетиции длились весь следующий месяц и, вскоре, младшие актёры начали разносить молву по трактирам и праздничным залам, чтобы возбудить любопытство аудитории к своей постановке.

На премьере «Короля Криона», заполнена была лишь половина зрительского зала. По сравнению с предыдущей продукцией театра, это была очень приличная постановка. Однако, на третью ночь, люди, которые впускали людей в зрительский зал, вынуждены были развернуть более пятидесяти человек, включая дворян, которые согласны были даже на то, чтобы смотреть спектакль стоя. На следующую ночь Талбот удвоил цену за места на галерее и на тронах и все же около ста человек осталось за дверью.

Театр Широкие Королевства никогда не знал такого успеха. Но если остальные члены труппы покидали театр, чтобы присоединиться ночным весельям в Зелёной Рукавице или Чёрном Флаге, Талбот оставался в театре, где он и Мномена разбирали вечернее представление с копией пьесы и бутылкой Старого Ускского на столе – любимого напитка позднего отца Талбота.

- Мне всё ещё не нравится сцена с пытками, - сказала Мномена. – Очень уж она отталкивающая! Ему и правда нужно бросаться в зрителей железными глазами?

- Но их реакция была бесподобной. Говорю вам, толпа любит немного крови.

Мномена попыталась сдержать улыбку, но не приуспела.

- Весь Селагунт слышал эти крики, - сказала она. – Значит завтра, они будут занимать очередь уже с полудня.

- Итак, вы довольны?

- О, да, - сказала Мномена.

Через плечо Талбота на пустые троны на сцене, всё ещё замазанные искусственной кровью. Один, который Талбот зарезервировал для её гостя, оставался пустым каждую ночь, несмотря на все жалобы дворян, жаждущих приобрести его. Талботу никогда не приходило в голову попросить Мномену избавить его от этого обязательства, ведь тогда, он бы здорово ошибся, ведь весь спектакль предназначался для одного человека.

К середине следующей десятидневки, мать и брат Талбота пришли, чтобы посмотреть спектакль. Сперва, Тамлин притворился, что обиделся из-за того, что

Талбот не забронировал для него место на троне, но потом, он с таким усердием нахваливал шоу, что Талбот начал подозревать в этом насмешку. Он удивился, когда Тамлин стиснул его в объятиях перед тем, как уйти.

- Я и представить не мог, что отец и ты были так близко, - сказал Тамлин. – Я завидую тебе, мой огромный младший братец.

Только их младшая сестра называла Талбота этой детской кличкой, но именно эмоция, с которой Тамлин это сказал, заставила его сердце ёкнуть. Талбот знал, что оба они скорбели об отце, которого он никогда в сущности не знал, но, возможно, репетируя роль Короля Криона, он пришел к пониманию чего-то об этом человеке, чего не понимал прежде.

Театр заполнялся людьми и ночной гость Мномены тоже явился.

Толпа расступилась перед ним так, словно он был Владыкой Сембии, хотя гость двигался без герольдов и фанфар. Его роба состояла больше из золотых нитей, чем из золота, а тапочки, казалось, были полностью набраны и красных и чёрных драгоценных камней, хотя выглядели мягкими, словно кожа ягнёнка и пока он шёл по сырой улице, к ним не пристало никакой грязи. Его борода и волосы были золотыми с примесью серебра. Талбот мгновенно узнал его. Это мог быть только отец Мномены.

Пройдя турникет он не заплатил, но Эннис и не думал останавливать его. Здоровяк так и стоял, открыв рот и таращась на эту царственную фигуру, которая вошла в театр и уверенно направилась к забронированному месту так, словно это и в самом деле был трон. Когда он сел, нависший над театром звуковой вакуум снова заполнился привычными звуками.

Талбот увидел, что Мномена глядит на своего гостя от края сцены. Она казалась решительной и взволнованной.

- Наконец-то Ваш гость прибыл, - сказал он.

Она кивнула и удалилась со сцены.

- Что-бы сегодня не произошло, - сказала она, - я хочу поблагодарить тебя.

- Что вы имеете в виду? – спросил Талбот. – Что значит «что-бы ни произошло»?

- Вот, - сказала она. – На удачу.

Мномена вложила в руку исполнителя главной роли рубин и поцеловала его в щёку.

Голова Талбота закружилась от этого поцелуя и, когда она резко повернулась и направилась к лестнице на верхнюю галерею, он стоял как истукан.

Она уже почти скрылась из виду, когда он снова спросил:

- Удача для чего? Что произойдёт?

Мномена помедлила и оглянулась через плечо.

- Я буду наблюдать с галереи, - сказала она. – Будет лучше, если он не будет смотреть на меня.

-Мномена!

- Просто помни, это - твой дом, а он здесь просто гость.

Она последний раз одарила его взволнованной улыбкой, произнесла магическое слово и испарилась.

- Теперь здесь темно и пусто, - проворчал Талбот.

- Что не так? – спросила Сивана, выходя из костюмерной под сценой.

На ней была только половина костюма, а остальную она держала под мышкой, вместе с королевской робой Талбота и его короной. Маллион, одеяния принца, был прямо за ней.

- Ничего, - сказал Талбот. – Надеюсь, что ничего.

Его надежда, однако, не прожила долго после начала спектакля.

В начальной сцене, Король Крион, он же Талбот, перед тем, как раздать наследство, потребовал, чтобы его дети воздали ему хвалу. Принц Маллиона возносил завоевания отца и обещал, что его меч не будет знать покоя в деле защиты его королевства. Ему Крион доверил свои армии и даровал ему ничтожное годовое жалование.

- Вы призываете меня к оружию, отец, но не вооружаете, - вознегодовал принц.

Отец Мномены презрительно фыркнул.

Старшая принцесса, которую играла симпатичная молодая актриса, талант которой Маллион «открыл» в местном праздничном холле, восхвалила мудрость короля и поклялась неустанно служить, надзирая за правосудием в его королевстве. Король жаловал её скипетром судьи и ещё одним скудным жалованьем.

- Суди лучше тех, кто занят подсчётом монет, а не тех, кто горбатится, чтобы выжить, - раздался непрошенный совет из зала, но отец Мномены зарычал.

- Если бы ты сопоставил то, во что она тебе обходится с её мозгами, - сказал он, выплёвывая каждое слово, - тебе бы следовало забрать свой дар назад!

В конце концов Сивана, в образе любимой младшей дочери, предстала перед своим королём. В ответ на его требование похвалы, она пообещала свою любовь и выполнения дочерних обязанностей. Ни больше, ни меньше.

- Ха! – прогремел гость. – Ничто не происходит из ничего!

Талбот сузил глаза, думая, что маловероятно, чтобы этот мужчина с ходу придумывал свои реплики. Он догадался, что отец Мномены должно быть смотрел спектакль до этого и довольно внимательно и так, как труппа не возражала, чтобы зрители реагировали на события шоу, крикун на сцене, особенно дворянин, никого не удивлял.

Талбот загорелся, его голос почти бессознательно изменился, имитируя голос гостя:

- Ничто не происходит из ничего! – сказал он, указывая на принцессу перстом, не сулящим ничего хорошего.

За остаток первого акта гость больше ничего не сказал, но всякий раз, когда какой-то персонаж ставил под сомнение невинность Несмы или призывал короля к благоразумию, ёрзал на стуле или кашлял.

Но когда Король Крион изгнал своего верного сенешаля, начались проблемы.

- Идиотизм! – снова прогремел гость, вскочив и показывая пальцем на Талбота. – Вот с этого момента начинается беспардонная околесица. Такого не было. Никогда!

Пресбарт в своём шутовском наряде и звеня колокольчиками подскочил к кричавшему, так, будто это был один из лордов, приглашённых ко двору короля.

Десятилетиями он управлялся с крикунами, которые, в большинстве своём, тоже хотели привлечь к себе немного внимания.

- Разве вы не видите, милорд? – спросил он, беря возмутителя спокойствия за руку, чтобы снова усадить его на трон. – Король спятил!

Гость отпихнул его и другие актёры продолжили спектакль, пытаясь игнорировать эту его вспышку ярости даже когда Эннис, по кивку Талбота, изменил направление своего выхода со двора Криона, чтобы остановиться рядом с воинственным зрителем. Тот если и заметил намерение Энниса, но не подал вида.

- Только этот дурень мог принять мудреца за безумца который разбазаривает своё добро на наглую, распутную молодёжь!

Говоря так, гость направился к Талботу, укоризненно покачивая пальцем.

- И чьим же дурнем приходишься ты?

Когда Эннис попытался схватить его за руку, он одним взмахом оттолкнул здоровяка.

- Да, чьей же марионеткой являешься ты – тот, кто так оскорбляет хорошего отца своей жалкой пантомимой?

- Слишком уж он хорош для того, кто просто хочет повыкрикивать из зала, - заметил Маллион.

- Спокойнее, мой верно подданный, - сказал Талбот.

В подобных импровизациях он был не столь хорош, сколь Пресбарт, но он должен был попытаться, прежде, чем вышвырнуть агрессора со сцены. Он поднял свой скипетр и жестом указал гостю на его место.

Неугомонный гость вышиб скипетр из его руки.

- Где она? – потребовал он. – Покажись, Мномена!

- Довольно, - прорычал Талбот. – Выметайся.

- Ты кто такой, чтобы приказывать мне, ты, жалкая пародия на человека?

Он повернулся и крикнул в сторону галереи:

- Мномена, покажись наконец! Твоему фарсу пришёл конец!

- Он только начался, - прозвучал с верхней галереи голос Мномены. Она либо находилась в состоянии невидимости, либо хорошо спряталась. – За последний месяц все видели, какой ты жалкий сухарь.

- Слушай, старик, - сказала Сивана, подходя сзади. – Ты поразвлёкся, но зрители... уфф.

Она перелетела через всю сцену мимо колонны и угодила в толпу из полдюжины зрителей. Их смех сделался нервным. Они конечно любили хорошую боевую сцену, но не могли понять к чему шла эта внезапная импровизация.

Талбот потянулся к нему, но гость уже превращался. Его шитая золотом роба скукожилась и вросла в кожу, сформировав металлические чешуи, руки вытянулись, пальцы разошлись, формируя широкие золотые крылья, из его боков выросла пара когтистых рук, а ноги превратились в мощные задние лапы.

Смех толпы перерос в крики и галерея загрохотала от звука бегущих ног.

Золотой дракон продолжал расти. Когда он стал слишком большим, чтобы помещаться под крышей сцены, он сделал шаг со сцены, взмахом крыльев раскидывая всех, кто попался ему на пути. Он потянулся к балкону, откуда слышал голос Мномены, схватил поддерживающую балку и вырвал её.

- Предстань предо мной, дитя! – или я разберу этот хлев доска за доской.

- О, предстаньте, пред ним, Мномена! - вопил Маллион.

Он вынул из ножен свой тренировочный меч, взглянул на него и выкинул бесполезную вещь, отступая.

Талбот начал собственную трансформацию, чувствуя как рвётся на спине одежда, а его плечи становятся огромными и широкими.

- Эннис, убедись, что Сивана в порядке, - крикнул он, пока его горло было достаточно человеческим, чтобы артикулировать слова. – Остальные – выводите людей.

Дракон оторвал ограждения галереи и попытался нащупать свою невидимую добычу. Его когтистые лапы скользили, оставляя за собой кучу разорванных в щепки скамей, которые теперь и на дрова не очень годились. Он выплеснул свой гнев, плюнув огнём в казавшуюся пустой область.

- Покажись, девчонка! Предстань предо мной!

- Нет, здоровенный придурок, - прорычал Талбот. Его голос сломался в вой:

- Это ты предстань предо *мн*-ууу.

Когда трансформация Талбота завершилась и он стоял, сжимая меч Перивела в своей когтистой руке, на нём осталось лишь несколько клочков одежды. Полу-человек, полу-волк был высотой с огра, а тело его сочилося тлеющей яростной силой. Но, даже будучи на сцене, его макушка доставала лишь до покрытого сверкающей чешуёй бедра дракона.

Увидя у своего колена Чёрного Волка, дракон несколько замешкался.

- Какое любопытное млекопитающее, - сказал он. – Не стой между драконом и его яростью.

- А ты не ломай мой театр, - прорычал Талбот уже в прыжке. – и перестань топтать скамейки!

Он взмахнул своим исполинским мечом, угодив тупой стороной лезвия дракону под коленку. Звук был такой, будто обрушилась колонна в мраморном зале, а эхо заставило сжаться от страха тех немногих, кто ещё не выбрался из театра.

От стены галереи отвалился большой кусок и когда заклинание невидимости перестало действовать, появился золотой дракон поменьше. Она в страхе глядела на большого дракона и в следующее мгновение подпрыгнула, в надежде найти спасение над крышами Селгаунта.

- Ты не сможешь сбежать, непослушное дитя!

На какое-то мгновение в Талботе заискрилась надежда, что отец улетит в погоне за Мноменой, но огромный дракон помедлил, осматривая театр.

- Но сперва, - пророкотал он, вытягивая лапы к крыше, выламывая балки, - надо поставить жирную точку в этой фиглярской постановке.

- Нет! – взвыл Талбот.

Дракон поднял ногу, чтобы пнуть Талбота, но он откатился в сторону, подпрыгнул и проткнул мечом драконью ступню, так, что оружие глубоко вошло в землю. Пронзительный крик дракона вызвал крики людей с улицы, после чего вылился в бушующее пламя, которое лизнуло соломенную крышу. Несмотря на то, что крыша была защищена от возгорания магическими оберегами, этот невероятный жар всё же далеко превосходил предельную нагрузку, заложенную заклинателями. Солома загорелась.

Дракон потянул к себе прибитую к земле ногу, но толстая гарда не давала ему возможности вытащить оружие из раны. Талбот подпрыгнул и взобрался по бедру

дракона, пробивая свой путь вверх по золотому телу словно медведь, карабкающийся на дерево, вонзая в него когти.

- Послушай меня, зверь!

Дракон схватил его так, как мог бы это сделать человек, снимая мышь со своей туники. Талбот напрягся, пытаясь освободиться из гигантской хватки, но дракон держал его надёжно и поднёс к своей пасти, от которой всё ещё веяло жаром.

- По какому праву в этих широких королевствах ты смеешь отдавать мне приказы, маленький волк?

Талбот чувствовал, как в его груди, словно пламя, закипает его собственная ярость. Он мог бы поддаться ей, дать ей поглотить и тогда, словно дикий барсук прогрызть себе путь через руку дракона к очагу его сердца, чтобы, в поисках мести, поглотить его или умереть, пытаясь. Вместо этого, пока он окончательно не превратился в варвара, он решил использовать последнее средство убеждения, подсказанное ему Мноеной.

- Я чёрт возьми хозяин этого дома! - прокричал он. – Ты угрожал моим друзьям, терроризировал зрителей и спонсоров и разрушил мой театр. Это ты, досточтимый сир, нарушил правила гостеприимства!

Дракон захлопнул огромную пасть и поскрежетал зубами. Он зарычал, потом, оскалившись зашипел. За его зубами разгоралось пламя. Он сжал Талбота так сильно, что он чувствовал, что его рёбра сейчас треснут.

Дракон так буравил Талбота взглядом, что он думал, что он может загореться даже без его огненного дыхания. В конце концов дракон поставил его обратно на сцену и отпустил. На склонённую голову огромного дракона падали угли с горящей крыши.

Возможно... - сказал дракон. – Возможно, я был несколько груб.

Акт V

Крион, как по догадкам Талбота звали дракона, пробубнив несколько скупых извинений, улетел сразу, как только Талбот вынул меч из его лапы. Талбот снова представил как он гонится за Мноеной и понадеялся, что он догонит её где-нибудь в другом городе. Не в Селагунте.

Ещё долго после того, как пожарная бригада ушла, он стоял один в дымящихся руинах театра Широких Королевств. Он подсчитывал потери и подсчёт этот был не сложным. Театр был в руинах. Конечно фундамент пережил огонь, но это были сущие пустяки и захоти он перестроить театр, ему пришлось бы начинать совсем с нуля и даже доход от «Короля Криона» был каплей в море для такого колоссального проекта.

Из положительного было то, что чудом никто не погиб в огне. Ломми и его семья сбежали сразу, как только почуяли приближение Криона, но теперь они были бездомными, как и вся труппа. Даже если возобновить эту популярную постановку в другом месте, это будет лишь маленьким шагом на пути к восстановлению Широких Королевств. Владельцы постоянных дворов всегда забирали себе половину дохода от показа, да показы бы им теперь пришлось делать в более маленьких помещениях.

Да, пожалуй, он ничего не забыл. Также он подумал о том, что с небольшой помощью своих друзей, актёров, он смог сделать пьесу, которая действительно «разбила сердце одного скряги», или, по крайней мере, не на шутку его разозлила. Более того, хоть Талбот и написал пьесу, которая откликалась как в сердцах черни, так и в сердцах высочайших членов Старого Совета, он на самом деле опирался на свои собственные чувства, связанные с отцом, которому, к моменту, когда он ушёл, так и не смог сказать всего, что было на у него на сердце.

- Полагаю, я должен принести извинения, - сказал Крион.

Забитые дымом ноздри Талбота не учуяли приближения дракона. Крион снова был в человеческом облики, но на сей раз был одет значительно скромнее.

- Ничто так не говорит «мне очень жаль», как пятьдесят пять тысяч пятизвёздников, - сказал Талбот, оценив сумму, которая ему потребуется, чтобы начать перестройку здания.

- Это честная сумма, - сказал Крион. – Не сомневаюсь, подчиняйся я вашим человеческим законам, ты бы мог получить её у меня через суд. Я никогда не понимал, как вы, млекопитающие, оцениваете сокровища у себя в сообществе. Но, как я и сказал, я извиняюсь.

Талбот не стал его поправлять и попытался не выдать и других замечаний, касаясь других способов изъятия монет у дракона. Даже будучи на грани бешенства, он ещё не настолько спятил, чтобы думать, что Чёрный волк был соперником золотому дракону.

- У меня появилась идея, - сказал Крион. – Такая, какая могла бы принести нам обоим долговременную выгоду. Содержание пьесы было сомнительным, но сама идея меня заинтриговала.

- Нет, - отрезал Талбот.

- Теперь, когда у тебя есть больше опыта в сотрудничестве, если историю будет курировать более зрелый спонсор...

- Ну уж нет, - сказал Талбот. – Если я сказал так однажды, я могу повторить это тысячу раз.

- Я думаю, что твоей аудитории понравится моя история о короле, которого обидели его неблагодарные дети.

- Мы... не... работаем... на...

- Этим своим здоровенным тесаком, - сказал Крион, - ты поцарапал монаршую особу!

- А вы будто заметили?

- Давай обговорим условия.

- Пятьдесяттысячпятизвёздников.

- Ба! Даю тебе двести.

- Плюс ещё двести за мою гарантию больше не показывать «Короля Криона».

- Что? Да это же грабёж!

- Нет, это ежегодная стипендия.

- Да ты предлагаешь разорительную сделку, волк, - сказал дракон.

- Спасибо, - сказал Талбот. – Это мне передалось от отца.

ПИВО У ТОЛСТОГО ДРАКОНА

Дон Бэссингтвейт

Поздний Тарсак, Год Неуправляемых Драконов

Караван медленно двигался вниз по песчаной дюне к оазису. Солнце, тонувшее в закате за спинами всадников, создавало длинные тени, проходя сквозь заросли сухого кустарника и жухлой травы. Туйганские женщины наблюдали за наездниками со скамеек, стоявших у покрытых войлоком юрт, в то время как дети носились вокруг в наступающей вечерней прохладе, пробегая мимо лошадей, мулов и повозок, запряженных буйволами. Некоторые караванщики смеялись и бросали неугомонной ребятне всякие побрякушки, но Тайко Арисанн улыбался только смотревшим женщинам. Особенно симпатичным.

Девушка с правильным, утонченным лицом и красивым загаром, какой может быть только у степняков, одарила его улыбкой и томно посмотрела в ответ. Когда караван повернул и остановился у одного из камней, указывавших направление Золотого Пути на восток сквозь Бескрайние Пустоши, Тайко улыбнулся своему компаньону:

– Дома одни женщины, Ли! – возликовал он. – Все мужчины, должно быть, уехали.

– Странно, что они не оставили нескольких присматривать за оазисом.

Куан Ли Чен откинул назад широкую соломенную шляпу, защищавшую его от палящего солнца, и окинул взглядом оазис. Его лицо тут же стало мрачнее тучи.

– Пёсья мать, – пробормотал он. – Я знаю, где мы. Я помню это место по путешествию на запад.

Тайко проследил за его взглядом: помимо туйганских юрт на берегу мутного водоёма, в самом сердце оазиса, небрежно раскинулся огромный шатёр. Крупная фигура – самый толстый человек, которого Тайко когда-либо видел, – откинула полог и вышла с поднятой в знаке приветствия толстой рукой:

– Добро пожаловать, жаждущие путешественники! – проревел он голосом, разнесшимся по всему оазису. – Входите! Войдите и утолите жажду в таверне Онга!

– Таверна? – остальная часть каравана издала радостные возгласы, а Тайко посмотрел на Ли. Тот выглядел угрюмым.

– Ли, мы не видели ни одной таверны с тех пор, как покинули Алморел на озере Туманов. Что-то не так с этим местом?

– Сначала, займись своей лошастью, – сказал Ли выскальзывая из седла. – А потом пойдем со мной, и ты увидишь, что здесь не так.

Откинув полог, Тайко шагнул внутрь, и его тотчас окутало тепло вперемежку с вонью. Главный зал этой так называемой таверны уже был заполнен караванщиками и их охраной. Кто-то сидел за грубо сколоченными столами, кто-то на покосившихся стульях, но большинство развалились на подушках неопределённого цвета и возраста. Все держали в руках кружки – сделанные из глины или из промасленной кожи – и усиленно предавались веселью. Многие женщины из оазиса тоже были здесь: некоторые из них обслуживали посетителей, но многие сами отдыхали, разделившись на маленькие группки, чтобы поговорить или сыграть за столом в какую-то шумную игру с применением покрытых рунами костяных пластинок и ножей.

– Хой! – выкрикнули женщины за одним из столов; затем схватили кружки и выпили. Их ножи ударяли о столешницу в замысловатом ритме.

Жаровни, заполненные углём, добавляли тепла в помещении. С длинных вертелов с мясом, шипя и разбрызгиваясь, прямо на угли, капал жир; его тяжелый запах соперничал с дымом и ароматом немытых тел. Тканые стены зала возле жаровен покрывали сажа и жирные блестящие пятна. Наверху, в складках крыши павильона, словно ядовитые сосульки, покачивались пряди копоти. Ковры на полу казались настолько грязными, что на них можно было бы вырастить целый сад. Нога Тайко ступила во влажное место, где что-то пролили да так и оставили впитываться.

– Ну ты даёшь, Ли! Тебе что, не нравится таверна, потому что тут *грязно*?

Ли сделал такое выражение лица, словно заскучал по своей тяжёлой сабле *дао*, оставленной в лагере каравана:

– Мне не нравится здесь потому, что это самая отвратительная таверна, которую я когда-либо видел!

– Тогда жду не дождусь, когда увижу питейные заведения Шу Луна. Их, наверное, моют каждый вечер и красят каждое утро.

Сделав глубокий вдох, Тайко наслаждался запахом жареного мяса и...

– Пиво! – задыхаясь произнес он. – Блаженная Ллиира, наконец-то не та бурда из лошадиного молока, которую делают туйганцы!

Схватив две кружки у проходящей мимо женщины и сунув одну Ли, он приказал: «Пей!» и осушил кружку залпом.

Пиво было сильно разбавленным и кисловатым; плававшие в нём мягкие комочки попали в горло, и Тайко подавился. Ли злорадно заулыбался.

– Просяное пиво, - произнёс он как ни в чём ни бывало, – варится трактирщиком в больших чанах из козьей кожи.

– М-да, – Тайко с недоумением уставился на осадок в кружке. – А по вкусу как будто коза плавает там до сих пор.

– Так, так! – прогремел громкий и раскатистый голос. – Кто это выдаёт мои секреты?

Тяжёлая ручища опустилась на плечо Тайко и развернула его. Он уставился в лицо другого шу – если Ли был худым и сдержанным, то этот был толстым,

улыбающимся и превосходил его ростом. Именно этот огромный здоровяк встречал караван, он же по-видимому и был трактирщиком. Тайко сделал поклон.

– Уважаемый господин Онг, – начал Тайко на языке народа шу, – приношу свои извинения...

Здоровяк махнул рукой, веля замолчать.

– Моё пиво отвратительно, – ответил он весело. – Не хотите ли еще немного?

Тайко моргнул, затем рассмеялся и протянул кружку:

– Плохое пиво становится лучше с каждой выпитой кружкой! – и отсалютовал Онгу наполнившейся до краёв посудиной.

Хозяин таверны повернулся к Ли, поднимая кувшин и призывая выпить:

– Земляк?

– Я усвоил урок в прошлый раз, – ответил Ли, покачав головой.

Улыбка Онга стала до невозможности широкой:

– Ага, вернувшийся гость. Кажется, я узнаю тебя. Позволь-ка... – сказал Онг и зажмурил глаза, собираясь с мыслями. – Воин на службе имперской канцелярии, если я не ошибаюсь. Твой голос звучит так, как говорят в Киилунге, что в провинции Хай Ян – один из Шёлковых домов, полагаю. Онг открыл глаза и произнес:

– Куан Ли Чен.

Брови Ли поползли вверх:

– Ваша память впечатляет.

– Способность всех трактирщиков.

Великан пожал плечами и снова уставился на Тайко:

– Сейчас ты говоришь на языке Шу с акцентом провинции Ч’ин Тун, но если ты действительно приехал из Шу Луня, то я напьюсь своего собственного пива. Выглядишь как выходец с запада Фаэруна, а акцент я не могу определить. У тебя превосходный голос, держу пари, что ты определённо умеешь петь.

– Тайко Арисанн из Спанделиона, что на полуострове Алтумбель, – усмехнувшись сказал бард. – Если хотите песню, я с радостью исполню.

Скользким движением он сдвинул вперёд деревянное основание стриллина, державшегося за спиной с помощью ремня, и ущипнул одну из струн большим пальцем.

– Вообще-то, – заметил он, – в Алтумбеле есть обычай: пока бард играет, вся выпивка для него бесплатна.

– Да благословят предки Алтумбель! – взревел Онг. – Я всегда говорил, что это самая цивилизованная нация Фаэруна! Проходите, проходите!

Трактирщик обхватил мужчин своими толстыми руками и потащил в толпу людей.

– Певец, который обычно здесь выступает, отправился в набег с остальными мужчинами, – неблагодарный пёс!

– Мы заметили, что мужчин сейчас почти нет в оазисе, – обмолвился Ли. – Разве вы не боитесь оставлять одних женщин и детей?

– Здешние мужчины обладают дурной славой, – объяснил Онг, пока они протискивались сквозь группу развалившихся на подушках торговцев из каравана. Он освободил барда из своих объятий для того чтобы наполнить кружки купцов под

их одобрительные возгласы. Трактирщик поднял кувшин в знак признательности и потащил Тайко и Ли дальше.

– Никакая другая орду или разбойники не посмеют напасть на оазис, не опасаясь возмездия, хотя если бы вы им это сказали, вас бы закололи на месте.

– Они не хотят признавать, что боятся? – поинтересовался Тайко.

– Они не хотят признавать, что боятся людей из плоти и крови, – ответил Онг и кивнул в сторону дверного порога. – Местные легенды гласят о том, что могущественный дух обитает в водах оазиса, и туйганцы сделают всё для того, чтобы он остался непотревоженным. У них есть несколько странных табу по этому поводу, но также это означает, что, – он широко развел руки в стороны и громко воскликнул, – это самый безопасный оазис в Бесконечных Пустошах!

Все, кто был в зале, дружными криками выразили согласие. Тайко посмотрел в сторону выхода:

– В оазисе правда что-то обитает?

– Нет, – с тяжёлым вздохом сказал Ли.

– А может...

– Нет! Никаких расследований, никаких вылазок! – Ли потряс головой в знак протеста и уточнил в ответ на невысказанный вопрос Онга. – Тайко превосходно умеет находить неприятности!

Бард уставился на друга.

– А у Ли удивительная способность игнорировать всё сколь-нибудь интересное! – недовольно пояснил он Онгу.

Трактирщик снова обхватил их ручищами и подтащил поближе:

– Любопытные или не очень, верования туйганцев не стоит ставить под сомнения. Для них это всё всерьёз.

Тайко разочарованно взглянул на него:

– Вы сами видели духа?

– С тех пор как я нахожусь среди этого народа, у меня нет сомнений по поводу его существования, – ответил Онг. – И у тебя не будет, если под твоими кудрями есть хоть чуточка разума.

Он хлопнул их обоих по плечам и отступил.

– Полагаю, теперь речь пойдёт о песне? – Онг протянул руку чтобы наполнить кружку Тайко, но кувшин наконец опустел, и он проорал:

– Ибака!

Молодая девушка с кувшином пива в руках – та самая, которой Тайко улыбался, когда они въезжали в оазис, – пробиравась через толпу. Его разочарование улетучилось, когда она встала рядом с ним: «Может, всё не так уж и плохо», – подумал бард. Он подмигнул ей и снова одарил улыбкой.

Какая-то пожилая женщина заметила его заигрывание, в мгновение ока появилась рядом с Ибакой и выхватила у неё кувшин, прошипев несколько слов, от которых девушка стала красной, словно неудачно загорела на солнце. Ибака исчезла в толпе, а женщина подошла к Онгу, Ли и Тайко. Сунув кувшин трактирщику, она излила свой гнев на Тайко на языке шу с туйганским акцентом:

– Держись подальше от Ибаки, *фарун!* Она помолвлена! – женщина ткнула Тайко в грудь и повторила – Держись от неё подальше!

Бард смотрел ей вслед, пока она уходила. После нескольких мгновений ошарашенного молчания Онг откашлялся:

– Приношу извинения за Чотан. Говорил ли я, что самая веская причина, по которой не нападают на оазис, заключается в том, что все боятся женщин?

– Правда? – Тайко потёр грудь и поморщился. – А может, мужчины уходят в набеги, чтобы отдохнуть от них?

Онг громогласно расхохотался и налил ему пива из кувшина.

– Играй, почтенный бард! Если что-то понадобится – спроси моих женщин. Ну, может, за исключением Чотан, – с ухмылкой добавил он.

Трактирщик покатился дальше в толпу, по пути приветствуя гостей. Ли пристально посмотрел ему вслед.

– Что-то не нравится мне наш хозяин, – вымолвил он.

– Он просто проявляет дружелюбие, Ли, – сказал Тайко с усмешкой. – Тебе тоже стоило бы его попытаться.

Поставив кружку на ближайший стол и пристроив основание стриллина к своему плечу, бард снял с лямки смычок и начал водить им по струнам своего инструмента.

– *Olare!* – произнёс бард, когда люди стали поворачиваться на звук. – Кто заказывал песню?

– ... *но сердца иль злато!* – пел Тайко. – *Свою добычу я продам, ведь я* – он поднял свой смычок и взмахнул им в воздухе.

– *Король пиррааатов!* – проревела толпа.

Тайко эффектно закончил песню и спрыгнул со стола под бурные аплодисменты и овации. Он усмехнулся Ли, утирая пот с лица:

– Знаешь, мне кажется даже туйганские женщины оценили!

– И они, вероятно, не подозревают кто такие пираты, – прокомментировал Ли. – Пруд снаружи – самый большой водоём, когда-либо виденный большинством из них.

Шу стоял и осторожно потягивал своё пиво. Тайко рассмеялся, затем пристегнул смычок к ремню стриллина и перекинул инструмент за спину. Потянувшись за кружкой, бард обнаружил её пустой:

– Когда это я успел?

– Где-то между «*Тэйской оспой*» и «*Дварф ушёл за кладом*», – ответил Ли.

Тайко огляделся. Когда затихла музыка, большинство людей, путешествующих с караваном, пошатываясь стали искать свои спальные мешки, однако женщины продолжали выпивать и играть со своими ножами. Прелестной Ибаки нигде не было видно: возможно, её отправили домой чтобы не нажить неприятностей. Вокруг было множество других приятных девушек; Тайко встретился взглядом с одной из них и поднял кружку. Она тут же оказалась рядом.

– Больше пива, *фарун?* – не дождавшись ответа, девушка наполнила кружку. – Я Чака.

– Я Тайко. А что значит *фарун*, Чака?

– Разве не так называется земля, откуда вы пришли? – ответила она улыбаясь.

– *Фарун...* Фазрун. – позади было слышно, как Ли ехидно усмехается над его заигрываниями.

Проигнорировав смешки за спиной, бард спросил:

– Ты хорошо говоришь на языке шу. У вас все его знают?

– Онг настаивает на том, что этот язык более правильный, чем наш, туйганский.

Он сам учит нас. – Она склонила голову и посмотрела на него. – Мне нравится, как ты поешь. Может быть, сегодня ночью я научу тебя петь туйганские песни.

Её дыхание благоухало сладкими специями. Тайко улыбнулся в ответ:

– Может быть, я исполню небольшую песню только для тебя, Чака.

Бард накрыл своими ладонями её руки и запел. Сосредоточившись на мелодии, он концентрировал свою волю через неё. Сквозь их пальцы стали проглядывать хрупкие формы. Он убрал свои руки, являя на свет мерцающий нежный цветок. Чака неотрывно смотрела на него.

– Магия, – выдохнула она.

– Совсем немного, – скромно прошептал Тайко. – Прекрасный цветок, для столь же прекра...

– Магия! – взвизгнула Чака.

Она сбросила цветок так, как будто он был противным пауком, и отскочила от барда.

– Никакой магии в оазисе! Ты оскорбишь... – Чака быстро умолкла, но взгляд её метнулся в направлении двери и водоёма за пределами таверны.

– Духа? – спросил Тайко в недоумении. – Магия оскорбит духа, обитающего в воде?

Девушка слабо кивнула. Бард про себя выругался в адрес туйганских табу и потянулся к девушке:

– Чака, я не знал! Это всего лишь маленький трюк, не более.

– Нет! – вскрикнула она и начала пятиться.

Остальные женщины уставились на них. Недовольная Чотан уже направлялась в их сторону, и выражение её лица не предвещало ничего хорошего. Тайко сделал еще один шаг в сторону девушки, но она метнулась в толпу и скрылась за одной из тканевых стен в глубине шатра.

– *Фарун!* – возопила Чотан. – Что ты с ней сделал?

В этот раз Тайко выругался вслух. Ли встал со своего места и тяжело вздохнул:

– И как тебе это удаётся?

– Не знаю я, – Он хлопнул по груди Ли. – Задержи Чотан. Я должен найти Чаку прежде, чем она взбудоражит остальных.

Бард бросился вслед за испуганной девушкой до того, как Ли опомнился. Чотан громко и яростно запротестовала.

За полотном, где скрылась девушка, оказалась небольшая комната, какие есть во всех тавернах, где бывал Тайко: маленькая, заставленная различными товарами и, конечно же, тёмная. Очень тёмная. Бард ударился голенью обо что-то длинное и тяжёлое и подавил крик боли. В отличие от других подобных комнат в тавернах, стены этой были не толще ковров на полу, поэтому он хорошо слышал, как Чотан бранила Ли, а также слышал зловещий ритм падающих ножей, с которыми играли женщины в зале.

– Хой! – вскрикнули они.

Сквозь их крик Тайко услышал приглушенный визг и снова споткнулся. Снова воспользоваться магией, рискуя испугать Чаку, или продолжать калечить себя во тьме?

– Проклятый дух! – пробормотал он и нащупал монетку в кошельке на поясе.

Сжимая её в кулаке, бард пропел заклинание – свет просочился между пальцами, не слишком ярко, но вполне достаточно для того чтобы не упасть в кромешной темноте. Приспособившись к слабому освещению, он пробирался вперед.

– Чака! – позвал он. – Чака, выходи. Всё хорошо.

Впереди всё было тихо. Он двинулся дальше. Задняя комната была больше, чем он ожидал, к тому же разделена тонкими висящими перегородками. Чака могла спрятаться за любой из них. Бард наткнулся на самое большое из огороженных помещений. Он аккуратно ступал среди коробок, бочек и мешков. Звуки таверны, приглушенные тканями стенами, постепенно сливались в неразборчивый шум. Тайко тихо выругался. Не было и следа Чаки. Может, она проскользнула в одно из боковых помещений. Или девушка знала о каком-то другом проходе, который он пропустил, и убежала из таверны.

Тайко стиснул зубы. «Не волнуйся», – сказал он сам себе. – «Ты выбирался и из более дурацких передряг!»

Он начал разворачиваться, чтобы вернуться в главную комнату, как вдруг услышал голос Онга:

– Ах, моя красавица! Ты становишься прекраснее с каждым днём!

Бард замер, сильнее сжимая монету, чтобы заглушить её свечение. В темноте был виден свет из соседней комнаты там, где тканая стена образовала складку из-за какой-то коробки на полу. Входа в комнату здесь не было – очевидно, попасть туда можно было только из боковых помещений. Женский голос ответил Онгу на туйганском, и бард услышал, как трактирщик с мягкой укоризной цокнул языком.

– Милая, говори на языке шу.

Женщина хихикнула и ответила вызывающим тоном:

– Как прикажешь, великан!

Тайко не узнал голос женщины, но он был очень приятным и мелодичным, как звон маленьких медных колокольчиков, что носили туйганские женщины на манжетах своих рубаш. Что за женщину очаровал Онг? И что более интересно, какая из них стоила проблем с её мужем, или отцом?

Растянувшись на земле, Тайко прополз немного вперед, чтобы заглянуть за занавес. От увиденного его глаза едва не выскочили из орбит.

В соседней комнате была нагромождена гора ковров, меха и дорогого восточного шелка. Поверх всего этого добра возлежал Онг, его рубаша была растёгнута, и живот вывалился наружу. Развалившись в небрежной позе и поглаживая его живот, рядом с ним была Ибака! Её прекрасное лицо освещалось мягким, явно магическим, светом зелёной сферы из стекла. Онг поцеловал свой палец и прижал его к губам Ибаки.

– Ты дразнишь меня?

– Тебя, о мой герой? Никогда! – ответила Ибака и потрянула головой.

Её пальцы остановились, и Онг дернулся, когда она выдернула волосок.

–Ах ты вероломная девка! – взревел он. – Думаешь, знакомство с драконом защитит тебя от его гнева?

Его голос стал низким и сильным, как будто вырывался из глубины груди:

– Мой гнев стирал целые деревни с лица этого мира и рушил горы! Ради тебя я стал человеком, а твоя красота – это всё что стоит между твоим народом и моей яростью! Как смеешь ты сердить меня?

– Нет, о великий защитник оазиса, конечно нет! – ахнула Ибака в притворном страхе и кинулась в объятия Онга с такой силой, что они оба скатились с нагромождённой кучи.

Тайко подавил в себе смех, отполз от занавеси и встал.

– *Что* сделал Онг? – воскликнул Ли в недоумении.

– Соблазнил Ибаку, – Тайко откинулся назад.

Главное помещение таверны опустело. Они были единственными из всего каравана, кто находился в павильоне, кроме ещё нескольких женщин оазиса, которые доигрывали последний раунд своей игры с ножами. Кувшин с пивом был оставлен на столе, и Тайко пил прямо из него.

– Онг сказал ей, что дух, охраняющий оазис, это он и есть! – Добавил бард. – Хитрый пёс!

–Я с самого начал понял, что он не так прост! Особенно когда он сказал, что туйганцы сделают всё, чтобы не оскорбить духа... – нахмурившись, произнёс Ли.

– Не знаю, верит ли Ибака в то, что её люди буду наказаны, если она не сделает Онга счастливым, но она действительно думает, что защитник оазиса влюблён в неё. Я лично убедился в этом, – сказал бард и указал пальцем на свои глаза. – Поверь, я стольким женщинам рассказывал сказки, что этот взгляд мне ни с чем не спутать.

– Всё равно это странно.

– Ха! – рассмеялся бард и сделал глоток из кувшина. – А где эта Чотан? Хотел бы я знать, что она скажет по этому поводу.

Ли кивнул в сторону двери:

– Ушла. Полагаю, она собирает группу женщин для твоей поимки. Чотан нашла цветок, что ты сделал для Чаки, и он исчез, когда она держала его в руках. Она знает, что ты пользовался здесь магией.

– Онгу лучше надеяться, чтобы Чотан не нашла волшебный свет в его любовном гнёздышке. Мне кажется, он нарушает все запреты туйганцев на каждом шагу, – усмехнулся Тайко. – Но, полагаю, его это совершенно не волнует. И вообще, если он и есть тот самый дух воды, то он сам их и придумал.

– Хой! Хой! Хой! – оставшиеся женщины громогласно закончили играть, сделали последние глотки пива и вразвалку покинули таверну.

Ли проследил за ними взглядом и мрачно добавил:

– Думаю, Онгу надо поостеречься: не хочется, чтобы это ножи со столов пошли в дело.

– Тише! – прошипел Тайко и пнул его под столом.

Ли поморщился, а бард указал взглядом в направлении дальней стены зала. Из-за полога, который вёл к дальним комнатам павильона, вышла Ибака. Посмотрев в их сторону, она покраснела как помидор, стремительно опустила глаза в пол и

побежала к выходу. Мгновение спустя появился Онг. Если он и был удивлен увидев их в зале, то не показал виду.

– Всё ещё тут, друзья мои? – обратился он к ним.

Трактирщик подошёл, сел к ним за стол и протянул кружку, чтобы Тайко наполнил её.

– Если будете долго сидеть – завтра вам будет тяжело в дороге, уж поверьте мне.

– Ничего, я путешествовал и в более тяжком состоянии, – ухмыльнулся Тайко.

Бард чокнулся кувшином с кружкой Онга и произнёс тост:

– За отличное здоровье и плохое пиво! Скажи-ка, Онг, как так получилось, что шу поставил таверну в оазисе, да ещё и с обитающим в нём духом воды!

Онг сделал глоток, поморщился и объяснил:

– Трагическое стечение обстоятельств. Перешёл дорогу властям в Шу Луне, и вот я уже отправлен в ссылку в это место, – Онг обвел рукой вокруг. – Возможно, всё не так уж и плохо. Это хороший оазис – здесь безопасно, вода годная, караваны останавливаются довольно часто...

– А мужчины покидают своих женщин с надеждой, что дух обеспечит им защиту, пока они участвуют в набегах, – Тайко еле сдержал усмешку.

Ли недовольно хмыкнул. Кружка великана заколебалась на обратном пути к столу, и он, посмотрев на обоих, осторожно ответил:

– Женщины и сами могут себя защитить.

– Без сомнения, – сказал бард. – Но только до тех пор, пока они не рассердили...

Это было последней каплей. Он хотел заговорщически улыбнуться трактирщику, но, стоило дрогнуть губам, по лицу предательски расплылась широкая ухмылка. Тайко зажимал рот рукой, стараясь подавить вырывающийся смех. Пиво выплёскивалось из кувшина, пока он качался взад и вперед.

Глаза Онга сузились. Тайко покачал головой и убрал руку:

– Прости, Онг, но пока я искал Чаку в задней комнате, я заметил тебя с Ибакой. Просто... – у него снова вырвался смешок. – Ну ты же видел, какотреагировала Чотан, когда я просто улыбнулся Ибаке?

Тайко потянулся через стол, чтобы налить Онгу пиво, но тот накрыл кружку рукой и сказал:

– Нет.

– Да не переживай! Я не буду вмешиваться! – бард поднял кувшин и добавил. – А ты ловко воспользовался суевериями туйганцев!

– Туйганцы не более суеверные, чем следует, – протянув руку, Онг выхватил у него кувшин и добавил. – Вам пора идти.

Тайко уставился на свои пустые руки, затем на Онга. Лицо великана отображало непоколебимость.

– Онг...

– Убирайтесь!

Бард почувствовал, как кровь прилила к его лицу, но Ли начал действовать первым. Шу отодвинул стул, резко встал и наклонился вперёд, опершись кулаками на стол, а затем с отвращением сказал:

– Твоя таверна – отражение твоей души! Что одно, что другое мне противно! В отличие от Тайко я не нахожу это всё забавным и покину это место с удовольствием. Возможно, теперь я понимаю почему тебя выгнали из Великой Империи.

Великан нахмурился и ответил:

– А может и не понимаешь! Все ли сыновья Куана такие невоспитанные?

Ли со свистом выдохнул сквозь зубы, и его рука потянулась к оружию, которого не было при себе. Тайко вскочил с места.

– Эй! Полегче! Полегче, вы оба! – бард стоял с поднятыми руками напротив обоих шу. – Это...

– Молчать! – рявкнул Онг и кивнул на дверь. – Вон выход! Выметайся и забирай с собой эту невоспитанную собаку. Никогда впредь не отягощайте меня своим присутствием и вонючим пением!

Бард остановился, повернулся и уставился на Онга, встретив его суровый взгляд своим не менее суровым взглядом.

– Если моё пение воняет, то, полагаю никто не будет слушать, когда я испорчу воздух новой песней, – ответил Тайко и улыбнулся Онгу.

– Что скажешь, Ли? – бросил он через плечо. – *«Дух воды солгал!»*

– Для новой песни звучит неплохо! – сказал Ли.

Мгновение трактирщик смотрел на них сквозь щёлки своих глаз, затем медленно поднялся. Его массивная грудь вздымалась и опускалась с каждым глубоким, медленным вдохом.

– Если вы сейчас же не уберётесь сами, – прорычал великан, – то, возможно, я спроважу вас собственноручно!

– Спровадите? – Тайко развел руками. – Нет, уж если хотите проявить себя, о великий страж оазиса, давайте, действуйте здесь и сейчас!

– Очень плохо, когда клиенты разносят твою таверну, – проворчал Онг, вставая из-за стола.

Он подошел к дверному проему и откинул лоскут ткани, приглашая их выйти:

– И сам я делать этого не собираюсь.

Ли горделиво прошел мимо, не замечая Онга, словно тот был невидим, Тайко же плюнул ему под ноги.

Снаружи степной воздух был прохладным и неподвижным. С другой стороны оазиса тихо расположился караван; в лунном свете виднелись неясные очертания повозок, животных и спящих людей. Юрты также погрузились в тишину, когда туйганские женщины наконец добрались до своих кроватей. В нескольких шагах от шатра Ли развернулся и занял боевую стойку – поднял руки и раскрыл ладони. Тайко тем временем сбросил свой стриллин и ослабил рукава рубашки, меряя шагами пространство и продолжал гневно, но тихо браниться.

– Уверен, что готов, лживая бочка с салом?– крикнул он.

Онг опустил полог и развернулся.

– Почему ты думаешь, что я лгал?

Великан сделал шаг вперед – стопа, оторвавшаяся от земли, принадлежала мужчине, но когда она опустилась, то была уже нечеловеческой.

– Блаженная Ллиира, – выдохнул Тайко.

– Пёсья мать! – выругался Ли.

Пальцы ног вдвое длиннее пальцев Тайко, соединенные перепонками и оканчивающиеся толстым когтем, вонзились в твердую землю. Лапы и суставы создания были короткими, как у крокодила, но тело было длинным и гибким. Оно опёрлось на свой хвост, похожий на хлыст, и шея, такая же длинная и тонкая, изогнулась в ночном небе. На спине поблескивала сине-зеленая чешуя, а толстый живот лоснился жёлтым – такой же объёмный, как пузо Онга.

«Думаешь знакомство с драконом – спросил Онг Ибаку – защитит тебя от его гнева?»

Обтекаемая клиновидная голова несла жемчужно-белые рога и красные с золотым усы; гневные глаза Онга уставились на них сверху вниз.

– Возможно, – произнес он глубоким раскатистым голосом, – вы не понимаете не так много, как думаете.

Его огромная грудь раздалась на вдохе.

Свист воздуха поразил Тайко страхом словно сталь меча. С воплем он бросился в сторону – как раз туда, где стоял Ли, и они вместе повалились на землю. Бард успел развернуться как раз вовремя, чтобы увидеть широко зияющие массивные челюсти. «Огонь? Лёд? Яд?», – промелькнуло в его голове, и он зажмурился, ожидая агонии от дыхания дракона. Однако, вместо агонии его дыхание принесло с собой приятную прохладу. Он открыл глаза в густом тумане, чувствуя, как на лицо падают крупные капли.

– Дождь? – выдохнул он.

Рука Ли зажала его рот, и бард посмотрел на своего друга: тот разглядывал серую тьму над головой. Где-то наверху было заметно движение. Бард мельком увидел длинное, извивающееся в воздухе тело – у Онга не было крыльев, но летел он так же ловко, как змея ползает по земле, а потом исчез, растворился в тумане.

– Почтенные предки следят за нами, – тяжело сказал Ли, отпуская Тайко.

Тайко стёр воду с лица. Дождь усиливался.

– Летает без крыльев, выдыхает дождевые облака, – сдавленно произнес Тайко. – Это что за дракон такой?

– Это – Чен Лунь, дракон востока, Страж рек, – сказал Ли, продолжая всматриваться во тьму наверху и прикрываясь одной рукой от дождя. – Онг и правда дух воды, Тайко!

– Как по мне, так он не похож на духа.

– Драконы Шу Лунь не такие как драконы Фаэруна. Они — главы Небесной Канцелярии. Их назначают владыки мира духов.

– Так он что, обыкновенный чиновник? – прыснул Тайко.

– Злобный чиновник, который убил бы нас одним прикосновением, – осадил его Ли, и посмотрел на небо. – Куда он подевался?

Сквозь туман из оазиса, слышались приглушенные крики; кричали караванщики — похоже, удивляясь дождю, нежели из-за страха перед драконом, парящем в ночном небе. Тайко догадался, что Онг скрывался где-то в своих дождевых облаках, и люди его не видят. Они с Ли были единственными, кто знал о грозящей им опасности.

– Да он играет с нами! – негодовал Тайко, – Ли, надо срочно добраться до каравана! Там хватит сил защититься и дать отпор.

Бард развернулся и стал на ощупь искать брошенный *стриллин*. Его пальцы дотронулись до мокрого дерева именно в тот момент, когда Ли прокричал ему: «Ложись!» Краем глаза он заметил огромную тень, пикирующую с неба, и бросился плашмя прямо в грязь. Порыв ветра ожёг холодом его спину, а хвост дракона хлестнул его словно плетью, швырнув как игрушку. Он приземлился на спину, хватая ртом воздух.

Дракон взмывал вверх, набирая высоту перед тем как сделать очередной заход. Ощущая внутри ярость вперемежку со страхом, Тайко смог пропеть в отчаянии несколько неуверенных нот вдогонку исчезающему дракону. Звуки волшебной музыки, способные сбить человека с ног, прорвались сквозь облака и дождь. Онг всего лишь мрачно рассмеялся в ответ – для него это было не более чем забава. Дождь хлынул сплошной стеной. У Тайко внутри всё переворачивалось. Его магии оказалось недостаточно для того чтобы хотя бы задеть дракона!

Однако, звуки заклинания барда подействовали на невидимый в тумане караван – слышались тревожные крики. Люди догадались: что-то происходит. Тайко то карабкался, то полз по мокрой земле в направлении Ли, который был также покрыт грязью.

– Караван! – прокричал бард своему другу сквозь шум дождя, – В какой стороне карван?

– Сюда! – крикнул Тайко, разворачиваясь. Он увидел маячивших впереди людей и подавил вскрик удивления.

– Что ты наделал, *фарун*? – раздался недовольный голос Чотан.

Показался спрятанный фонарь, чей свет превращал мутные облака в светящийся туман, и Тайко смог разглядеть Чаку, Ибаку и остальных женщин оазиса. У многих в руках были ножи.

– Уберите фонарь, пока Онг не увидел свет! – лихорадочно призвал он. – Онг — это дракон!

– Конечно, дракон! – прошипела Ибака.

– Придержи свой язык! – взвизгнула Чотан.

Тайко вместе с Ли устали на них, но Ибака стояла гордо с высоко поднятой головой. Стоявшая рядом с ней морщинистая старуха закатила глаза. Чотан свирепо посмотрела на неё и выпалила:

– Куи!

Куи ответила ей испытующим взглядом:

– Хватит ревности, Чотан! – пожилая женщина произнесла это так спокойно, как будто они сидели у костра – Каждая из нас рано или поздно должна уступить.

Язык шу, на котором она говорила, был безупречным, чище, чем говорили Чотан или Чака. У барда отвисла челюсть.

– Так вы... – пролепетал он, и женщины повернули лица к нему. – Но...

– Ты действительно ничего не понимаешь, Тайко Арисанн.

Ночной воздух пришёл в движение: ветер подул сверху, разгоняя дождевые облака от того места, где стоял павильон, несмотря на то, что остальная часть оазиса была всё ещё затянута туманом. Тайко и Ли смотрели, как Онг плавно опускает свою огромную тушу, медленно паря в воздухе над женщинами, как будто охраняя их. Свет фонаря смешивался с лунным светом и отражался на его чешуйчатой шкуре.

– Вы стоите на пороге восточных земель, но думаете, что находитесь на западе, – продолжил Онг. – Здесь уже не Фаэрун!

Ли испустил сдавленный стон. Дракон опустил голову, пока она не оказалась на одном уровне с головой шу.

– Ты, сын Куана, осмелился осудить меня! – проревел Онг.

Его голова подалась вперед, и Тайко почувствовал его дыхание – пахло влажной землёй, туманом и зелёной листвой.

– Сегодня я вам не лгал! Я – изгнанник, три сотни лет назад обречённый принять назначение Небесной Канцелярии на самом западе. Принуждённый силами настолько могущественными, что вы даже себе не сможете представить. Когда-то я был духом великой реки. Теперь я страж этого мелкого пруда, и моё могущество не простирается за пределы оазиса.

Тайко сглотнул:

– Что ж, – слабо сказал он, сдерживая внутри себя страх, – полагаю, это объясняет почему вы так знатно растолстели.

Дракон запрокинул голову и взревел. Его рёв прокатился по оазису словно раскаты грома. После этого в наступившей тишине слышались другие звуки: заблеяли перепуганные животные, в панике закричали люди из каравана.

– Онг! – одёрнула дракона Куи. – Они узнают, что ты здесь!

Ибака испуганно ахнула, даже Чотан выглядела обеспокоенной. Дракон захлопнул свою огромную пасть.

– Триста лет! – огрызнулся Онг сквозь стиснутые зубы. – Триста лет прячусь словно животное, скрывая свою сущность. Любовь моих туйганских красавиц поддерживала меня. А таверна, которую ты так презираешь, Куан Ли Чен, – моя связь с внешним миром. Потеря что того, что другого означает окончательный приговор для меня. Я не позволю вам отнять их ни в шутку, ни всерьёз!

«Триста лет прячусь, скрывая свою сущность.»

Слова Онга порхающими бабочками преодолевали завесу страха Тайко. То, что дракон может быть обнаружен, пугало грозных туйганских женщин. Даже на пике своей ярости Онг старался прятаться в облаках, не показываясь разозлившим его мужчинам.

Глаза Тайко округлились, когда Ли развёл руками и горячо произнёс:

– О великий! Никто из нас даже и не помышлял о таком! Клянусь честью моих предков!

– Приношу извинения твоим предкам! – проревел дракон. – Но я не могу рисковать.

Распахнув челюсти, он устремился вперёд.

Тайко схватил Ли за рубашку и дернул его сквозь дверной проем в таверну как раз в тот момент, когда челюсти дракона захлопнулись, словно сотня кинжалов, на расстоянии вытянутой руки от них. Друзья с размаху влетели в перепачканные ковры на полу, дверной полог запахло за их спинами; ткань сотрясалась от гнева Онга. Ли смотрел на стены с побледневшим лицом. Бард пытался поставить друга на ноги.

– Ли, он не сможет покинуть оазис!

Ли моргнул и сфокусировал взгляд на друге.

– Какие бы силы ни изгнали сюда Онга, они же не позволяют ему покинуть это место! – затараторил Тайко, – Вот почему он боится быть обнаруженным. Караваны будут обходить оазис стороной, если узнают, что здесь есть дракон, а воины будут приходить сразиться, пока он наконец не будет мёртв. Держу пари, туйганцы поэтому и придумали запрет на магию в оазисе. Именно она может помочь выследить дракона.

Ли взмахнул рукой и прокричал:

– Тайко, мы всё ещё в палатке! И она не сможет защитить нас!

– Но хотя бы задержит его ненадолго!

Снаружи громыхал Онг. Его голос менялся, превращаясь из драконьего рева в человеческую речь. Женщины тоже что-то кричали. Бард постарался выкинуть из головы мысль об их острых ножах. Он вытащил кинжал из-за пояса и сунул в руки Ли:

– Иди к задней стене палатки и будь готов сделать ещё одну дверь в этой таверне.

Ли сглотнул и побежал в конец зала. Бард пробормотал отчаянную молитву всем богам, кто мог бы её услышать, и схватился за железную ногу ближайшей жаровни. Горячий метал обжигал ладонь. Не обращая на это внимание, Тайко скидывал угли на ближайшую кучу подушек. Не дожидаясь, пока угли займутся, Тайко побежал вслед за Ли, опрокидывая по пути каждую встречавшуюся жаровню.

– Тайко! – взревел Онг.

Бард обернулся и увидел, что толстый дракон стоит в дверях, в очередной раз облачившись в тело человека, зажав в руке дверной лоскут, а женщины столпились за ним. Все они на мгновение остановились при виде разгорающегося в шатре пламени. Онг сказал, что потеря женщин или таверны – это приговор для него.

Пусть музыка барда не смогла нанести вред дракону напрямую, но она могла подействовать на него и другим способом.

– Как насчет последней песни, Онг? – выкрикнул Тайко.

Сконцентрировавшись, он запел, и мелодия слегка запульсировала, создавая шипение и треск в воздухе. Он пел огню.

Изнутри пламени ему что-то ответило. Раскалённые угли изменялись и обретали форму глаз, которые уставились на барда, а затем на Онга. Языки пламени собирались вместе и обретали форму размером с ребёнка, распространяя в стороны огненные завитки. Глаза Онга вспыхнули гневом.

– Элементаль огня? Ты хочешь навредить повелителю воды этой огненной игрушкой?

Пламенные завитки элементаля лизнули стены, и их поглотил огонь. Затем он пошёл по коврам, поджигая их тоже.

– С чего ты взял, что я собираюсь навредить тебе? – отозвался Тайко.

Он развернулся и бросился сквозь проём в заднюю часть таверны.

– Давай, Ли!

Сквозь треск пламени и рёв дракона Тайко услышал, как рвётся ткань — Ли прорезал стену палатки. Огонь позволял видеть в темноте, и бард нырнул напрямик сквозь отверстие в ткани, а затем побежал по пятам за Ли.

– Ты уверен, что нам хватит времени? – задыхаясь спросил Ли, пока они мчались сквозь дождь.

– Спроси меня, когда убежим!

Сзади слышались крики женщин и рёв Онга. Необычный булькающий звук раздался в ночи, сменившись звуком шипения затухающего пламени. Тайко опустил голову и побежал сильнее.

Караван, растянувшийся по Золотому пути в утреннем свете, выглядел куда более смирным, чем вечером, когда он только въехал в оазис. Все взоры – настороженные, а то и откровенно испуганные – были обращены к двум фигурам, что ожидали в скудной тени камня-указателя. Ли толкнул Тайко, когда караван приблизился:

– Пёсья мать! – выдохнул он.

Бард посмотрел куда указывал друг. Чотан и Ибака ехали рядом с караваном на лошадях Ли и Тайко. Подъехав ближе, обе женщины спрыгнули с лошадей и уставились на мужчин.

– У нас есть сообщение для вас, – прорычала Ибака и швырнула туйганский нож в землю рядом с ногой Тайко. – Следуйте с осторожностью через Пустоши.

Сглотнув, бард спросил:

– Это сообщение от Онга?

– Нет, – ответила Чотан, – это предупреждение от туйганцев.

– А что Онг? – спросил Ли.

– Он уважает ваше благоразумие и напоминает, что даже у изгнанников есть друзья, – ухмылка, подаренная ею, была полна злобного предвкушения. – Наслаждайся пребыванием в Шу Луне, *фарун*. Ты привлёк к себе внимание дракона.

Они развернулись и направились по тропе к оазису, оставив Тайко и Ли смотреть им вслед.

УЗНИК ХАЛБУРГА Ричард Ли Байерс

1 и 2 Миртула, Год Бродячих Драконов

В кожаном плаще, развевающемся на холодном ночном ветру, Павел Шемов обрушил дарованную богом силу, на бледных, скрюченных существ, паривших вокруг парусника. Сначала, приняв их за результат колдовства, жрец попытался стереть исхудалые полупрозрачные фигуры в воздухе контрзаклинанием. Затем, предположив, что это духи умерших, он попытался сжечь их заклинанием солнечного света.

Ничего не вышло. Каждую секунду в поле зрения появлялись новые фантомы, шепчущие нечестивости и обволакивающие свою жертву. Поначалу Павел не чувствовал их прикосновений. Но потом оно превратилось в липкое почесывание. Скоро, по его мнению, эти существа станут достаточно материальными, чтобы причинять человеку вред.

Бесполезно отбивавшаяся от фантомов команда из трех человек, придя к такому же выводу, в панике закричала.

Уилл Тернстоун, ростом с ребенка, крикнул:

– Не обращайтесь на них внимания! Плывайте к берегу!

С тем же успехом хафлинг мог быть немым, несмотря на всю пользу, которую приносили его советы. Призрак ударил Павла по лбу. Удар ужалил, и кровь затекла в левый глаз. На палубе призраки рвали плоть матросов или нападали на само судно, впиваясь когтями в бревна.

– Ныряй за борт! – крикнул Павел.

Это был их единственный шанс. Он поискал Уилла.

Размахивая изогнутым мечом с широким лезвием, хафлинг разрубил одного призрачного противника на мелкие экзоплазменные кусочки и уклонился от когтей другого. Он держался на ногах, но долго так продолжаться не могло. Фантомов было слишком много.

Павел бросился вперед, подхватил своего друга и перепрыгнул через борт. Когда он плюхнулся в прохладные воды Лунного моря, то призвал магию своего зачарованного плаща.

Складки кожаной мантии раскрылись в рассекающие, пульсирующие крылья, которые понесли его сквозь глубины, как ската манта. Он мог дышать, как рыба. Вода была прохладной в его легких.

Уилл извивался в его хватке, указывая вверх, и он понял, что в отличие от него его товарищ не может дышать так же. Он осторожно вынырнул на поверхность и обнаружил, что заплыл достаточно далеко, чтобы избежать призраков. Они по-прежнему были сосредоточены на паруснике и его ближайших окрестностях.

Павел вынес Уилла на берег, а затем поплыл обратно искать моряков. К тому времени призраки исчезли, и, к сожалению, моряки и лодка тоже. Не осталось ничего, кроме дрейфующих досок и других обломков.

Уилл присел на корточки и спрятался в тени зарослей, а потом, дрожа, с бешено колотящимся сердцем, стал ждать возвращения Павла. Наконец долговязый, красивый жрец поднялся с мелководья и вышел на галечный берег.

Уилл почувствовал облегчение, увидев друга, но не стал этого показывать. Это нарушило бы дух их вечной насмешливой вражды.

Хафлинг выпрямился и с усмешкой сказал:

– Отличная работа на лодке. Приятно видеть, что твоя магия так же полезна, как и всегда.

Хотя Павел был явно расстроен резней экипажа, он постарался ответить тем же:

– По крайней мере, у меня хватило ума сбежать, когда ситуация стала безнадежной. Чего ты пытался добиться, стоя и сражаясь? Это было идиотизмом даже по твоим меркам.

– Призраки набросились на меня – очевидно, они знали, кто из нас представляет для них угрозу, – и мне пришлось расчищать себе путь. Ты, наверное, хочешь заделать эту царапину на лбу, пока то, что заменяет тебе мозги, не вытекло.

– Точно. Я совсем забыл об этом.

Павел прочитал молитву своему богу-покровителю, Летандеру, Повелителю Рассвета, начертил в воздухе священный символ, и его рука засияла красно-золотым светом. Он прикоснулся ею к порезу, и рана закрылась.

Уилл сорвал немного травы, вытер свой изящно сбалансированный роговой клинок, как называли огромные мечи хафлингов, и спросил:

– Так что же там произошло?

– Я не знаю, – признался Павел. – Очевидно, что на нас напало что-то сверхъестественное, но это не было похоже ни на обычную магию, ни на духов.

– Значит...?

Человек покачал головой и ответил:

– На данный момент я знаю только то, что мы видели, как Жентарим уничтожают «нелегальные» корабли и караваны.

– Но мы плыли на украденном жентаримском патрульном корабле, – сказал Уилл. – Мы должны были быть в безопасности.

– Очевидно, этот трюк перестал работать.

– Нет, серьезно? Думаешь? – Хафлинг вздохнул. – И что нам теперь делать?

– Ну, по крайней мере, мы почти добрались до Халбурга, прежде чем нас заметили Женты. – Павел указал на разрушенный город дальше по берегу, смутную массу, едва различимую в темноте. – Давай найдем безопасное место для отдыха, а утром начнем наши исследования. О том, как вернуться в Тентию, будем беспокоиться, когда придет время.

Веками война терзала Лунное море, уничтожая город за городом. Халбург был одной из таких жертв. Двадцать пять лет назад Жентарим разграбил порт. Дикая природа была на пути к восстановлению. Среди развалин разрушенных домов бродили животные, а улицы заросли травой, кустарником и небольшими деревьями. По крайней мере, подумал Павел, это означает, что ему не придется слишком долго искать еду. Он сорвал ягоды, стараясь избежать защищавшие их длинные шипы, и протянул половину Уиллу. Уилл недоверчиво посмотрел на ягоды, его кудрявые черные локоны растрепались после того, как их окунули в воду.

– Это что, розыгрыш, чтобы я оббегался? Они зеленые.

– Сейчас весна, крестин, – сказал Павел. – Естественно, они зеленые. Все же они съедобны.

Хафлинг прожевал один и проглотил, морщась при этом, и сказал:

– Зачем я вообще уехал из Саэрлуна?

– Потому что твоя гильдия воров, проявив благоразумие, решила тебя убить. Слушай, если тебе не нужны ягоды, отдай...

– Тише! – поманив Павла за собой, Уилл метнулся в один из полуразрушенных домов. Соломенная крыша обрушилась, но оба опытные воины, они все же сумели пройти по полу без скрипа и хруста. Они притаились за окном и выглянули наружу.

Павел понял, что происходит. Уилл услышал как кто-то или что-то приближается. Это не обязательно сулило угрозу. Они предполагали, что среди руин

все еще живут несколько человек, скорее всего, обычные фермеры или рыбаки. Но было разумнее выяснить это наверняка, прежде чем раскрывать себя.

Павел нахмурился, когда в поле зрения попали четверо вооруженных людей, которые болтали, держа в руках расчехленные арбалеты. Все они были одеты в мрачные атрибуты солдат Жентилара, а на их туниках красовалась эмблема Черной Сети в виде дракона со скипетром.

Когда воины прошли мимо и скрылись из виду, Павел спросил:

– Знают ли Женты, что мы выжили? Они охотятся на нас?

Уилл фыркнул:

– Конечно, нет. Эти солдаты не ожидали никаких проблем. Это был обычный патруль.

– Если так, то это значит, что Женты взяли Халбург под контроль. Но зачем выделять войска для захвата руин? Здесь больше ничего нет.

– Может быть, они ищут те же потерянные знания, что и мы?

Павел покачал головой и ответил:

– Не понимаю, как. У них нет записей Саммастера. Но даже если это так, то, учитывая бродящих вокруг Жентов, будет трудно беспрепятственно исследовать руины.

– Не будь дураком.

– Да будь оно все проклято! Сколько их там, где они расположились лагерем и что они задумали?

– Раз уж я разведчик, – ухмыляясь ответил Уилл. – Думаю, мне лучше это узнать.

Возвышавшийся над гаванью потрепанный замок с зубчатыми валами, как зубы нищего, был покрыт пятнами и зазубринами. Едва увидев его, Уилл решил, что Жентарим обосновался там, а когда заметил одетых в черное часовых, расхаживающих по крепостным стенам, понял, что был прав. Два корабля, военная галера и патрульный катер, были пришвартованы у одного покосившегося дока внизу.

Уилл повернулся и побрел дальше по улицам, заросших сорняками и заваленных обломками, перебегая от одного укрытия к другому, пока на перекрестке двух улиц не услышал приближающиеся шаги. Он присел на корточки за лошадиным корытом и выглянул сбоку.

Веснушчатый, курносый юноша, в слишком свободной и короткой форме Жента для его неуклюжих конечностей, проскользнул мимо, часто оглядываясь через плечо. Уилл предположил, что парень ускользнул из замка без разрешения, чтобы уклониться от работы или утолить плотский зуд наедине.

Уилл стянул с пояса боевую пращу, радуясь, что масло и чары сохранили кожу эластичной, несмотря на погружение в воду накануне вечером. Он поднялся и выстрелил.

Отполированное ядро попало Женту в затылок. Будучи опытным стрелком, Уилл удивился бы, если бы это было не так. Вопрос заключался только в том, не причинил ли он большего вреда, чем намеревался: некоторые черепа были более хрупкими, чем другие. Когда юноша упал вперед, хафлинг вынырнул, чтобы проверить его.

Все было в порядке. Воин все еще дышал, и любые повреждения, кроме смерти, Павел мог устранить молитвами.

Павел также мог сделать и то, чего не мог сделать Уилл. Он мог оттащить неуклюжее тело человека до того, пока какой-нибудь другой Жентилар не обнаружил лежащего без сознания на улице юношу. Хафлинг побежал за своим другом.

– Мы рискуем, – сказал Павел. – Что, если кто-нибудь заметит его отсутствие?

– Чем дольше ты мешкаешь, – сказал Уилл, – тем больше вероятность того, что так и произойдет. Так что приступай.

Павел занес юношу в полумрак заброшенной лавки и усадил на пыльный пол. Затем Уилл связал руки и ноги пленника полосками ткани, оторванными от его кителя. Солдат все еще лежал неподвижно на том месте, где его связали, волосы на затылке слиплись от крови.

Павлу бросилось в глаза, что этот несчастный не слишком похож на распространенное представление о злобном Жентиларе. Может он им не был. Возможно, он был просто неопытным пареньком, которого Черная Сеть призвала в свои войска.

Но даже если это так, Павел и Уилл все равно не могли позволить себе любезничать с ним. Гарнизон Жентарима представлял слишком большую опасность, а их миссия была слишком важна.

Павел пробормотал молитву. Его руку покалывало от тепла, и она излучала радужный свет. Он прижал ладонь к ране на коже головы Жента, и порезанная кожа дрогнула, когда срослась. Пленник ахнул и отпрянул от его прикосновения.

Уилл бросился к Женту и приставил кинжал к его горлу.

– Не кричи и не сопротивляйся! – прорычал хафлинг.

Солдат замер.

– Вот и хорошо, – сказал Уилл. – Теперь мы зададим тебе несколько вопросов, и я рекомендую тебе отвечать правдиво. Видишь амулет солнца на шее моего напарника? Он – жрец Повелителя Утра, и он собирается сплести заклинание, которое предупредит его, если ты нам солжешь. Если ты это сделаешь, я тебя прирежу. Понял?

– Да, – прохрипел юноша.

Павел зарычал и провел талисманом мистическими пассажами, делая вид, что плетет заклинание. На самом деле он не мог использовать магию, описанную Уиллом, поскольку не предполагал, что вскоре ему и его товарищу придется допрашивать пленника, и поэтому не просил этого заклинания, когда молился на рассвете. Но Жент этого не знал, а потому боялся солгать.

Павел холодно посмотрел на юношу и спросил:

– Почему Черная Сеть занимает это пустое место?

– Пожалуйста, – сказал юноша, – если я предам их, они замучают меня до смерти.

Уилл переместил нож. Жент задохнулся и отшатнулся в сторону, насколько это было возможно со связанными конечностями и держащимся за него хафлингом. Капля крови скатилась по шее.

– Если ты не будешь сотрудничать, – сказал Уилл, – я сделаю то же самое прямо сейчас.

Это был очередной блеф. Уилл и Павел не были мучителями. Но Жент также не мог этого знать.

– Я давал клятву Бейну, – взмолился солдат. – Если я нарушу ее, то после смерти он навсегда разорвет мою душу.

– Нет, – сказал Павел, – не разорвет. Отрекись от Черного Лорда, убеги из Жентарима, найди достойный образ жизни, и он не будет иметь над тобой власти. Даю тебе слово слуги Повелителя Утра.

– Итак, – сказал Уилл, – ты можешь умереть сегодня или получить второй шанс. Что ты выберешь? Решай быстрее, мне становится скучно.

Он взмахнул ножом, сделав второй поверхностный порез.

Жент сжался и сказал:

– Хорошо! Задавайте свои вопросы.

– Один я уже задал, – сказал Павел. – Зачем ты здесь?

– Чтобы защитить дракона.

Павел и Уилл обменялись взглядами.

– Какого дракона? – спросил халфлинг.

– Его зовут Версеворан, – сказал Жент. – Кто-то сказал, что он изумрудный дракон. Он выглядит так, словно его вырезали из большого зеленого драгоценного камня.

– О, благословенные силы! – воскликнул Павел.

– Что? – спросил Уилл. – Тебе это о чем-то говорит?

– Силы, которые напали на нас на воде, – сказал священник. – Они не были похожи ни на настоящую магию, ни на типичных нечистых духов. Но есть и другой вид силы, чрезвычайно редкая магия разума. Самоцветные драконы – одни из существ, обладающих такими способностями, талантами, хорошо подходящими для того, чтобы следить за всем Лунным морем и поражать тех, кто путешествует без разрешения Жентарима. – Он снова повернулся к солдату. – Я прав?

Юноша изумленно вытаращил глаза от его проницательности и ответил:

– Да.

– Я не понимаю, – сказал Уилл. – Зачем изумрудному дракону помогать Жентам? Самоцветные драконы ведь не совсем злые, правда? И почему его хранители не беспокоятся о том, что он поддастся Ярости и выйдет из-под контроля?

– Он пленник, – сказал Жент, – магически вынужденный служить. Заклинатели в Цитадели Ворона призвали кого-то особенного, чтобы контролировать его. Я не знаю, кого именно. Он держится особняком и ходит за периметром, окутанный плащом и капюшоном.

– Тогда объясни следующее, – сказал Уилл. Он подошел к дверному проему, чтобы бросить осторожный взгляд на улицу снаружи. – Дракон важен для планов твоих хозяев. Так зачем держать его в Халбурге? Почему не в одной из ваших крепостей – цитадели Жентил Кип или Мулмастер?

– Кажется, я знаю, – сказал Павел. – Это существо, каким бы могущественным оно ни было, не может в одиночку выполнить задачу, которую Жентарим поставил перед ним. Ублюдкам нужно кольцо надзирателей, связанных между собой разумом и расположенных вокруг Лунного моря. Им нужен медиум здесь, чтобы замкнуть круг. Он улыбнулся юноше. – Я прав?

– Думаю, да, – сказал пленник. – Обычным солдатам вроде меня не положено знать, но ты кое-что слышишь. Версеворан и другие рабы связаны между собой узором, который делает их разум сильнее обычного.

– Это... интересно, – сказал Уилл.

– И важно, – сказал Павел. – Мы знали, что во время путешествий нам постоянно угрожала опасность. Теперь мы узнали, какая.

– И мы узнали, как устранить угрозу. Ослабив одну нить, вся психическая паутина рухнет.

– Именно.

Уилл поиграл своим окровавленным кинжалом, подбрасывая и ловя его, пока обдумывал перспективу.

– Мы могли бы попытаться вернуться в Тентию за подкреплением, – сказал хафлинг, – но дракон, вероятно, почувствует, что мы уходим, и снова ударит по нам. Тогда как мы с тобой подобрались уже достаточно близко, чтобы нанести удар.

– Верно. Мне не нравятся наши шансы в борьбе с целым гарнизоном Жентарима, да еще и с этим неизвестным демоном, но дело не в этом. Мы просто должны пробраться внутрь и лишить их Версеворана.

– Есть идеи, как это сделать?

– Возможно, я смогу развеять связывающие его чары.

Уилл изогнул бровь и спросил:

– Возможно?

– Это может быть сложно, долго и опасно.

– Тогда как насчет этого? Мы убьем дракона. Если Женты лишили его свободы воли, он не сможет поднять коготь, чтобы защитить себя.

Павел нахмурился и сказал:

– Этот вариант меня не устраивает.

– Мне на самом деле тоже, но подумай вот о чем: самоцветные драконы не совсем злые по своей природе, но и не совсем добрые. Я слышал рассказы о том, как они убивают людей и совершают набеги за сокровищами.

– Мы не знаем, что Версеворан когда-либо совершал подобные вещи.

– Но мы знаем, что здесь есть руины Ярости. Что если вирм уже в безумстве, и только оковы сдерживают его? Что, если он впадет в ярость, как только мы его освободим, и разорвет нас?

– Слушай, – сказал Павел, – давай оценим ситуацию, когда доберемся до существа, и тогда решим.

– Справедливо.

Уилл повернулся обратно к пленнику, который, подслушав их разговор, смотрел на них так, словно они сошли с ума, раздумывая над такой авантюрой.

– Нам нужно знать все о планировке замка и расположении стражи.

Обветренная известняковая стена предоставляла достаточно зацепок для вора с такими способностями, как Уилл. Он только пожелал, чтобы Селуна сочла нужным скрыть свою серебристую улыбку за облаками. Если, как утверждал Павел, воины выполняли работу божеств света, то это меньшее, что она могла сделать.

Тем не менее, с луной или нет, люди редко видели Уилла, когда он этого не хотел, и он без происшествий добрался до крепости. Низко пригнувшись, он

огляделся, убедившись, что поблизости нет часовых, а затем спустился по лестнице во двор. В прохладном ночном воздухе витали запахи древесного дыма, жареной колбасы и отхожих ям Жентов. Из хозяйственных построек вдоль основания стены доносился храп.

Но несколько жентов не спали, и человек с копьём, сидевший на скамье позади выхода, был одним из них. Уилл развернул свою боевую пращу, запустил ядро в голову воина, и тот свалился с сиденья. Уилл подтащил скамью ближе к запасному выходу, взобрался на нее и отодвинул засов в сторону.

Как только он открыл дверь, внутрь проскользнул Павел, закутанный в черный плащ, который забрал у пленника. Он посмотрел через двор на центральную башню, в которой, по словам юнца, находился Версеворан.

Уилл вопросительно посмотрел на товарища. Павел кивнул, и они двинулись вперед по массивным ступеням башни. В темноте, закутавшись в черный боевой плащ, жрец надеялся сойти за Жента, если его вообще кто-нибудь заметит. Уилл продолжал полагаться на свое воровское ремесло, чтобы скрыть себя от враждебных глаз.

Крепость имела два входа: внушительные двойные двери с одной стороны и дверь меньшего размера – с противоположной. Нарушители прокрались к более скромному входу, и Павел попытался открыть его. Она не поддавалась. Уилл выбрал из своего воровского мешочка отмычку и вставил ее в замочную скважину.

Через мгновение он прошептал:

- Она не заперта.
- Ты хочешь сказать, что ты слишком некомпетентен, чтобы сломать механизм?
- Я имею в виду, что она не заперта. Теперь я думаю, как Женты вообще бы смогли найти ключ от этого старого замка? Дверь запечатана магически, а значит открыть ее – твоя задача.

Жрец нахмурился и сказал:

- У меня приготовлено только три заклинания рассеивания. Я надеялся сохранить их все, чтобы атаковать оковы Версеворана.
- Не будь еще глупее, чем обычно. Мы должны добраться до дракона, иначе нас побьют еще до того, как мы начнем.

Павел пробормотал рифмованное двестишье и сделал пасс рукой. Сила взвыла, и на мгновение вся дверь засияла золотым светом. Уилл вздрогнул от мерцания, но, оглядевшись, не увидел никаких признаков того, что кто-то их заметил.

Павел повернул потускневшую латунную ручку, и замок с щелчком открылся. Он приоткрыл дверь, и они с Уиллом заглянули внутрь. Уилл перевел дыхание.

Весь первый этаж крепости представлял собой одну большую комнату с высоким потолком. В противном случае она бы не была достаточно большой, чтобы вместить пленника. Огромный и змеевидный, со сложенными крыльями, похожими на крылья летучей мыши, Версеворан неподвижно лежал посреди пола, и только медленное расширение и сужение его груди свидетельствовало о том, что он еще жив. Пустые фосфоресцирующие глаза, более бледно-зеленые, чем блестящая чешуя, смотрели в пустоту.

Несмотря на его неподвижность и очевидную беспомощность, он был настолько внушителен, что Уиллу понадобилось время, чтобы обратить внимание на другие

особенности зала. Хрустальные шары на кованых треножниках излучали мягкий, равномерный свет, освещая пленника. По полу от Версеворана расходились очерченные золотым и алым пигментом замысловатые геометрические узоры, переплетенные письменами. В воздухе пахло горьким ладаном и сухим рептильным запахом самого дракона.

– Что ты думаешь? – прошептал Уилл.

– Мне нужна минута, – ответил Павел.

Он прошелся по комнате, рассматривая сначала светящиеся шары, затем наклонился, чтобы осмотреть фигуры, нарисованные на полу.

– Ну что? – потребовал Уилл.

– Терпение.

– К черту. Мы в опасности, задерживаясь здесь. Слушай, дракона держит волшебство, а ты не волшебник. Не стыдно признаться, что ты не можешь понять, как его освободить.

– Теоретически я знаю. Я изучал, как работает тайная магия, и понимаю, как противопоставить ей свою собственную силу.

– Я тоже не хочу убивать бедное существо, – сказал Уилл, – но если мы не разберемся с ним, чтобы свободно путешествовать, мы никогда не разгадаем загадку дневника Саммастера вовремя, чтобы принести кому-нибудь пользу. Это тысячи жизней против одной.

Уилл вытащил из ножен свой роговой клинок.

– Нет. Повелитель Утра учит...

Павел вскрикнул и схватился обеими руками за голову.

На мгновение Уилл не понял, что случилось. Затем он тоже пошатнулся, когда агония вспыхнула внутри его черепа. Когда боль наконец утихла, его верхняя губа была мокрой от текущей из ноздрей крови, а на лестнице, ведущей на верхние уровни башни, стояла фигура.

Уилл никогда не видел ничего похожего на это существо, но решил, что это может быть только демон, которого призвали Женты, чтобы контролировать Версеворана. В крепости танар'ри избавился от плаща и мантии, явив взору склизкое, грузное тело, размером с людоеда, настолько горбатое, что для него было естественно передвигаться на четвереньках. Клыкастые челюсти торчали из-под выступающего лба, за зубами мелькал длинный тонкий язык, а вдоль горба тянулась своеобразная клетка из костяных отростков.

Кривой позвоночник. Внутри этой решетки блестело влажное, бледное вещество, похожее на огромное количество обнаженного мозга.

– Блеск рассвета, – вздохнул Павел, – это церебрилит.

– Полагаю, это плохо, – сказал Уилл.

Демон на костяшках пальцев двинулся вниз по ступенькам.

– Кто ты? – прорычал он. – Как ты сюда попал?

Голова Уилла все еще пульсировала после психической атаки церебрилита. Но он знал, что они с Павлом должны избавиться от шока после неожиданного нападения и сразаться. Хафлинг отпрыгнул в сторону – неожиданный маневр, который, как он надеялся, напугает его врага, – приготовил свою боевую пращу и

пустил в работу. Ядро ударило демона в круглый черный глаз. Церебрилит отшатнулся.

– Бей, идиот! – крикнул Уилл.

Подгоняемый, Павел зачитал молитву. Воздух на мгновение стал теплее, и вокруг бесформенной головы церебрилита заплясали искры красно-золотого света. Уилл не мог точно сказать, что его друг сделал с демоном, но магия, должно быть, подействовала, потому что танар'ри издал пронзительный визг.

«Удивительно, – подумал Уилл, хватаясь за еще одно ядро для пращи, – мы побеждаем».

Затем церебрилит проревел:

– Убей их! – После чего Версеворан вскочил на ноги и развернулся к незванным гостям.

Извилистое горло вздулось, разинув гигантскую пасть изумрудный дракон завыл. Зная, что шум может убить любого, кто окажется перед головой вирма, Уилл и Павел бросились в разные стороны. И все же крик потряс кости хафлинга и пронзил его голову и туловище болью, даже пол завибрировал, угрожая его равновесию, а со стропил посыпалась грязь.

Версеворан развернулся и бросился на Павла. Все еще шатаясь, священник едва успел увернуться от когтей дракона. Крючковатые сверкающие когти были такими длинными и тяжелыми, что если бы хоть один из них зацепился за его плоть, он мог бы легко разорвать его на части.

И если никто не вмешается, не отведет давление с Павла, позволив ему восстановить равновесие и перейти в режим обороны, Версеворан, конечно же, разорвет его. Зарывав, Уилл рассек заднюю ногу вирма. Роговой клинок пробил мерцающую нефритовую чешую и пронзил плоть под ней, но неглубоко. Раны даже не замедлили бы дракона.

Однако они, скорее всего, жалили, и рептилия повернулась к нему. Пришло время ему прыгнуть или кувыркнуться в сторону, подальше от передних когтей и челюстей. Но, к сожалению, Уилл никогда раньше не сражался с самоцветными драконами, и некоторая тонкость в движениях Версеворана сбивала его с толку. Он замешкался, не в силах точно определить, когда и в каком направлении нужно прыгнуть, и шанс был упущен. Изумрудный дракон рванулся вперед, и ему пришлось отпрыгнуть назад, чтобы не оказаться раздавленным.

Версеворану понадобилась всего секунда, чтобы прижать его к стене. Дракон ударил его. Уилл сделал шаг в сторону, и огромные клыки сомкнулись на пустом воздухе. Он нанес ответный удар, но боевой меч не смог пробить естественную броню рептилии.

Версеворан поднял переднюю лапу. Все еще прижатый к стене, Уилл приготовился уклониться, но тут голос прошептал в его сознании, приказывая стоять на месте. Он замер, а когти дракона прочертили горизонтальную дугу.

Каким-то образом, в последний момент, Уилл освободился от внушения и отпрыгнул в сторону. Атака Версеворана все равно настигла его, швырнув в воздух, и только тренированные рефлекс акробатики позволили ему кувыркнуться и избежать переломов костей тела, когда он рухнул на пол. Он вскочил на ноги и огляделся. Его последний оборонительный маневр сбил Версеворана с цели ровно

настолько, чтобы спасти его от серьезных повреждений. Когти дракона рассекли его кожаную броню и порезали плоть под ней, но не настолько глубоко, чтобы вывести из строя. Над ним, на лестнице, церебрилит рычал от досады.

Уилл не думал, что у танар'ри есть причины для расстройства. Если он все еще мог атаковать, несмотря на чары, которые наложил Павел, чтобы помешать ему, то он и Версеворан, вероятно, достаточно скоро убьют незваных гостей. Было очевидно, что воины не могут противостоять демону и дракону одновременно в этой тесной, замкнутой арене.

Единственная надежда, таким образом, состояла в том, чтобы изменить ход игры. Довольный тем, что удар Версеворана, по крайней мере, отбросил его туда, где он не был прижат спиной к стене, Уилл развернул свою боевую пращу и обрушил ядра на голову рептилии.

– Ты хочешь меня? – крикнул он. – Вот он я! Иди за мной!

Он сделал вид, что уклоняется вправо, а затем помчался к меньшей двери, которая была слишком низкой и узкой для взрослого дракона. Уилл достиг ее раньше своего преследователя. Он проскочил внутрь и свернул в сторону, где Версеворан не мог его достать. Позади него когти вирма застучали по полу, а хвост заметался справа налево. По этим звукам Уилл понял, что дракон разворачивается, и рискнул заглянуть внутрь. Конечно же, Версеворан мчался к двойным дверям в дальнем конце зала. Когда дракон ударил в них, они разлетелись, словно были сделаны из бумаги.

Когда Версеворан вслед за Уиллом вышел в ночь, Павел понял, что задумал его напарник. Пока хафлинг вел дракона в погоню, Павел должен был уничтожить церебрилита, а затем рассеять чары, удерживающие Версеворана в плену. И все это за то короткое время, пока старый и могущественный дракон не поймает и не убьет одинокого хафлинга.

Хотя церебрилит, по всей видимости, все еще был слеп от наложенного на него заклинания, Павел понятия не имел, справится ли он с этой задачей, но знал, что у него нет другого выбора, кроме как попытаться. Он начал читать молитву, произнося слова себе под нос, чтобы противник не услышал.

Затем церебрилит исчез. Возможно, он стал невидимым, но Павел знал, что есть и другая возможность: некоторые демоны могли мгновенно перемещаться из одного места в другое. Он развернулся, и тут же рядом с ним оказался громадный танар'ри, впервые стоящий более или менее прямо, с разинутой пастью и руками размером с лопату, готовый схватить его. Хотя Павел ослепил его, ясновидение позволяло ему находить его.

Однако, слепота все же мешала ему. Он помедлил, прежде чем атаковать когтями, и это дало Павлу время отскочить назад, за пределы досягаемости, сохраняя при этом точный ритм и произношение, которых требовало заклинание.

Красно-золотой свет залил комнату. В воздухе появилась светящаяся булава и ударила по церебрилиту, словно им взмахнул призрак.

Павел улыбнулся. Если повезет, сотворенное оружие отвлечет и удержит демона, а он будет атаковать его с помощью магии.

Но заклинание не сбило с толку церебрилита, как он надеялся. Танар'ри зарычал, и из его тела вырвался резкий белый свет. Сияние обожгло Павла, как

клеймо, и мучительный жар не закончился после вспышки. Священник посмотрел вниз. Его одежда была в огне.

Он упал и перекатился. Это погасило огонь, но к тому времени, как он закончил, демон уже склонился над ним. Парящая булава отбивала осколки от костяных шипов вдоль позвоночника, но он не обращал внимания на атаку и потянулся к лежащему на полу человеку.

Павел взмахнул зачарованной палицей из стали и дуба, которую держал в руке. Растянувшийся, он не надеялся нанести удар с большой силой или точностью, но каким-то образом ему удалось отбить большую шишковатую руку церебрилита. Он отполз назад, пытаясь освободиться.

Он был недостаточно быстр. Танар'ри схватил его за ногу и поднял его ступню к своим грязным, зазубренным клыкам.

– Стоять! – крикнул Павел.

Это тоже было заклинание, и оно на секунду сковало волю существа. Он вырвался из хватки демона.

Однако не остался невредимым. Когти твари пронзили сапог и мышцы, и, пытаясь вырваться, он растерзал и увеличил раны. Когда он поднимался, его нога не выдержала бы, если бы он опирался на нее.

Действительно, у него болело все, и он считал, что ранен довольно сильно. К счастью, он мог исцелить себя, но не мог сосредоточиться на этом и одновременно сражаться с демоном. Он должен был сначала нейтрализовать танар'ри, причем быстро, пока шок и потеря крови не подорвали критические показатели его силы и ловкости.

Произнося очередное заклинание, он попятился от церебрилита. Демон повернул голову, отслеживая движение, а затем исчез из-под ударов светящейся булавы. Сотворенное оружие устремилось вперед, преследуя цель. Линия, по которой оно летело, указывала на место, где существо появилось вновь, иначе Павел никогда бы не почувствовал его справа от себя, чтобы вовремя отскочить влево.

Тем не менее, взмах когтей пробил его панцирь и задел кожу под ней. Было больно, но он не позволил боли разрушить его заклинание. Он выдержал ритм и хлестнул безоружной рукой по цели.

Сила горела в его ладони, и когда церебрилит бросился на него, он вытянул руку и разрядил ее. Луч яркого света вырвался вперед и попал прямо в морду демону, раздробив несколько клыков. Танар'ри споткнулся, и летящая булава пробила часть костяных выступов на его хребте и начала колотить густое вещество под ним. Демон упал на одно колено. Он поднял руку, очевидно, чтобы отразить светящееся оружие, но затем конечность упала обратно на пол, словно у нее кончились силы.

Павел заковылял вперед, чтобы нанести удар по церебрилиту. Он зарычал, испугав его. Оказавшись не таким уж слабым, он схватил его за запястье руки и подтянул к себе. Его пасть широко раскрылась, и, увы, свет Летандера сломал ему не все зубы – у него все еще имелись все зубы, необходимые чтобы разгрызть его на куски.

Уилл знал, что Версеворану понадобится всего пара секунд, чтобы выбежать из крепости. Он потратил драгоценное мгновение, стоя на месте и прислушиваясь, пока не понял, с какой стороны приближается дракон. Затем он помчался в другую сторону, опережая своего преследователя.

Обогнув башню, он помчался дальше, к линии хозяйственных построек у подножия навесной стены. Женты, разбуженные суматохой, выбегали из казарм. Некоторые заметили его и помчались, чтобы перехватить. Не сбавляя скорости, он развернул свою боевую пращу. Ядро устремилось в голову одного солдата, затем отскочило и попало в товарища рядом с ним. Первый человек упал, а второй покатился по земле.

Затем оставшиеся Женты остановились и посмотрели вверх, широко раскрыв глаза. Уиллу не нужно было оглядываться, чтобы понять, что они только что увидели Версеворана. Дракон все еще шел по его следу, и он летел.

Что-то – быть может, инстинкт охотника – предупредило Уилла, что дракон вот-вот издаст разрушительный рев. Он прыгнул, кувыркнулся, пытаясь увернуться. Должно быть, это сработало. Оглушительный рев потряс его, но не причинил вреда. В то время как трое Жентов забили и упали, кровь вытекала из всех отверстий в головах.

Через мгновение Версеворан атаковал снова. Светящиеся белые нити какого-то неземного вещества вырвались из пустого воздуха вокруг Уилла и вцепились в него, словно щупальца. Он кувыркнулся и приземлился на ноги вне их досягаемости.

Над ним что-то закрыло свет луны и звезд. Он побежал дальше, нырнув в дверной проем здания. Версеворан, подобный сове, ловящей когтями мышь, прервал свою попытку наброситься на хафлинга, приземлился на землю, а затем рванулся вперед, разинув пасть. Уилл захлопнул дверь. Вся стена загудела и задрожала, когда дракон врвался в нее.

Уилл бросился наутек. Стена могла сдержать вирма лишь на несколько секунд. Его выживание зависело от того, найдет ли он другой выход из этой комнаты.

Вот! Маленькое круглое отверстие высоко в правой стене, предназначенное для вентиляции, не вместило бы человека, но хафлинг мог бы пролезть. Уилл вскочил на стол, снова прыгнул и ухватился за рейки, заслоняющие отверстие. Древесина была мягкой и легко поддавалась ударам. Он успел проскочить за мгновение до того, как позади Версеворан разрушил стену.

Он выскочил из узкого пространства между одной пристройкой и другой и проскочил в следующую дверь.

Версеворан догнал его, и он больше не мог бегать по открытой местности. Его единственным шансом было укрываться в закрытых помещениях, перебегая из одного в другое, пока дракон не поймает его.

Раз за разом рушащаяся стена или крыша едва не сшибала его с ног и погребала под обломками. Снова и снова ему удавалось выбраться из кладовой, столярной мастерской или кухни лишь в последнюю секунду перед тем, как дракон врвался

внутри. Тем временем он мрачно осознал, что ему не хватает хозяйственных построек.

Он вылез из окна. Слева от него взревел Версеворан. Звук отличался от прежнего. Что-то в этом звуке заставило Уилла прекратить свое безумное бегство и попытаться понять, что происходит.

С головой и передними лапами внутри, крыльями, задними конечностями и размашистым хвостом снаружи, Версеворан втиснулся в дверной проем оружейной, которую его добыча покинула всего несколько мгновений назад. Через несколько секунд стена, окружавшая проем, рухнет и освободит дракона. Но на данный момент он застрял.

Уилл уставился на бок существа, на уязвимое место, так соблазнительно открытое, на тонкое место в чешуйчатой шкуре с пульсирующим сердцем позади. Если он будет действовать быстро и бесшумно, то у него появится шанс нанести смертельный удар.

Он скользнул вперед, потом, вспомнив слова Павла, заколебался. Женты поработили Версеворана. Он не отвечал за свои действия.

Он сплюнул. В Бездну щепетильность Павла. Уиллу нужно убить дракона, иначе Версеворан убьет его, вот и все. Он подкрался ближе.

Слишком поздно. Стена рассыпалась, и Версеворан повернулся к нему.

Уилл развернулся, чтобы убежать, но ноги не слушались. Они запутались, и, падая, он понял, что психическая атака парализовала его.

Огромный вес вдавил его в землю. Версеворан уперся в него передней лапой, и на мгновение показалось, что рептилия просто намеревается раздавить его. Однако затем дракон схватил его когтями и притянул к себе в пасть.

Павел уперся обеими ногами в грудь церебрилита, напрягая все свои исыкающие силы, и напряг ноги, чтобы танар'ри не притянул его к своим клыкам.

Другой рукой церебрилит потянулся к его голове. Он защитился свободной рукой, и когти существа разорвали ее от запястья до локтя. Это было лучше, чем если бы они разорвали ему лицо.

Тем не менее, это был лишь вопрос времени, когда демон, несмотря на слепоту и травмы от различных ран, нанесет калечащий или смертельный удар. Поскольку рука с оружием была зажата в захвате противника, Павлу нужен был другой способ нанести удар, и нож на поясе не годился. Поскольку на нем не было никаких чар, он не мог пронзить плоть танар'ри.

Задышавшись, он произнес заклинание, сорвал с шеи солнечный амулет и провел им по первому проходу. Церебрилит рванулся, чтобы остановить его. Каким-то образом Павлу удалось не только избежать его хватательных когтей, но и правильно завершить фигуру. Из кулона хлынул золотой свет.

Ему пришлось бросить амулет, чтобы схватить вторую светящуюся булаву, материализовавшуюся в его окровавленных пальцах. Он ударил ею по голове

демона, в то время как созданное им ранее летающее оружие, продолжало бить его по позвоночнику.

Демон рухнул и растянулся неподвижно, из его ран вытекала едкая жидкость. Павел не знал, каким оружием был нанесен смертельный удар, да его это и не волновало. Он вырвал свое запястье из мертвой хватки танар'ри.

От этого усилия у него закружилась голова. Он рисковал потерять сознание. Он прохрипел молитву, которая втянула в его тело теплое, исцеляющее сияние Летандара. Он почувствовал себя более устойчивым, хотя все еще был утомлен, слаб и изранен. Этого будет достаточно, потому что на большее у него не было времени. Уилл нуждался в нем.

Павел внимательно изучил глифы на полу. Когда ему показалось, что он понял, как они связаны между собой и как их разъединить, он прохрипел заклинание и пустил амулет через соответствующий проход.

Безрезультатно. Он чувствовал, что ничего не изменилось.

Возможно, это было потому, что он не до конца понимал, что такое связывающие чары, но без долгих часов обучения он не собирался постигать их лучше. Он просто должен был попытаться повторить последнее контрзаклинание.

Он сделал глубокий вдох и произнес заклинание со всей точностью и силой воли, на которые был способен. По залу пронеслась сладкая и сложная гармония, подобная нотам, исполняемых хором. Нарисованные слова и символы вспыхнули, а огни в шарах на треножниках погасли.

Версеворан запнулся. Беспомощный в хватке дракона, Уилл, определенно, не сделал ничего, чтобы быть причиной этого. Неужели Павел наконец освободил рептилию?

Очевидно, да. Уилл не обладал выдающимися способностями к чтению эмоций на лицах драконов, но все же, когда Версеворан зашипел и покачал головой, он увидел, что что-то – разум или самосознание – возвращается. Оно отразилось в совместном смыкании челюстей, раздувании ноздрей и сужении янтарных глаз.

Затем эти глаза вспыхнули. Версеворан взмахнул крыльями, звук был подобен щелчку тысячи хлыстов одновременно – и издал невероятный рев.

«Чудесно, – подумал Уилл, – у него Ярость, и он все равно собирается меня съесть. Павел, ты осел».

Но Версеворан не стал заталкивать его в пасть. Вместо этого дракон повернулся к Жентам, которых хафлинг до этого момента даже не замечал. Хаос, последовавший за вторжением Уилла и Павла, застал их врасплох, но офицерам удалось собрать воинов, чтобы разрешить ситуацию. Латники стояли в строю, лицом к лицу с драконом, но пока что не нападали. Они надеялись, что им это не понадобится, что Версеворан все еще находится под контролем церебрилита.

Дракон разрушил их надежду, поставив Уилла на землю и бросившись на своих бывших хозяев. В конце концов, он не впал в безумие, но это не мешало ему ненавидеть тех, кто осмелился связать его.

Уилл стоял в стороне и наблюдал за резней. Это заняло всего минуту или около того. Затем дракон вскочил на ноги и улетел в ночь.

Павел полагал, что они с Уиллом нашли архивы, для ознакомления с которыми Саммастер приезжал в Халбург, – записи, начертанные не на бумаге, а высеченные в камне. Пещерный храм Огмы, бога знаний, тускло освещался лучами золотистого солнечного света, проникающими через дверной проем и щели в крыше, и имел бесконечные строки слов и пиктограмм, высеченных на белых мраморных стенах от пола до высокого потолка.

Павел пытался почувствовать волнение, но, возможно, из-за того, что его полузажившие раны все еще болели, просто не мог этого сделать. Потребуется дни, а может, и недели, чтобы расшифровать все эти предания и определить, какие из них относятся к безумию, если вообще что-то из них относится. Это было время, которое они не могли себе позволить потратить на поиск.

– Что не так? – спросил Уилл.

Очевидно, Павел позволил своим деморализующим размышлениям проявиться на лице.

– Ничего, – ответил жрец, пытаясь стряхнуть с себя уныние. – Давай каждый возьмет по стене. Ты найдешь много такого, что не сможешь прочесть, но просто поищи то, что относится к драконам.

– Что именно вы хотите узнать? – спросил холодный басовитый голос.

Вздвогнув, воины резко обернулись и увидели высокую тонкую фигуру, одетую в нефритовые и оливковые одежды. Раскосые глаза на безволосом аскетичном лице были такого же пустого и светящегося зеленого цвета. Версеворан принял человеческую форму, чтобы поместиться внутри храма.

– Кортик Брандобариса! – поклялся Уилл. – Нельзя же вот так подкрадываться!

– Что вы ищите? – упорствовал Версеворан.

– Информацию о Ярости, – ответил Павел. – Мы пытаемся определить, как ее остановить.

– Тогда вы глупцы, – сказал дракон. – Ничто не может ее остановить. Но я в долгу перед вами за свое освобождение, так что, если позволите, я помогу вам.

Трансформированная рептилия прошла через храм, почти не останавливаясь, чтобы рассмотреть различные участки стены. Павел задумался, действительно ли Версеворан может так быстро просматривать информацию.

Во имя Рассвета, какой интеллект способен совершить такой подвиг?

Версеворан указал на строку символов и сказал:

– Вот. Это все, что есть, и это обычное предупреждение: «Когда засияет Убийца Королей, тогда вспыхнет Ярость».

– Для нас оно не «обычное», – сказал Уилл. – Что такое Убийца Королей?

Версеворан усмехнулся, но ответил:

– Ты даже этого не знаешь? Это красная звезда, которая появляется на небе каждые несколько веков.

Уилл покачал головой и сказал:

– Сейчас ее там нет.

– Мы знаем, – сказал Павел, – что Саммастер изменил магию эльфов для своих целей. Они, очевидно, связали этого Убийцу Королей чарами, но он разорвал связь.

– Жаль, что неживая шлюха была слишком нетерпелива, чтобы дожидаться возвращения звезды, – сказал халфлинг. – Вся эта навозная буря могла бы разразиться столетие спустя, когда это стало бы проблемой других. В любом случае, я думаю, что то, что мы только что узнали здесь, ничего не стоит.

На мгновение Павел тоже так подумал. Затем он осознал возможности.

– Нет, – сказал он, улыбаясь, – это дает нам некоторую подсказку.

– Какую?

– Указатель, невежда. Что-то, что поможет нам, когда мы будем просеивать древние предания. Теперь, когда мы знаем, что эльфийские волшебники черпали силу из звезд, мы будем искать намеки на Убийцу Королей и вообще на небеса. Если повезет, это может сэкономить нам десятки дней, а то и месяцы поисков.

Павел повернулся к Версеворану и сказал:

– Как и ты. Ты только что продемонстрировал, насколько ценным можешь быть. Позволь мне объяснить, что именно происходит...

– Не беспокойся, – сказал дракон. – Меня не интересует общество людей, мой долг оплачен, и я чувствую, как безумие пожирает мой разум. Я отправляюсь на План Воздуха, чтобы переждать Ярость, как всегда делал мой вид.

Дракон исчез, оставив лишь мимолетную рябь в пыльном воздухе.

